

УРАЛЬСКИЙ

ледоход

4
1960

Y. J. J. J.

AETIUM

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА
 О ГЕРОЯХ-ЗЕМЛЯКАХ
 РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ
 ПЕЧТЫ СОВРЕМЕННИКОВ
 ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
 УРАЛ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
 КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
 СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

4

АПРЕЛЬ

1960

*Короткий сбор
 материалов, посвященных
 50-летию Ленин*

ПО-ЛЕНИНСКИ ЛЮБИ, ОХРАНЯЙ, ПРЕОБРАЗУЙ ПРИРОДУ!
 Документы наших дней ■ «СЛЕДОПЫТ» ИЩЕТ: ГДЕ ВЫ, КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЛЕНИНА? ■ С ЛЕНИНЫМ В КАРПАТАХ. Воспоминания старой коммунистки А. Н. Никифоровой ■ НА ПАХРЕ. Рассказ Н. Ловцова ■ РОДНЫЕ ЛЕНИНА НА УРАЛЕ. Сообщение краеведа Г. Хаита ■ К ИСТОРИИ ОДНОГО ПОДАРКА. Очерк Ю. Курочкина ■ ПАРНИ ИЗ АНТАРКТИДЫ. Документальный рассказ С. Алексеева и Б. Чалого ■ УРАЛЬСКИЙ ГЕРБОВНИК. Статья А. Походова. ■ КОЧЕГАРЫ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ. Очерк нашего специального корреспондента Е. Ананьева об атомоходе «Ленин» ■ В ПОИСКАХ БЕССМЕРТИЯ. Продолжение научно-фантастической повести Б. Фрадкина ■ ГНЕЗДО ВЕТРОВ. Продолжение коллективной приключенческой повести ■ «ЛЕНИНИАНА» В ФИЛАТЕЛИИ. Заметки коллекционера Ю. Сакныня ■ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ ■ БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ.

Свердловское Книжное Издательство

ПО-ЛЕНИНСКИ ЛЮБИ,

использование природных богатств страны и нашего края.

Пришло время начать массовое всенародное движение за ленинское отношение к природе. Пора объявить беспощадную войну нехозяйственному, расточительному, хищническому отношению к природе.

Мы считаем, что застрельщиком всенародного движения за ленинское отношение к природе должна быть молодежь, и в первую очередь комсомолы и пионеры. Нам жить в коммунизме, нам принадлежит и большая часть работы по сбережению, правильному использованию, приумножению наших природных богатств.

В Астрахани молодежь по инициативе комсомола уже выступила в поход за ленинское отношение к природе. Молодежь может много сделать и у нас, на Урале.

ЕСЛИ за счет правильной организации рубки повысить выход деловой древесины с каждого гектара только на 1 кубометр, мы сможем ежегодно сберегать в одной только Свердловской области 10—12 тысяч гектаров леса.

ЕСЛИ добиться более полного, чем сейчас, использования рудного сырья на наших рудниках и заводах, мы получим дополнительно тысячи тонн ценных продуктов и уменьшим количество вредных веществ, выбрасываемых в воздух, в реки и озера с так называемыми промышленными отходами.

ЕСЛИ очистить и привести в порядок реки и водоемы нашей области, мы получим дополнительно не меньше 10 тысяч центнеров рыбы. А ведь можно увеличить во много раз площадь наших прудов, развести в них ценные породы рыб, увеличить выход водоплавающей птицы.

ЕСЛИ мы будем по-хозяйски использовать богатства животного мира, искореним браконьерство, защитим животных и птиц вблизи городов и населенных пунктов, мы можем получить дополнительно тысячи центнеров мяса и дичи, на сотни тысяч рублей ценной пушнины.

ЕСЛИ правильно применять агротехнику на полях колхозов и совхозов области, улучшать луга и пастбища, осушить болота, посадить новые леса на месте пустырей, возникших на месте бывших лесов, мы не только поможем увеличить количество зерна, мяса, молока и масла для населения, но и повысим плодородие почвы и более полноценное использование земельных и почвенных ресурсов.

ЕСЛИ мы сделаем все это — сохраним существующие и насадим новые зеленые зоны вокруг городов и поселков, новые бульвары и скверы, приусадебные и коллективные сады, — мы улучшим условия труда и быта человека — самого ценного из всего, что есть на нашей планете.

Мы считаем, что в наших силах и возможностях взять шефство над делом охраны природы. Что же нужно делать?

1. Поднять молодых лесорубов на борьбу за

Ленинские дни 1960 года ознаменованы невиданным расцветом могущества нашей Родины. Осуществляя замыслы и заветы великого Ленина, советский народ достиг величайших успехов в развитии производительных сил всей страны и нашего края — Урала.

Мы сказочно богаты природными ресурсами. Будем еще богаче завтра, когда с помощью науки и техники поставим на службу человеку все силы природы. Тем большую заботу должны сейчас проявить мы, хозяева страны, о разумном, правильном, бережливом использовании природных богатств.

К сожалению, есть у нас еще несознательные, отсталые, обремененные пережитками капитализма люди. Они рассуждают: «На мой век хватит, а после меня — хоть трава не расти». Они без оглядки истребляют зверя и птицу, уничтожают рыбу, оставляют в лесу непогашенные костры, вредят деревьям и зеленым насаждениям, садам и паркам, пакостят и разрушают памятники природы.

Отдельные организации и их руководители еще узковедомственно относятся к использованию общенародного достояния — природных ресурсов. Они не видят дальше своего носа, не хотят подняться выше своей колокольни и наносят большой вред народному хозяйству.

Мы — биологи, ботаники, зоологи — острее, чем кто-либо, видим эти недостатки и чувствуем свою ответственность за сбережение и разумное

Корошо.

Документы наших дней

ОХРАНЯЙ, ПРЕОБРАЗУЙ ПРИРОДУ!

сбережение для Родины уже в 1960 году 10—12 тысяч гектаров леса путем повышения выхода деловой древесины на отведенных в рубку лесосеках, взять шефство над делом лесовозобновления в нашей области.

2. Организовать общественную охрану, возобновление и уход за зелеными зонами вокруг городов, рабочих поселков, сел нашей области; организовать в области общественные заказники и заповедники с целью охраны выдающихся памятников природы.

3. Повести решительную борьбу против загрязнения атмосферы и порчи вод промышленными отходами; взять под контроль молодежи действующие очистные сооружения на заводах, развивать рационализацию и изобретательство в области борьбы с засорением атмосферы и вод, поощрять инициативу в строительстве простейших профилактических сооружений (отстойники и т. п.).

4. Быть беспощадными борцами против браконьеров и хищников, бессмысленно истребляющих животных, птиц и рыб, всех и всяких нарушителей существующих законов и правил об охране природы.

5. Стать на деле горячими пропагандистами ленинского отношения к природе среди самых широких масс населения, активистами, организаторами Общества содействия охране природы и зеленых насаждений при школах, на предприятиях, в колхозах и совхозах. Добиться, чтобы Общество охраны природы стало самым массовым и популярным обществом в нашей стране. Проявлять энергию, инициативу и комсомольский натиск в борьбе за охрану и разумное использование природы.

Мы считаем, что 90-ю годовщину со дня рождения вождя и учителя всех трудящихся В. И. Ленина мы можем и должны достойно отметить, положив начало массовому движению молодежи за ленинское отношение к природе.

Открытое комсомольское собрание Биологического института Уральского филиала АН СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Взять под общественную охрану в Чкаловском районе города Свердловска зеленый массив, прилегающий к ботаническому саду Института биологии Уральского филиала АН

СССР. Оказать райсовету практическую помощь в озеленении района.

2. Помочь создать в 2—3 школах Чкаловского района Свердловска «Зеленые патрули» из школьников для общественной охраны зеленых насаждений района.

3. Провести на предприятиях, в учреждениях, уличных комитетах, домоуправлениях, школах района выступления с разъяснением принципов ленинского отношения к природе; создать в районе новые организации Общества охраны природы.

4. Поручить секретарю комсомольской организации тов. Михалеву подготовить и от имени комсомольцев и молодежи института внести на рассмотрение исполкома Чкаловского райсовета депутатов трудящихся предложение обсудить вопрос об упорядочении использования природных ресурсов на территории района.

5. Просить комсомольские организации всех институтов Уральского филиала Академии наук СССР, Уральского университета, лесотехнического, педагогического, медицинского, горного и политехнического институтов обсудить в своих организациях конкретные меры участия их в деле охраны природы своего района и правильного использования природных ресурсов области и края.

6. Обратиться к комсомольцам промышленных предприятий Чкаловского района с просьбой обсудить на своих собраниях практические меры борьбы с задымленностью и порчей водоемов промышленными стоками своих предприятий, по очистке и озеленению территорий предприятий, озеленению рабочих поселков и кварталов. Оказать силами комсомольцев и молодежи института необходимую практическую помощь комсомольцам заводов в постановке этих вопросов (лекции, консультации и т. п.).

7. Просить Свердловский обком ВЛКСМ поддерживать наш почин в борьбе за ленинское отношение к природе.

Постановление общего собрания первичной организации ВЛКСМ Биологического института Уральского филиала Академии наук СССР от 3 марта 1960 года.

(Печатается с сокращениями.)

**БУДЬ ЗАБОТЛИВЫМ ХОЗЯИНОМ
ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ
СВОЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ!**

Очень хорошо!

„Следопыт“ ищет: где вы,

Сднажды, просматривая архивные материалы, я обратил внимание на старую выцветшую папку. Сверху никакой надписи. Что в ней? Раскрыл, прочитал первые строчки одного из пожелтевших от времени листков: «Добрый день, товарищ Ленин! Я Вас поздравляю с днем рождения!..»

Письма детей Екатеринбургa Ленину! Волнующие строки маленьких граждан молодой Советской республики любимому вождю, написанные в 1923 году.

Тяжелое время: только что окончилась гражданская война, в стране — разруха, голод, но ребята не вешают голов. Они горят желанием «под-

учиться» и быть настоящими помощниками партии, Ленина в строительстве новой жизни. Ребята гордятся тем, что они не сидят без дела, что у них «много занятий», что они учатся и трудятся.

А сколько в этих письмах проявилось детской любви, беспокойства и заботы о больном вожде! В бесхитростных словах детей выражена их беспредельная преданность Родине, горячее желание быть такими же борцами за счастье людей, каким был Ленин.

Н. Макаров, заведующий партархивом Свердловского обкома КПСС

«Мы учимся в школе и учимся дома, без дела не сидим...»

«Добрый день, Владимир Ильич.

Мы, дети, давно уже собирались написать Вам маленькое письмо свое, как к своему старшему товарищу, но мы все думаем, что у Вас так много работы и Вас все так любят и Вам, наверное, пишут рабочие с фабрик и крестьяне из деревень. Мы думаем, что Вам некогда, Вам надо работать, чтобы позаботиться о лучшей жизни пролетариев.

Владимир Ильич, мы читаем в газетах, что Вы больны, и нам так жаль, так жаль Вас, что Вы нездоровы. Мы думаем, что это письмо не дойдет до Вас, и пишем мы его напрасно, все равно оно не дойдет.

Нам очень хочется рассказать Вам про свою жизнь. Владимир Ильич, мы живем в детском доме Красной Армии, и кормят нас наши красноармейцы. Мы учимся в школе и учимся дома, без дела не сидим, у нас занятий очень много. Мастерская сапожная, пошивочная мастерская, клубные занятия, пение, драматизация, лепка из папье-маше и другие. Моем, стираем, в общем, работы очень много.

Неужели Вы получите это письмо и прочитаете. Вот-то мы были бы рады, наш любимый вождь читает детское письмо. Мы Вас хоть и не видели, но знаем хорошо, у нас есть Ваш портрет, знаем, что буржуи Вас боятся, Вы их совсем прогоните. А вот, когда мы вырастем, то пойдем в Красную Армию и зададим буржуям и спекулянтам баню. Нам вот подучиться надо, а потом мы будем Вам помогать, только Вы не хворайте и берегитесь, чтоб буржуи-кровососы с Вами не сделали худа, им это что. Когда мы читаем о Вашей болезни, то нам становится Вас очень жаль. Вы очень много работаете, а без работы тоже никак нельзя.

Поздравляем Вас, Владимир Ильич, с днем Вашего рождения и желаем Вам много, много жить. Еще поздравляем Вас с большим нашим народным праздником 1-го Мая. Прочитайте наше письмо обязательно:

Вождю коммуны всероссийской,
Врагу буржуев, кулаков,
Мы шлем привет свой теплый детский.
Мы, маленький народ советский.

На смену скоро к Вам придем.
И всех буржуев разобьем...
Крепись, Ильич, и будь здоров,
Желаем много жить годов.

От детей детского дома № 2 имени Красной Армии 21/IV—23 г.»

корреспонденты Ленина?

«Исан бул, кимматле Владимир абзи Ильич..»

«Дорогой Владимир абзи (старший, почтенный брат.— Ред.)

Мы, дети татаро-башкирских детских домов III Коминтерна и «25 лет РКП» г. Екатеринбург, услышав от своих воспитательниц о Вашей болезни, решили послать Вам письмо и сказать: у нас нет ни отцов, ни матерей, ни родных, которые могли бы нас приютить, но у нас есть кимматле (дорогой.— Ред.) Владимир абзи, который нас пожалел, дал нам возможность иметь свои детские дома.

Мы еще малы, бессильны помогать Вам в борьбе за юксылор хакимиятина (за власть угнетенных.— Ред.), но готовимся быть багодур (богатырь, герой.— Ред.), революционерами.

Мы говорим: кимматле Владимир абзи нам нужен, он должен жить и увидеть нас джигит-революционерами.

Яша (живи.— Ред.), исан бул (будь здоров.— Ред.), кимматле Владимир абзи Ильич, куб елор (многие лета.— Ред.).

(Подписи воспитательниц, детей)».

«Добрый день, товарищ Ленин...»

«15 апреля 1923 г. Товарищу Ленину.

Добрый день, товарищ Ленин, я Вас поздравляю с днем рождения 1870 года, и желаю Вам жить хорошо. Нам уже известно, что Вы больны, и я желаю Вам выздороветь и отпраздновать Первое Мая. Да здравствует товарищ Ленин, который освободил рабочих от буржуазии, а теперь пока до свидания. Писал В. О. — пионер школы-коммуны Михайловских.

Вперед, товарищ Ленин,
Веди нас до конца.
Мы вечно будем помнить
Великого борца.

Вождю страны народной
Народ шлет свой привет
И от души желает жить
Много, много лет.

Писал 21 апреля».

«...Мне так хочется помочь Вам!»

«Дорогой дядя, товарищ Владимир Ильич, поздравляю Вас с днем рождения, больше всего желаю здоровья Вам, так как я слышал, что Вы хвораете. Хворать бы ничего маленько, но лекарство горькое, и мне Вас жаль. Вы добрый и любите нас, детей, а подарить мне Вам нечего, картинку маленькую нарисую. Вырасту большой, приеду к Вам, мне так хочется помочь Вам в Ваших хороших и светлых делах. До свидания. Писал юный пионер Виталий Ромашев, 10 лет».

Кроме опубликованных нами писем в парт-архиве Свердловского обкома КПСС хранятся письма детей из детских домов им. Розы Люксембург, им. Некрасова, Кунгурской железнодорожной школы II ступени. Письма в большинстве своем коллективные, но некоторые из них подписаны. Среди подписей встречаются не только имена, но и следующие фамилии: екатеринбуржцев Шуры Зубрицкой, Наташи Комаровой; кунгуряков Васицовой, Овчинникова, Киселева,

Градела, Шуваевой, Шихова, Головизина, Нагибиной, Пятовой, Покровской, Соколовой.

С тех пор, как были написаны эти письма, прошло 37 лет. Маленькие корреспонденты Ленина выросли, нашли свое место в жизни, в обществе. «Уральский следопыт» просит откликнуться корреспондентов Ленина, рассказать читателям, как они выполнили обещания, данные Владимиру Ильичу.

С ЛЕНИНЫМ В КАРПАТАХ

А. Н. Никифорова,
член КПСС с 1910 года

В 1914 году летом партия направила меня за границу, в галицийское местечко Поронино, находившееся в пределах Австро-Венгрии, где жил Владимир Ильич Ленин с Надеждой Константиновной Крупской и ее матерью Елизаветой Васильевной.

Была я тогда совсем молодой девушкой. За границу я никогда не выезжала и языками иностранными не владела. Меня предупредили, что поездка эта будет сопряжена с такими опасностями, предвидеть которые никто не мог... Незадолго до моей поездки была раскрыта крупная провокация охранки, и путь, которым обычно пользовались для перехода границы, мог быть провален. Никто толком не знал, целы ли явки, живы ли люди, помогавшие нам.

Но дело не терпело промедления, партийная организация ожидала решения важного вопроса. А это решение я могла получить только там, в Поронино.

Нужно было ехать. В неизвестность, может быть, прямо в лапы к шпикам, жандармам...

Но все обошлось благополучно. Позади остались Люблин, симпатичный студент-политехник Сергей Петриковский, организовавший переход границы, пограничная деревушка, проводница, угрюмая и молчаливая, как лес, через который она вела меня за кордон...

И вот я в Поронино. Очень рано, но солнце уже взошло. У встречной женщины-крестьянки спросила, где живут Ульяновы. Она охотно указала. Здесь легче объясняться, чем в Польше. Гуцульский язык ближе к украинскому, чем польский. Понимаю почти все, а чего не понимаю, о том догадываюсь. Чувствую, что Ульяновых здесь знают и уважают.

Домик стоял у подножия небольшого пригорка. Несколько окон по фасаду и

Адрес 10-го
района (улица)
мне удалось
посетить
Поро-
нино
и Надежду
Круп-
скую-Кв. 4
ул. К. М.
Ленина.
А. Н. Н.
Сам хранила
это дома
помнит
В. И. Ленин
в мему

Но Поронино - в Польше, в
Краковском воеводстве (область)
Говорят там по-Польски

две двери: одна выходила на веранду, другая прямо на поляну. Тихо. За окнами — никакого движения.

Что же делать? Решила: время раннее, сяду на крыльцо и буду ждать. Кто-нибудь да выйдет. Сажу и думаю: что за человек Ленин, как он выглядит? Может быть, он важный и строгий... Как буду говорить я, простая девушка, с ним, вождем партии...

Ждать пришлось недолго. Мысли мои прервали скрип двери и шаги за спиной.

На веранду вышла женщина средних лет в простом сереньком платье, с гладко зачесанными, уже тронутыми сединой волосами.

Она что-то сказала мне по-польски. Тогда я приподнялась и по-русски спросила: «Ульяновы здесь живут?» Последовал русский ответ: «Да, здесь». Коротенькое молчание. Пароль. Отзыв. И вот наши руки встретились в крепком рукопожатии.

— Я Крупская,— сказала женщина.— Меня зовут Надежда Константиновна. А вас?

Разговор завязался быстро. Надежду Константиновну интересовали подробности поездки, рассказы о товарищах... Вместе прошли на кухню, и, пока на спиртовке поспевал чай, мы продолжали говорить.

Я сразу почувствовала себя легко и просто.

— Мы будем звать тебя Аней,— сказала Надежда Константиновна.— Вот скоро выйдет Владимир Ильич, и ты все, что говорила мне, расскажешь и ему.

Вскоре в проеме открытой на улицу двери появился человек в белой сорочке с засученными рукавами и полотенцем, переброшенным через плечо.

Он вопросительно взглянул на Крупскую. Надежда Константиновна коротко объяснила:

— Это товарищ Аня. Она только что из России.

Владимир Ильич поздоровался, крепко пожал мне руку и сказал:

— Ну-с, рассказывайте, как вы сюда добирались?

Он подошел к раковине и, шумно плескаясь, стал умываться. Мысли о важности, о строгости, о неприступности Ленина сразу исчезли.

Весело булькала вода в кране, а Владимир Ильич то и дело бросал коротенькие реплики:

— И вы думаете, этим путем можно пустить других?.. И вы считаете, он надежный, этот путь?..

Разговор продолжался и в столовой, за завтраком. Меня спрашивали о России, о Петербурге, о товарищах. Тогда же решили оставить меня в своем доме. «Будешь у нас, как дочка,— говорили хозяева,— устраивать тебя где-нибудь — языка не знаешь, да и денег нет у тебя...»

Я сидела и не знала, какими словами выразить свою благодарность. Казалось, я приехала в родной дом, к самым близким людям...

За обедом снова продолжались разговоры о России. А потом, сидя на террасе, долго беседовали о партийных делах.

Работал Владимир Ильич очень много и организованно. День был плотно заполнен напряженным трудом. Подымался он рано, обязательно делал небольшую прогулку, завтракал и с девяти утра садился за работу. Работал часов до семи вечера с небольшим перерывом на обед.

Затем Владимир Ильич отвозил почту на вокзал к поезду и немного гулял пешком или ездил на велосипеде по окрестностям. Поздним вечером и ночью Ленин также часто работал. Об этом я сужу по тому, что свет в его комнате горел порой и в два, и в три часа ночи. Наутро Надежда Константиновна выносила для переписки объемистые пачки мелко исписанных листков...

Владимир Ильич не признавал пассивного отдыха. Паузы между работой у него были также заполнены. За обеденным столом, в перерыв после обеда в семье Ленина обсуждались самые разнообразные вопросы. Речь шла о литературе и искусстве, об отношении к религии, о культуре, о красоте, о здоровье. Ильич подолгу расспрашивал с спектаклях, выставках, книгах, советовал прочитать, посмотреть, побывать.

Не было, казалось, таких вопросов, к которым он оставался бы равнодушным. Некоторое время спустя тем же путем, что и я, прибыли из России еще два товарища. Поместились они где-то на стороне, но ежедневно после обеда все собирались у Ильича. Как-то разговор зашел о том, как много ценного времени было потеряно в тюрьме. Владимир Ильич долго и убедительно говорил о том, что надо и тюрьму использовать для повы-

ишения общего уровня. Надо заниматься, заниматься, а не хныкать. Надо ежедневно делать зарядку, обтирание. Об этом он говорил часто и не уставал интересоваться, каким образом каждый из нас закаляет свое здоровье.

«А на коньках вы катаетесь? А грести умеете? — то и дело спрашивал он. — А плавать? Плавать надо уметь хорошо! Надо уметь держаться и на воде, и под водой — это необходимо в жизни!»

Сам он был постоянным примером для нас. Каждое утро во всякую погоду он выходил на прогулку и, если не было дождя, шел на речку купаться. Плавал он очень хорошо. Даже против течения, по быстрине, он плыл легко, преодолевал водовороты. В быстрой горной реке Поронец он ежедневно проплывал до водопада и обратно.

Ленин страстно любил природу и лучшим видом отдыха считал движение на воздухе: прогулки, велосипедные поездки, охоту, купание, плавание.

Когда нужна была разрядка от напряженной работы, когда организм требовал, а положение дел позволяло ему сделать небольшой перерыв, Ленин проводил время на лоне природы.

Как-то в полдень, когда, как обычно, собрались все вместе, Владимир Ильич

спросил: — А кто из вас бывал на Карпатах?

Оказалось — никто. Но побывать хотелось каждому. Тогда Ленин стал подробно расспрашивать, кто и когда подымался в горы. Не помню уже, что отвечали товарищи, но, когда Владимир Ильич обратился ко мне, я довольно бойко ответила, что подымалась.

— Где же? — заинтересовался Ленин.

Я уверенно заявила, что подымалась на Царев Курган, под Самарой...

И вдруг Владимир Ильич расхохотался. Смех у него был звонкий, раскатистый.

— Да понимаете ли вы, матушка, — сквозь смех говорил он мне, — мы собираемся на гору в тысячи метров, а вы поднимались на десятки метров. Нет, нет, ни в коем случае нельзя вам идти.

Я не знала, как возразить, мне было только очень стыдно: не сообразила, что приравнивала небольшой Царев Курган к горе.

Стали готовить снаряжение, распределять обязанности в походе.

А как же быть мне?

Я никак не могла успокоиться и стала упрашивать Надежду Константиновну, а потом вместе с ней и Владимира Ильича. Я обещала хорошо идти... На-

Очень интересно!

Родные Ленина на Урале

Наши читатели уже знают, что дед Владимира Ильича Ленина Александр Дмитриевич Бланк долго работал на Урале. Но едва ли им известно, что с Уралом связаны жизнь и деятельность двоюродных братьев и сестры Ленина.

Кто они были? Какой след оставили в общественной жизни своего времени? Чем остались памятными народу?

Об этом рассказывает казанский историк-краевед Г Хаит.

* * *

А. Д. Бланк в Перми близко сошелся с молодыми людьми, преподавателями местной гимназии Иваном Дмитриевичем Веретен-

никовым и Андреем Александровичем Залезским. Александр Дмитриевич не только сдружился с ними, но и породнился, выдав за них замуж старших дочерей.

Это были опытные педагоги, просвещенные и прогрессивные люди. И. Д. Веретенников, книголюб, восстанавливал после пожара 1842 года библиотеку Пермской гимназии. Позднее, работая в Пензе, он заведовал библиотекой. Здесь он сблизился с Ильей Николаевичем Ульяновым, который в доме Веретенникова познакомился со своей будущей женой — Марией Александровной, матерью Владимира Ильича.

Дружили в этой семье и взрослые, и дети. С особенной теплотой сестра Владимира Ильича Анна

А. И. Веретенникова

¹ «Уральский следопыт», № 4, 1959 г.

конец Ильич посмотрел на мою обувь (на мне были школьные на низком каблуке туфли с ремешком) и сказал: «Не выдержат». А потом, чуть помолчав, добавил: «Попытаюсь найти что-нибудь у знакомого сапожника».

И вот, наконец, все готово: уложены рюкзаки, подготовлены велосипеды, выезд назначен на три часа утра. Едем к одной из высоких карпатских вершин — Свинице. Надежда Константиновна из-за плохого самочувствия от прогулки отказалась. Отправились вчетвером.

Первые пятнадцать километров до подножия горы надо было ехать на велосипедах, а уж потом подыматься.

Впереди, указывая дорогу, едет Владимир Ильич, мы держимся вплотную за ним. Однако вскоре я стала отставать: на велосипеде я держалась, но ездомком была слабым. Тогда Ленин указал товарищам дорогу, а сам все время держал меня на виду. Я хоть и крутила педали изо всей силы, но догнать своих спутников не могла.

Светало. На улицах появились люди. Они здоровались с Лениным, он иногда сходил с велосипеда, обогнал со встречными, и я ненадолго обгоняла его. Потом он снова обгонял меня и, ничего не говоря, снова задерживался с кем-ни-

будь. Так и доехали до подножия горы. Ныли руки, болела спина.

Владимир Ильич, понимая мое состояние, осторожно предложил остаться здесь, побродить по окрестным местам, полюбоваться природой. Но я была упрямой. Тогда Ленин стал объяснять правила подъема. Остановливался на каждой мелочи и каждый раз строго требовал: не затруднять дыхания, не бежать и не садиться. Отдых должен быть разумный, полноценный.

В полдень подошли к горному озеру Чарный Став. Привал. Хорошо закусили, отдохнули и — дальше. День стоял на редкость солнечный, ясный. Владимир Ильич был доволен. Он подробно рассказывал о людях, с которыми беседовал по пути, об окружающей местности.

— Дальше путь будет еще более трудным, — сказал Ленин, — мы будем подыматься на скалы, проходить через ущелья и ледники, каждый должен проверить свое самочувствие, осилит ли?

Как раз возвращалась сверху партия экскурсантов, и Владимир Ильич намекнул, что можно бы кое-кому и присоединиться к ним. Подъем необычный, тяжелый...

Но когда я твердо сказала, что пойду дальше, возражать не стал.

Ильинична отзывалась в своих воспоминаниях об Анне Ивановне Веретенниковой. Это, писала она, была «самая любимая из наших кузин и кузенов». Анна Веретенниковой не было и 16 лет, когда она окончила гимназию. Решив стать врачом, девушка отправилась в Питер.

Окончив учение, Анна Веретенникова отказалась от должности ассистента на курсах и отправилась в дебри глубокой провинции — в Белебеевский уезд Уфимской губернии. Здесь она стала сельским земским врачом. Анна Ивановна за три месяца изучила татарский язык, свободно говорила, читала и писала. Народ любил ее. Скромная ее квартира с утра до ночи была полна народа. Татаро-башкирская беднота «грехом считала» брать с нее деньги за проезд, пищу и кров.

На этой работе Анна Веретенникова тяжело заболела туберкулезом легких. Пришлось оставить работу, ехать в Петербург, потом — в Казань. Едва оправившись от болезни, она снова едет на Урал, на этот раз в Осинскую

уездную больницу Пермской губернии. Летом 1888 года она приехала в деревню Кокушкино Казанской губернии, где в это время отбывали ссылку Владимир и Анна Ульяновы. Здесь она тем же летом умерла.

Тогда же, в июле 1888 года, в письме из Кокушкино своим знакомым Анна Ильинична писала:

«Сюда на лето собирается мой двоюродный брат — доктор».

Кто же этот двоюродный брат? Речь шла об Александре Андреевиче Залежском (сыне учителя и общественного деятеля А. А. Залежского), служившем в Пермской губернии чердынским уездным, а затем — городским врачом. А. А. Залежский — коренной пермяк. После окончания в 1881 году медицинского факультета Казанского университета становится уездным врачом. В невероятных тяжелых условиях А. А. Залежский сумел наладить относительно сносную медицинскую помощь местному населению. Как отмечалось в некрологе, посвященном его памяти, напечатанном в «Пермских губернских ведомо-

А. А. Залежский

стях», он «как земский врач-хирург был очень популярен. Всягдашняя простота обращения сильно привлекала к нему крестьян...»

Александр Алексеевич Залежский так же, как и Анна Ивановна Веретенникова, сгорел на зем-

Поворот влево — и озеро исчезло. Перед нами только скалы, загромаждающие путь, и кусочек синего неба.

...Шли цепочкой, впереди шагал Ленин в своей соломенной шляпе, с гуцульской палочкой в руках, ручка которой была оформлена в виде топорика.

В нескольких местах надо было подтягиваться на руках, подыматься вверх по специальным, вбитым в скалы скобам. Но Владимир Ильич был неутомим.

И вот мы поднялись на почти ровную площадку. Вовсю сияло солнце. Это и была самая вершина Свиницы. Кругом клубились облака. Казалось, один шаг — и полетишь в пропасть. Владимир Ильич был огорчен.

— Вот и поднялись на высоту, — сказал он, — а карпатских красот не увидели.

Позднее Надежда Константиновна объяснила нам истинную причину его разочарования. Оказывается, Ильич любил Свиницу за то, что с ее вершины открывались просторы России. На этот раз из-за облаков не видно было родной страны.

Быстро развязали рюкзаки, стали закусывать.

— Здесь уж нас не достанут ни жандармы, ни полицейские, ни цари, — пошутил Владимир Ильич. — Будем петь полным голосом... Ну, кто запеваает?

Запевалы не оказалось, тогда Ильич сам тихо начал:

Замучен тяжелой неволей,
Ты тяжкою смертью почил.
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил.

Это была его любимая песня.

Песни сменяли одна другую: «Вихри враждебные», «Смело, товарищи, в ногу», «Вставай, подымайся» и, наконец, «Интернационал».

Ильич приподнялся и почти незаметным движением руки стал дирижировать.

То, о чем я рассказываю, — только крошечный эпизод гигантской, всеобъемлющей, нескончаемой жизни Ленина. Ленин живет сегодня и будет жить вечно в борьбе нашего народа, в борьбе всех народов мира за коммунизм.

Но и об этом эпизоде надо знать и этому примеру следовать в своей жизни. Потому что в жизни Ленина нет мелких и незначительных подробностей.

Туристские походы Ленина сегодня повторяют миллионы освобожденных Великим Октябрем советских людей, миллионы и миллионы юных следопытов.

Мы идем к сияющим вершинам коммунизма. Чтобы достичь их, нужно быть крепким и сильным, закалять свою волю, учиться преодолевать препятствия, быть всегда готовым выполнить самую тяжелую работу, решить самую сложную задачу, которую поставит перед тобой твой народ, твоя партия.

Так учил Ленин. Так делал Ленин. Так делайте и вы, юные следопыты.

Литературная запись
Серафимы Писковер

ской врачебной работе. Он умер молодым, 33 лет от роду, 8 марта 1890 года от туберкулеза.

На Урале, в Пермской губернии, служили врачами двоюродные братья Владимира Ильича: Михаил Александрович Пономарев в селе Крестовоздвиженском на платиновых промыслах (позже он стал первым советским главным врачом Пермской губернской больницы), Федор Александрович Ардашев в Соликамске и в Усолье.

Наш рассказ был бы не полон, если бы мы не рассказали еще об одном близком родственнике Ульяновых — Александре Ивановиче Пономареве, много лет служившем в Перми. Собранный им литературой пользовался во время первой своей ссылки в Кокушкино (1887—1888 гг.) Владимир Ильич Ленин. Вот что пишет об

этом в своих воспоминаниях Анна Ильинична Ульянова: «Владимир Ильич много читал, — во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека». Сам Владимир Ильич рассказывал в 1904 году в Женеве, что во время первой своей ссылки он «читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия».

Александр Иванович Пономарев по роду службы имел доступ к подобной литературе, так как долгие годы был цензором и редактором неофициальной части «Воронежского листка», а затем в течение почти 15 лет служил в

Перми старшим советником Пермского губернского правления и редактировал неофициальную часть «Пермских губернских ведомостей», где, кстати, при его поддержке напечатал свои произведения писатель Ф. Решетников.

Все, что вы узнали из этой статьи, мы почерпнули из архивных документов, из старых справочников и книг. Только еще начаты поиски материалов о родных и родственниках семьи Ульяновых, работавших и живших на Урале.

Юные краеведы Белебеевского района Башкирии, Осинского района Пермской области, Златоуста, Соликамска и Усолья! Разыскивайте документы, собирайте воспоминания о замечательных людях, чья судьба была близко связана с семьей Ульяновых, давшей миру гениального Ленина.

НА ПАХРЕ

Рисунок В. Васильева

Н. ЛОВЦОВ

Есть у меня приятель Петр Акимович Сергеев, бывший солдат Петроградского запасного бронедивизиона. 3 апреля 1917 года от этого дивизиона для охраны Владимира Ильича Ленина были направлены к Финляндскому вокзалу в Питере две боевые автомашины. Следом за ними вышел отряд солдат, верных революции. Среди них был Петр Акимович Сергеев.

С того памятного дня судьба повела моего друга за Лениным. И теперь, когда он вспоминает о далеких днях, его глаза начинают молодо светиться, даром что ему уже давно перемахнуло за шестой десяток.

Недавно сидел я у Петра Акимовича в его комнате, увешанной охотничьими трофеями. После революционных боевых лет мой друг увлекся охотничьим спортом. Эта страсть и сейчас беспокоит его, нынешней весной в подмосковных лесах он подстрелил лесную хищницу — пятнистую рысь. Вот еще какой этот старик!

Мы разговаривали об охоте, и вдруг он, усмехнувшись в белую бороду, лукаво сказал:

— Ты вот увлекаешься рыбной ловлей, а ведь еще не все знаешь...

Я насторожился.

— Поверишь мне или нет — дело твое. А мне однажды довелось увидеть Владимира Ильича с удочкой.

Я покачал головой. Петр Акимович принял это за сомнение и вспыхнул:

— Думаешь, обманываю, ложь на свои седые волосы набрасываю?!

Я знал его характер и промолчал.

Старик тяжело опустился на стул, обшитый барсучьей шкурой, и продолжал:

— Все привыкли, что Владимир Ильич охотничал, а о Ленине-рыболове даже не говорят. А ведь напрасно. Ленин родился на Волге, на реке вырос, хорошо плавал. А какой парнишка не ухватится

за удочку... Так и было. Мне Владимир Ильич как-то на охоте говорил лично: «В детстве я много удил и считался хорошим рыболовом...» Василий Барычкин это тоже от него слышал...

Я вопросительно посмотрел на Петра Акимовича.

— Да я же тебе про Барычкина рассказывал! Это мой сослуживец по Казанской железной дороге. Слесарем там работал. Потом мы вместе с ним воинскую службу отбывали в Петроградском броневом дивизионе. Старшим он был в охране Владимира Ильича и в Смольном, и в Кремле.

Я припомнил рассказы Сергеева об этом человеке, который всю свою жизнь посвятил охране Ленина.

— Так вот, насчет рыбной ловли Владимира Ильича, — продолжал старик. — Случилось это в двадцать втором году. Как-то Ленин на несколько дней приехал в Горки. Стояла красная осень. Холода уж начались. Я жил тогда на родине, в деревне Плетениха, около пяти километров от Горок. Отлеживался после ранения.

Забегал как-то ко мне Барычкин и говорит: организуй охоту для Владимира Ильича. Дичи тогда под Москвой водилось порядочно — охотников нет, не до того было, народ на фронтах был.

Вскорости мы снарядились с Владимиром Ильичом на охоту. И скажу тебе: стрелял он мало, взял пару молодых тетеревов, но нагулялся вволю. Возвращаемся обратно. Вышли к Пахре — речка наша известная, через Горки течет. Идем бережком. На широком плесе увидели рыбаков. Среди них и Барычкин. А он, надо сказать, зараженный с детства рыболов. Воспользовался, что Ленин на охоте, и — на Пахру.

— Ну вот, и выходит, что рыбалкой-то увлекался твой Барычкин, — с недоверием усмехнулся я.

— А ты поперёдь батьки в пекло не лезь! Разговор-то еще весь впереди... — огрызнулся Сергеев. — Слушай лучше. Когда мы подходили к рыбакам, я еще подумал: какой уж теперь клев в такую холодищу, зря Барычкин сидит. Поравнялись. Глядим, а рыбаки и на самом деле вытягивают одних пескарей да мелкую плотву. Смех! Только у Барычкина закинуто в глубину штук пять удочек. Замер он над удочками, посинел, руки протирает — вот ведь до чего неумная страсть доводит, — дрожит, а глаз с поплавок не сводит.

Поравнялся Владимир Ильич с рыбаками, остановился и глаз не может отвести от поплавок. А тут еще на одной из удочек Барычкина заиграла красная пробка. Вася сделал подсечку, леска натянулась, зазвенела — видать, попалась хорошая рыбка. Только Василий заволновался, зашпешил — рыбина махнула хвостиком, обдала нас брызгами и от поджарки отказалась.

Владимир Ильич мигом спрыгнул к Барычкину и говорит:

— Ничего, товарищ, ничего, у всякого охотника промахи бывают. А рыбу нужно ловить без горячки. Ей, знаете, все по леске передается, — он улыбнулся и тише сказал: — Разрешите на одну из ваших удочек попробовать?

Барычкин передал Владимиру Ильичу самую лучшую удочку.

— На что ловите? — спросил Ленин.

— Нужно было бы на мотылей, да намыть не осталось времени: до озера далековато... Вот червей накопал, — смущенно ответил Барычкин.

— Навозный червяк — весьма уважаемая насадка, — одобительно ото-

звался Ленин. — Писатель Аксаков говорил, что под осень рыба хорошо берет всякую насадку. Дайте-ка мне вашего червяка да побойчее, потолще, поаппетитнее. Рыба в червях толк знает, — Ленин лукаво подмигнул нам.

Очень заинтересовал нас Владимир Ильич. По одному разговору поняли, что он — рыбак настоящий. Видим, молодецкато закинул насадку, спокойно сел на бревнышко, потом чуть поддернул леску — все замашки опытного удильщика. Сидим не шевелимся.

По речке ветерок проскочил, неприятный такой. С деревьев сорвались листья и посыпались на воду. Владимир Ильич внимательно посмотрел на них, чуть прищурился, заметил, куда больше всего упало листьев, и, понимаешь, туда-то, под листья, и перезакинул своего червяка.

Прошло немного времени. Примечаем: заходил у Ленина поплавок, леска натянулась и пошла резать речную волну.

— Ого, — чуть слышно произнес Владимир Ильич. — Кого-то заинтересовала моя насадка. Так, так... Хорошо клюет, хорошо...

Его сразу окружили рыбаки. Соскочили и мы с берега.

— Подсекайте, подсекайте! — слышались торопливые советы.

Владимир Ильич недовольно покоился на нас, но ничего не сказал, только головой покачал. Потом чуть подался вперед и в какой-то момент, известный только одним рыбакам, сильно подсек. И так это у него красиво вышло! Кто-то притаяло подсачок, протянул Ленину, он осторожно подвел его под увесистого голавля. И, передавая свою добычу Барычкину, весело сказал:

— Видите, Василий Матвеевич, оказывается, на нашей Пахре есть очень хорошая рыба, очень хорошая..

Насадив нового червяка, он опять забросил крючком под листья. Только тут погода круто изменилась, подул такой ветрище, что деревья над нами ходуном заходили. На реке волны вспенились. Какая уж тут рыбалка! Ленин с сожалением посмотрел на небо и со вздохом вернул удочку Барычкину.

— Нынче клева уже не будет, а жаль, жаль. Но, полагаю, мы еще с вами здесь порыбачим. Рыбная ловля — замечательный отдых.

ПОРОДНИЛИСЬ С ЛЕНИНЫМ

Истари жители села Романово почти все носили одну фамилию — Романовы. Мало что нарушало в те глухие годы покой этих старых домов, обнесенных высоченными крепкими заборами, с окнами, выходящими во двор. Замкнуто жил угрюмоватый народ, придавленный царской властью. Но Октябрьская революция принесла в глухую деревню свет новой жизни.

Раскололась деревня. Батраки, беднота — за Советскую власть, кулачье — за белогвардейцев. Решали спор этот и на своей улице, и на полях гражданской войны, решали кровью, в бою.

Немало людей не захотели быть однофамильцами свергнутого царя Романова. А какую взять, коли старая негодна? И вот многие крестьяне решили породниться с Лениным, вождем народа, переменили свою фамилию на фамилию Ленина. Василий Павлович, Сергей Иванович Романовы и другие. Многие из них погибли в годы гражданской войны. Многие полегли за Советскую Родину в Великой Отечественной войне, с честью сберегая святую чистоту имени Владимира Ильича.

Об этом мне рассказал их односельчанин, старый партизан Дмитрий Владимирович Романов, когда я летом 1959 года был в диалектологической экспедиции в колхозе имени Свердлова, Серовского района, Свердловской области.

В. Свиридов,
студент Уральского университета.

Очень интересно и
длинно исторично.

Удивительная сумка

Находка на чердаке

В ноябре 1958 года в нашем следопытском отряде незаметно появилась Галка Каурова. Она стояла крайней на левом фланге и каждый раз после переключки со словами: «Расчет окончен!» — старательно делала шаг вперед. Кто-то из ребят так ее и прозвал: «Галка, расчет окончен».

Ничем больше она не выделялась и никто не мог подумать, что именно Галка Каурова найдет ценные материалы, которыми заинтересуется Музей Октябрьской революции в Ленинграде!

Как-то она принесла на занятие кожаную полую сумку и старинный кортик в потертых ножнах.

— Где нашла? — бросились мы к кортику.

— У нас дома, на чердаке, — ответила Галка.

Мы окружили стол, на котором лежала загадочная сумка, вытащили из нее толстый пакет.

— Смотрите, газета за 1918 год! — воскликнул Сергей. — «Вооруженный народ» называется!

— «Приказ № 1 Петроградского Совета», — вслух прочитал Герман, развертывая пожелтевший от времени листок. С интересом рассматривали мы удивительные вещи, принадлежавшие, очевидно, какому-то участнику Октябрьской революции.

— Ребята, а это что за значки? — спросил Славка, внимательно рассматривая ровные строчки каких-то знаков на плотном картоне.

— Может, фамилия указана, кому принадлежат вещи, — высказал предположение Алик.

— Хватил! — отозвался Сергей. — Была нужда зашифровать фамилию.

— Нет, тут что-то другое!

А нет ли на кортике фамилии? Толя, Сергей и Славка, вооружившись лупами, тщательно осмотрели рукоятку и ножны кинжала.

— На нем даже инициалов нет, — разочарованно протянул Славка.

В это время в кабинет вошел наш руководитель Павел Игнатьевич Истомина.

— Что это вы расшумелись? — спросил он.

— Галка интересные документы нашла и кортик, — шагнул вперед Славка.

— А сама не знает, кому они принадлежат, — прервала Славку Люда.

Павел Игнатьевич посмотрел кортик и документы, а потом вдруг повернулся к Галке и сказал:

— Молодец, Галка! Это документы Николая Ивановича Варзанова, активного участника Октябрьской революции. Часть его документов два года назад нашли школьники Уралхиммаша, когда вместе с Константином Алексеевичем Морозовым (Морзо) изучали историю своего района. Документы они передали в музей Октябрьской революции в Ленинграде. А эти вещи, очевидно, Николай Иванович оставил в другом месте.

— Вот здорово! — зашумели ребята.

— Нам обязательно надо встретиться с Николаем Ивановичем, — предложил Коля. — Пригласим его к нам в гости.

И спустя месяц наш отряд встречал дорогого гостя. Мы очень удивились, когда к нам из вагона вышел не по летам бодрый, с военной выправкой человек. Это был Николай Иванович Варзанов.

— От всего сердца благодарю вас! — взволнованно говорил Николай Иванович, пожимая наши руки. — Ведь вы нашли документы, которые я искал сорок лет, а среди них — газета, подаренная мне Владимиром Ильичом Лениным.

— Вы видели Ленина?

— Да, я был на приеме у Ильича вскоре после случая на Псковском шоссе.

— А что это за случай? Расскажите, пожалуйста.

Тревога на Псковской заставе

Теплой августовской ночью 1917 года 175-й пехотный запасной полк, которым командовал Николай Иванович Варзанов, занял позиции вдоль Псковского шоссе под Петроградом. В наспех вырытых окопах солдаты готовились к бою. С минуты на минуту по железной дороге на Петроград должны были проследовать поезда с «дикой дивизией» генерала Корнилова.

Вдруг на заставе полка поднялась тревога. Пользуясь темнотой, мимо проскочила легковая автомашина.

— Огонь! — раздалась короткая команда начальника заставы. Ночную тишину разорвали

длинная пулеметная очередь и винтовочные залпы. Через несколько минут в штаб полка привели пожилого полковника и двух корнетов. При допросе Варзанов выяснил, что начальник оперативной части ставки верховного главнокомандующего Корнилова полковник Лебедев, пробираясь в конный корпус генерала Крымова в город Лугу. При обыске полковника Лебедева при нем обнаружены карты с нанесенными маршрутами следования верных Корнилову войск от Могилева к Петрограду, пакет от генерала Корнилова, адресованный командующему Северо-Западным фронтом генералу Клембовскому, обрывки телеграфных лент с приказами о передвижении Первой и Туземной дивизий к Гатчине.

— Посмотрите, что здесь написано,— протянул телеграфист Николаю Ивановичу обрывок ленты.

«...приехал Николаевский необходимо передать чтобы действия начались завтра это крайне необходимо употребить все усилия чтобы дать знать в Петроград тчк...» Это насторожило Николая Ивановича: надо еще раз обыскать полковника Лебедева.

— Может, в плаще что-нибудь запрятано? — сказал высокий солдат, молча стоявший у входа.— Я его около машины подобрал.

Во внутреннем кармане плаща нашли бумаги, в которых указывались фамилии офицеров и важнейшие объекты Петрограда: телеграф, Николаевский вокзал, Смольный.

— Это же план контрреволюционного заговора в Петрограде! — понял Николай Иванович. В его руках оказались планы наступления корниловских войск на Петроград.

Документы и карты немедленно отправили в исполнительный комитет войск Западного фронта — руководители контрреволюционного мятежа были арестованы.

Из рук Ленина

После разгрома корниловского мятежа несколько рот 175-го полка были посланы исполкомом Западного фронта в распоряжение Военно-Революционного комитета при Петроградском Совете, они участвовали в Октябрьском вооруженном восстании. Николаю Ивановичу Варзанову не раз приходилось бывать в Смольном и видеть Ленина. О своей беседе с В. И. Лениным он всегда вспоминает с волнением:

— На приеме у Ильича я был вскоре после Октябрьского вооруженного восстания. Общее собрание полка направило меня в Смольный решить вопрос о демобилизации и возможности выдачи оружия на руки. В Смольном получил пропуски и отправился в семнадцатую комнату. За дверью с надписью «Классная дама» слышу голоса и не решаюсь войти. Матрос с красной повязкой на рукаве, дежуривший в коридоре, просмотрел мой пропуск и сказал: «Ничего, браток, входи!» Стучусь в дверь и слышу голос Ленина: «Войдите!» В глубине комнаты, за столом, сидел Владимир Ильич, а напротив него, в кресле,— Бонч-Бруевич. Я рассказал Владимиру Ильичу о пятнадцатитысячном собрании полка и подал резолюцию. Внимательно прочитав резолюцию, Ленин спросил меня: «А сколько большевиков в вашем полку?»

— Все солдаты считают себя большевиками! — ответил я.

Ленин интересовался, как полк разоружил корниловские войска на станции Уторгош, из каких губерний наши солдаты. На прощание Владимир Ильич сказал, что если пятнадцать тысяч солдат считают себя большевиками и показали себя ими в борьбе с контрреволюцией, то, развежавшись по домам, без оружия, они всегда останутся той силой, на которую опирается партия большевиков. Потом он дал мне газету «Деревенская беднота» с «Памяткой демобилизованному».

* * *

После встречи с Николаем Ивановичем мы послали письмо в Государственный музей Великой Октябрьской революции в Ленинграде, в котором рассказали о своей находке. Вскоре в Свердловск приехал научный сотрудник музея А. Цемутали и принял от нас ценные документы и вещи: шифр Петербургского военного округа, приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 года, копию телеграфного разговора полковника Лебедева со ставкой Корнилова, газеты «Вооруженный народ» за 1918 год, кортик и другие.

Если вы будете в Ленинграде, обязательно зайдите в Музей Великой Октябрьской революции, там, в четырнадцатом зале, вы увидите наши экспонаты.

Надя Волкова, Тамара Андреева, Сергей Демин — члены краеведческого общества «Глубс»

К ИСТОРИИ ОДНОГО ПОДАРКА

Интересно.

ЛАМПА ИЛЬИЧА

В читальном зале было тепло и тихо. Чуть шелестели страницами склонившиеся над книгами студенты, с лупой в руках изучал какой-то мелкий чертеж бородастый ученый, а мой сосед слева, прикрыв ладонью журнал, словно забыв о нем, задумчиво смотрел на мраморную настольную лампу.

— О чем это вы? — спросил я его.

Михаил Артемьевич Мельнов — знакомый по совместной работе преподаватель нашего института, продолжая смотреть на лампу теплыми от каких-то воспоминаний глазами, рассеянно повторил:

— О чем это я? — и, помолчав немного, ответил: — О лампе. Вы знаете, не дает мне покоя эта лампа!

— Какая лампа? Эта?

— Да нет. Та, что я увидел лишь в прошлом году. Вернее, даже не столько сама она, сколько ее история... История лампы Ильича.

Я поступила так, как, вероятно, поступил бы каждый на моем месте: захлопнула свою книгу и приготовилась слушать.

Мы вышли из зала, где-то уселась, и вот что услышала я.

— В прошлом году я был в Москве, в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук. В числе всяких экскурсий по музеям и памятным местам столицы в нашем плане стояло и посещение кабинета В. И. Ленина в Кремле. Ну, конечно, дня этого ждал я с нетерпением. И вот мы в Кремле. С волнением переступили порог комнаты, такой простой и вместе с тем необыкновенной. Комнаты, где работал он, Ленин! Описывать обстановку кабинета не буду: вы о ней знаете из многочисленных описаний, хотя ни одно из них не заменит того, что увидишь сам... Когда беседа уже подходила к концу, я заметил на маленьком столике, где Ильич хранил свернутые в трубочку военные карты, чем-то знакомую мне вещь. Это была отлитая из чугуна скульптура, которую венчала лампа в обрамлении стеклянных лепестков, развернутых в форме пятиконечной звезды.

— Какая-нибудь знакомая модель?

— Нет, что вы, — перебил меня Михаил Артемьевич, — чугунная фигурка изображала рабочего, кующего лемех плуга. А около наковальни, установленной на кряжистом обручке, — обломок меча, пушечный ствол, разбитый снаряд — материал, предназначенный для перековки на мирные орудия труда.

— «Перекуем мечи на орала»?

— Да, да, именно эта тема, воплощенная недавно и в известной работе скульптора Вучетича, была заложена в скульптуре, созданной тогда, когда над молодой Советской страной еще только-только утихли громы сражений.

— Она, конечно, каслинского литья?

— В том-то и дело, что нет! — мой собеседник будто вновь переживал охватившее его тогда, в Кремле, волнение. — На постаменте ее было начертано:

«Подарок Великому Мировому Вождю Сов-кой Раб. Крест. Рев. т. Ленину от Рев. Раб. Кус. зав.»

— Конечно же, Кусинского, какого же больше! Мне ли не предположить это — уроженцу Кусы, сыну и внуку кусинских мастеровых, самому проработавшему лет семь на родном заводе! Но как же я раньше ничего не слышал об этом подарке вождю, об этой скульптуре, хотя отец мой — потомственный чеканщик и уж, конечно, что-нибудь да знал о ней? Я забросал экскурсовода вопросами, но на каждый из них получал один ответ: «Не знаем». Больше того, мне сообщили, что среди экспонатов кабинета это, пожалуй, единственный, о котором работникам музея-квартиры Ленина известно очень немного, а именно: только то, что каждый может сам прочесть на скульптуре... Я уходил из Кремля взволнованный и озабоченный. Здесь, в кабинете Ильича, святыне трудящихся всего мира, хранится подарок вождю от моих земляков, подарок замечательный и многозначительный, а никто ничего не знает о нем! История его — драгоценная страница жизни старинного уральского завода, и совершенно невозможно, чтобы она осталась забытой, непрочитанной нами — наследниками великих дел и дум Ленина. С тех пор ленинская лампа не дает мне покоя; надо, очень надо раскопать ее историю!

— И неужели вы не пытались раскапывать?

— Конечно, пытался. Но это оказалось делом нелегким. Списался с земляками и родственниками, порылся и в памяти своей, заново перелистал «Ленинские сборники» и книги воспоминаний. И — пока ничего. Стариков, мастеров чугунного литья, уже мало осталось в живых, кого удалось найти, у тех память слабеет стала. Сам я родился на другой год после смерти Ильича и о подарке мог

только слышать от родных, но ничего такого припомнить не мог. В книгах тоже ничего не нашлось.

На этом наша беседа с Михаилом Артемьевичем закончилась. Но мне захотелось рассказать о ней читателям «Уральского следопыта». О замечательной чугунной фигурке с забытой, но, вероятно, очень интересной и важной историей.

С. Семенова,
Уральский политехнический
институт

КОВАЛЬ МИРА

От нашего корреспондента

1. На старом заводе

— Станция Кусинский завод!— объявил проводник, когда поезд Чусовская—Бакал остановился на берегу живописной речки, стиснутой мохнатыми от ельника горами.

Конечно, поиски надо начать отсюда, с родины подарка,— так решили мы в редакции, получив интересное письмо о забытой истории чугунной фигурки из кабинета Ильича.

И пока новенький миниатюрный автобус проворно бежит от станции, сохранившей старое название населенного пункта, к городу (да, теперь уже городу!) Кусе, есть время коротко вспомнить о том, чем примечателен этот старинный южноуральский заводик.

Кусинский завод... Не часто мы теперь слышим о нем. То ли потому, что стоит он в стороне от больших дорог, на третьестепенной западно-уральской железнодорожной линии, то ли потому, что его былую, хотя и не столь громкую, но прочную славу затмили более молодые, но более знаменитые его промышленные соседи.

А некогда «казенный Кусинский чугуноплавильный, литейный и железоделательный завод», основанный еще в 1778 году, был достаточно известен своей продукцией. Изготовленные им чугунные ядра, бомбы и снаряды летели на головы вражеских войск еще, кажется, со времен Отечественной войны 1812 года. Немало было выдано заводом тонкостенного промышленного и бытового литья. «Кабинетные вещицы»— художественное

литье—с маркой Кусы известны были и в Копенгагене, и в Стокгольме, и в Глазго, и в Милане, где на международных выставках мастерство кусинских умельцев отмечалось высокими наградами.

Кусинский чугун всегда славился высокими качествами. Старенькая полукустарная домна Кусы давала такой металл, о котором специалисты говорили причмокивая от удовольствия.

Пронюхавшие о его качествах иностранные фирмы не только причмокивали—чушки кусинского чугуна успешно шли за границу. Иногда тайно. Так, вспоминают, что накануне первой империалистической войны из Германии поступил большой заказ на... пудовые чугунные гири. Зачем немцам русские гири, да еще пудовые, никто из царских чиновников не задумался. Не обратило внимания и то, что к качеству гирь, вернее чугуна, приемщики предъявляли особые высокие требования.

А ларчик открывался довольно просто: в России тогда действовал запрет на вывоз стратегических металлов в Германию—вероятного противника в назревающей войне. На металлы, но не на изделия из них. Этим и воспользовались немецкие милитаристы, усиленно пополнявшие свои запасы высококачественного чугуна.

И еще известны Куса и ее окрестности своей красотой. Лет 80 назад кто-то из заезжих журналистов назвал их «Русской Швейцарией». Вероятно, потому, что иные журналисты Швейцарию знали тогда больше, чем родные края, живописностью своей не уступающие прославленным иноземным территориям.

...Но вот автобус уже разворачивается на конечной остановке—городской площади, окруженной современными трехэтажными домами, корпусами нового для Кусы завода точных технических камней, громадой строящегося Дворца культуры. Внизу, в долине речки Кусы, у подножия Моховой горы, дымит трубами старый завод.

Куса... Что-то удастся найти здесь?

2. Поиски начались

Чтобы восстановить драгоценную для нас историю кусинского подарка Ленину, предстояло узнать и найти немало. Ведь в Москве сказали, что о подарке почти ничего не известно.

А хотелось бы знать многое. При каких обстоятельствах возникла мысль о подарке? Кто автор скульптуры? Кто делал модель, кто формовал и отливал фигуру, кто чеканил и собирал ее? Кто автор надписи и кто ее исполнитель? Как, когда был вручен подарок?

В поисках ответов на эти вопросы приняли участие десятки людей. Среди них — старые и малые, старожилы и недавние жители Кусы, работники завода и пенсионеры, жены и дети старых рабочих и комсомольцы. Всем хотелось как-то помочь делу.

В райком партии, который стал в эти дни чем-то вроде штаба поисков, то и дело приходили все новые и новые добровольцы-«исследователи», шли то тихие, то жаркие беседы и споры. С увлечением включились в поиски и многие работники райкома — большинство из них местные уроженцы. Звонил телефон: «Ну, как? Что нашли нового? А вот у Степана Егорыча еще побывать надо, он в литейке работал...»

Искали архивные документы, живых свидетелей, родственников старых мастеров...

Однако первые результаты были неутешительными. Архивы завода безвозвратно утрачены. Тех, кто в двадцатые годы работал на художественном литье, уже нет в живых. Никаких рассказов о подарке в памяти старожилов не сохранилось. Обстоятельная рукопись истории завода, хранящаяся в технической библиотеке, тоже ничего не прибавила.

Едва начавшись, поиски зашли в тупик.

И все же...

3. Кабинетчики

— Как-никак, а искать надо! — сказал Василий Александрович Лепешкин, узнав о первых неудачах. — Что-нибудь да найдем...

Старый коммунист, организатор Красной гвардии в Кусе, активный участник гражданской войны, он еще молод. Ему 72 года, но это не мешает ему быть молодым: без передышки взобраться на крутую гору, без усталости отмахать десяток-другой километров на охоте, переколоть добрую поленицу кряжистых чурбаков, сохранить твердою память, свежий ум и горячее сердце.

Со старой, содранной с крышки сундука фотографии глянули на нас лица кусинских забастовщиков 1905 года. Вот они — «молодцы-кабинетчики».

И мы снова пошли искать, обходя городок из конца в конец, то взбираясь на верхние этажи новых домов в центре, то разыскивая на утонувших в сугробах окраинах какую-нибудь старенькую хибарку. Нужно найти старых кабинетчиков или хотя бы их родственников.

— Кабинетчики всегда молодцами были. И тут без них никак не обошлось, — говорит Василий Александрович.

Кабинетчиками на заводе называли мастеров художественного литья — «кабинетных» вещей. Воспоминания старожилов и документы позволяют подтвердить, что они действительно были «всегда молодцами» — вожаками рабочей массы, защитниками прав мастеровщины, бунтарями и бойцами. Это они составили ядро забастовщиков в 1905 году; из них сколотился костяк первых отрядов Красной гвардии поселка; это они — безоружные! — смелостью и хитростью разоружили в 1918 году целый эшелон вооруженных до зубов казаков; они дрались на фронтах гражданской войны; они восстанавливали завод после разрухи; они сохранили и донесли до нашего времени редкое искусство чугунного художественного литья.

...На крышке сундука у жены одного из старых мастеров нам показали выцветшую фотографию. У крыльца управительского дома снята группа кусинских забастовщиков 1905 года. Все — кабинетчики. Василий Александрович с Анастасией Павловной Иконниковой с волнением смотрят на знакомые им лица.

— Это вот мой Михаил Федотыч... А это Иван Егорыч Лепешкин... Брат его, Федот... Сабуров Иван Павлович... Говорят, жив еще. Где-то в Челябинске... Остальных не припомню, да и вижу я плохо.

Остальных помог припомнить Григорий Парфенович Андросов, бывший комиссар снабжения у Чапаева, член кусинского завкома в двадцатые годы, сын одного из забастовщиков:

— Харламов Андриан... Иван Павлыч Баталов... Мишка-Скребок... Так у нас Михаила Пургина звали... Это вот отец мой, вроде... А ведь совсем еще недавно многие были живы, что бы нам пораньше вспомнить! — горевал он.

После находки фотографии список старых кабинетчиков возрос до тридцати с лишним человек. Кто же из них изготовил подарок?

Снова поиски, расспросы, воспоминания, сопоставления, предположения...

Чаще других упоминались имена мастеров: Ивана Егоровича Лепешкина, Михаила Федотовича Иконникова, Ивана Григорьевича Потемкина, Артемия Егоровича Мельнова и заводилы литейного цеха Николая Евстигнеевича Самойлова. Может быть, через руки кого-то из них прошла чугунная фигурка, стоящая в кремлевском кабинете Ленина? А, может, делали ее всем цехом — кто одну деталь, а кто другую? Кусинцы не теряют надежды установить точно имена всех тех, кто был причастен к этому.

4. Когда?

Шесть с небольшим лет прожил великий вождь Советского государства после организованной им Октябрьской победы. В какой же именно год из этих шести мог быть поднесен ему подарок кусинских рабочих?

Василий Александрович и его старый друг Григорий Парфенович пытаются уточнить это.

Период до июля 1919 года отбрасывается сразу — только к этому времени Кусинский завод освободился от белогвардейщины. Вспомнили, что с лета 1922 года по осень 1924 года завод не работал — это время также отпадает. Отрезок для поисков сократился до трех лет: 1919—1922.

Перебираем в памяти даты знаменательных событий в жизни страны тех лет. Годовщины Октября — 1919, 1920, 1921... Партийные съезды — 1920, 1921... Съезды Советов — 1919, 1920, 1921... А может быть, какой-нибудь профсоюзный съезд — на один из них ездила делегация кусинских металлистов?

Старый чеканщик Артемий Егорович Мельнов за работой скульптуры. Он мог быть одним из тех, кто принимал участие в изготовлении «Ковале мира».

Григорий Парфенович пытается припомнить даже фамилии делегатов: кажется, Андрей Баутин, Федор Иванов, Федор Забалув, Поляков Андрей. За точность, конечно, не ручается: память может подвести. Но что ездили и подарок возили — это точно.

И тут всплывает новое обстоятельство. Оказывается, кусинцы посылали Ильичу подарки два раза! В музее В. И. Ленина в Москве хранится скульптура женщины в военных доспехах (Жанна д'Арк?) с мечом в одной руке и со знаменем в другой. Есть надпись: «Великому мировому вождю пролетариата В. И. Ленину. От организованных рабочих Кусинского завода, Златоустовского уезда, 1921 г.». Не этот ли подарок отвозила делегация на профсоюзный съезд (IV съезд проходил в мае 1921 года)?

Но зато это обстоятельство еще более сузило круг поисков: едва ли кусинцы дарили Ильичу в один год два подарка. Значит, возможно, что первый подарок мог быть послан в двадцатом году или в конце девятнадцатого.

Снова и снова изучают старики надпись на скульптуре: может быть, ее стиль и содержание что-нибудь подскажут? Да, пожалуй, надпись на «Ковале» более ранняя, более соответствует стилю 1919—1920 годов.

Возможно, что она сделана в дни IX партсъезда, проходившего в марте — апреле 1920 года, а может, в дни VII Всероссийского съезда Советов, принявшего в декабре 1919 года обращение о мире. А может быть, подарок увезли на III съезд профсоюзов? Он состоялся в апреле 1920 года, в месяце, когда Владимиру Ильичу исполнилось 50 лет!

Надо еще и еще раз проверить все, поискать документы, уточнить перекрестными свидетельствами, запросить Златоуст, Москву... Поиски продолжаются.

5. История «Ковалья»

Десятки, а пожалуй, и сотни рук прошла в эти дни в Кусе фотография с подарка Ленину. И, кажется, первый же, кому она была показана, воскликнул: «Да ведь это же наш Коваль!»

Узнавали «Ковалья» и другие, смотревшие фото. Даже те, кто двадцатые годы помнить не могли, разве что только конец тридцатых. Как же так?

Выяснилось, что кусинская фигурка кузнеца известна давно — еще с начала 1900-х годов. И выпускалась она почти до последних лет: о ней писалось в газетах конца тридцатых годов.

По этим следам нашлась и первоначальная модель. Бронзовая статуэтка, разделенная для удобства формовки и литья на части, лежала в шкафу у мастера цеха. Почему она здесь, ведь завод сейчас не выпускает ее?

— Выпускаем... немножко, — ответили нам. — Пять штук недавно музей Ленина заказывал. Повторить, значит, понадобится.

Однако среди старых бронзовых деталей модели встречаются и новые —

чугунные. Ответ на второе «почему» оказался еще интереснее: деталей этих раньше не было. «Коваль» был просто кузнецом, кующим лемех. В таком виде он всегда и выпускался заводом. **Детали на пьедестале — обломок меча, снаряд и пушечный ствол — созданы только для подарка Ильичу!**

Старая скульптура получила здесь второе рождение. И какое! Обычная, ничем не примечательная «кабинетная вещь» обрела высокий смысл, выдающееся значение:

«Перекуем мечи на орала!»

Как знаменательно, что еще сорок лет назад советские рабочие также страстно заявляли о своем стремлении к миру, как и сейчас, когда по воле нашего народа в Организацию Объединенных Наций внесено предложение о всеобщем и полном разоружении, когда наше правительство, не дожидаясь других стран, приняло смелое и мужественное решение о сокращении армии на одну треть!

Недаром, как говорят свидетельства, Владимир Ильич сам нашел место для скульптуры в своем кабинете и сам поставил его... Да, он поставил его на столик с военными картами! Кусинский «Коваль мира» и в дни военных гроз напоминал в ленинском кабинете всем о неустанной борьбе самого миролюбивого человека в мире за мир во всем мире.

Ю. Курочкин

Куса — Свердловск.

Л. РУМЯНЦЕВ

ЗАПОМНИ ЭТО МГНОВЕНЬЕ!

Я помню наш первый спутник.
Его унесла ракета
в мерцающий и безмолвный,
вечно живой простор.
И вот мы стоим на площади,
где, в серый гранит одетый,
в горячем порыве Ленин
над городом руку простер.

— Глядите! — вскричал парнишка.—
Глядите, летит! Глядите!
И замерло сердце при виде
бегающей по небу звезды.

Она прочертила кривую,
она сверкнула в зените
и скрылась в заоблачных далях
назначенной ей высоты.
Тогда я промолвил сердцу:
— Запомни это мгновение:
И спутник,
и голос парнишки,
и тысячи гордых глаз,
и Ленина рядом с ними
горячее вдохновение...
С началом
космической эры
он первый поздравил нас.

ПО ГРИБЫ

Очень любил Ленин ходить по грибы.

Вспоминается мне такой случай. В последних числах августа 1919 года Владимир Ильич, Мария Ильинична, Пакалн, я и несколько других сотрудников охраны отправились в лес. Отъехали от Горок километров на восемь. Ильич сам выбрал место.

— Ну, давайте грибы собирать,— весело сказал он и пошел вперед.

Мы рассыпались по лесу, делали вид, что ищем грибы, а сами старались Владимира Ильича из глаз не выпустить. Место оказалось скучным, грибов не было.

— Как, товарищ, попадаете вам что-нибудь? — обратился неожиданно ко мне Ленин.

— Нет, не попадаете,— ответил я.

— Здесь нет грибов, найдем другое место,— решил он, и мы углубились в лес.

На новом месте нам повезло, грибов набрали две ведерные корзины. Когда ехали обратно в Горки, Владимир Ильич радовался:

— А ведь нашли хорошее место, вот сколько грибов у нас! И на грибовницу хватит, и засол организуем.

С. Аликин,
член КПСС с 1920 года

«ВЕЧНЫЕ» КАЛЕНДАРИ

В 1948 году в газетах сообщалось, что в городе Касимове нашли и направили в Свердловск оригинальный календарь-компас, изготовленный мастером Федором Денисовым в Екатеринбурге в 1787 г. Он назывался «Общий и вечно нескончаемый календарь».

Благодаря нескольким вращающимся дискам, с помощью этого календаря можно узнать число, месяц, день недели, количество дней в месяцах, продолжительность дня и ночи, время восхода и захода солнца. Для удобства путешественников календарь был снабжен специальным, отлично сделанным компасом. Сейчас этот календарь хранится в Свердловском областном краеведческом музее (фото 1).

Не менее оригинальный календарь изготовил в 1956 году в Новосибирске инвалид Отечественной войны изобретатель-самоучка Леонид Трофимович Сахаровский. Его календарь состоит из картонного диска с цифрами, вращающегося в прямоугольном кожухе, имеющем дуговые вырезы. Лицевая сторона календаря позволяет определять день недели по дате нового (григорианского), старого (юлианского) и всемирного календаря в пределах 3200 лет, а обратная сторона — определять фазы (возраст) Луны с точностью до одних суток в пределах 300 лет (фото 2). Все это определяется без всяких вычислений, с помощью двух поворотов диска.

Календарь Л. Т. Сахаровского одобрен Центральным советом Всесоюзного астрономо-геодезиче-

ского общества при АН СССР и учебно-методическим советом Министерства просвещения РСФСР и рекомендован для массового выпуска. Описание календаря и способ его изготовления опубликованы в «Астрономическом календаре ВАГО» на 1960 год.

В Новосибирском планетарии изготовлен из фанеры календарь Сахаровского с размером диска в один метр. Он вызывает большой интерес посетителей.

А. В. Буткевич,
доцент Новосибирского
геодезического института

2

Фоторепортаж В. Дианова

М
металлургов
СЕРОВА

КОМСОМЛЬСКО
ДОМЕННАЯ

МОЛОДЕЖЬ
ПЕЧЬ № 1

Как только лётку разобьет
Чумазый горновой,
Чугун искрающийся течет
Рекою огневой.
Фонтаны искр из печи бьют,
Горячих и живых.
И выпуск плавки — как салют
Работе горновых...

И. Грибушин

...Огромный ковш! Не так легко, быстро и точно разлить из него металл во множество изложниц.

Славу свою доменщики Серова нашли не просто так. Много лет они давали отличный чугуун.

На первой комсомольско-молодежной доменной печи работают молодые парни. Но им завидуют уже видевшие виды доменщики. В первом году семилетки молодежь сработала отлично: сверх плана дали более пяти тысяч тонн металла, при этом сэкономили почти два миллиона рублей.

...Пересменка... Старшему мастеру смены Павлу Клокову хочется знать, как сработал сегодня старший горновой Геннадий Сафронов. Сейчас Геннадий передает вахту своему другу, горновому Александру Арабею.

Сталевары гордятся первой на комбинате бригадой коммунистического труда. Ее бригадир — Герой Социалистического Труда Анатолий Сергеев, первый подручный — Дмитрий Захаров и подручные — студенты Уральского политехнического института имени С. М. Кирова Владимир Дамбит и Сергей Созонов.

Валентина Папенова — газовщика, технолога доменной печи хорошо знают на заводе. Когда он ведет печь, горновые спокойны. Умные приборы помогают ему, но газовщик всегда начеку.

Вокруг маленьких деревянных домов старого города вырастают новые благоустроенные жилые дома. В них живут семьи металлургов.

...Молодежь имеет преимущество. Ей предоставляют комнаты и квартиры в первую очередь.

У городских физкультурников сильнейшими считаются спортсмены комбината. Зимой вокруг города множество проложенных лыжней. Каждый день на них можно видеть десятки юношей и девушек.

Вот лучшие лыжники комбината: Антонина Бондина, Валентина Чеканова, Клавдия Казанцева, Леонид Гурко, Анатолий Загайнов, Александр Огольцов и Анатолий Лой.

Мы рассказали только маленькую частицу из жизни этих хороших парней и девушек, живущих на границе 60-й параллели.

И сликивалась в приближении того, что и у.с!
посвящает этой теме
такую большую статью.

ПАРНИ ИЗ АНТАРКТИДЫ

Рисунки С. Киприна

Московский школьник Миша Перов получил письмо. Конверт необычный. Марка со львами. Штемпель — Брюссель, Бельгия.

Мальчик распечатал конверт.

«Дорогой друг! — прочитал Миша. — Мы счастливы. Мы с мамой не верили в чудо. И все же есть чудеса! Наконец-то вернулся папа! Мне хочется на стенах нашего дома огромными буквами написать имя того, кто спас его жизнь.

В Брюсселе сейчас отличная погода. Мир в эти дни кажется таким прекрасным...»

От кого получил Миша письмо? Что так взволновало бельгийского мальчика? О каком чуде он упоминает? Чье имя собирается написать на стенах своего дома?

Не торопитесь. Вы обо всем узнаете.

Ледяной материк

Велика, необъятна суровая Антарктида. Тысячи километров вдоль, тысячи поперек. Со всех сторон продувают ее ураганные ветры. Лютуют морозы. Воят неделями снежные бури. Угрюмо. Бело вокруг. Словно кто-то огромную ледяную шапку набросил на материк.

Не встретишь здесь дерева, не увидишь кустарника, ни травы здесь, ни ярких цветов. Лишь изредка мох да лишайники пробьются на редком камне.

И кажется, Антарктида мертва. Но присмотришься внимательней. Появилась в небе черная точка. Минута, вторая.

С. АЛЕКСЕЕВ
Б. ЧАЛЫЙ

Сверкнули могучие крылья. Это хищный поморник. Он ищет добычу. Вот над морем взметнулся фонтан. Всплывает огромная туша. Кит-финвал резвится у берега. На льдине дремлет тюлень. Идет, переваливаясь с лапы на лапу, дождный пингвин.

Несметные богатства скрыты от людей под неприступной броней Антарктики.

Здесь долгие полярные ночи. Здесь полные мужества дни.

Велика, необъятна сказочная Антарктида. Тысячи километров вдоль, тысячи поперек. Хороша Антарктида! Приезжай в Антарктиду!

Как добрые соседи

В 1955 году ученые разных стран договорились совместно приступить к изучению сурового континента. Американцы, австралийцы, бельгийцы, японцы, англичане прислали сюда свои экспедиции. Прибыли и отважные советские моряки.

Ожили пустынные берега. В разных местах Антарктиды раскинулись научные станции. Моусон — база австралийцев, Король Бодуэн — база бельгийцев, Дюмон-Дюрвиль — база французов, Сиова — база японцев, Литтл Америка — база американцев. Мирный — советская база.

Привезли ученые точные приборы, радиостанции, тракторы-тягачи, доставили самолеты и вертолеты. Общими силами начали они штурм ледяного материка.

— Как дела? — спрашивает советская радиостанция американцев.

— Ол райт! — отвечают американцы.

— Как успехи? — интересуются австралийцы у русских.

— Порядок! — отвечает радиостанция Мирного.

Как добрые соседи, живут ученые разных стран. Общим трудом раскрывают они тайны Антарктики.

Тревожный сигнал

Три долгие суровые зимы, три коротких полярных лета провели советские люди в Антарктике. Каждый год на смену одним героям приезжали другие.

Приближалась к успешному завершению третья зимовка на Мирном. Был конец 1958 года. Наступило утро 11 декабря...

Тепло, уютно в полярной столовой. Здесь молодой биолог Макушок. Систематик рыб — такова у него профессия. Чтобы выглядеть солидным полярником, отпустил себе Макушок огромную, пушистую бороду. Рядом с ним краснощекий синоптик Коля. «Бюро прогнозов» — называют товарищи его. По другую сторону Макушка сидит Николай Зорин. Он не только радист, но и весельчак, известный на весь Мирный. Здесь же, за общим столом, и командир авиационной группы, летчик Виктор Перов.

Статен. В плечах широк. Глаза большие, карие. Рубец над бровью. Ходит, как и все летчики, слегка вразвалку. Неразговорчив. Застенчив и скромненький. Взгляд пристальный, острый. Сильные руки. Добрая улыбка. Это — Виктор Перов.

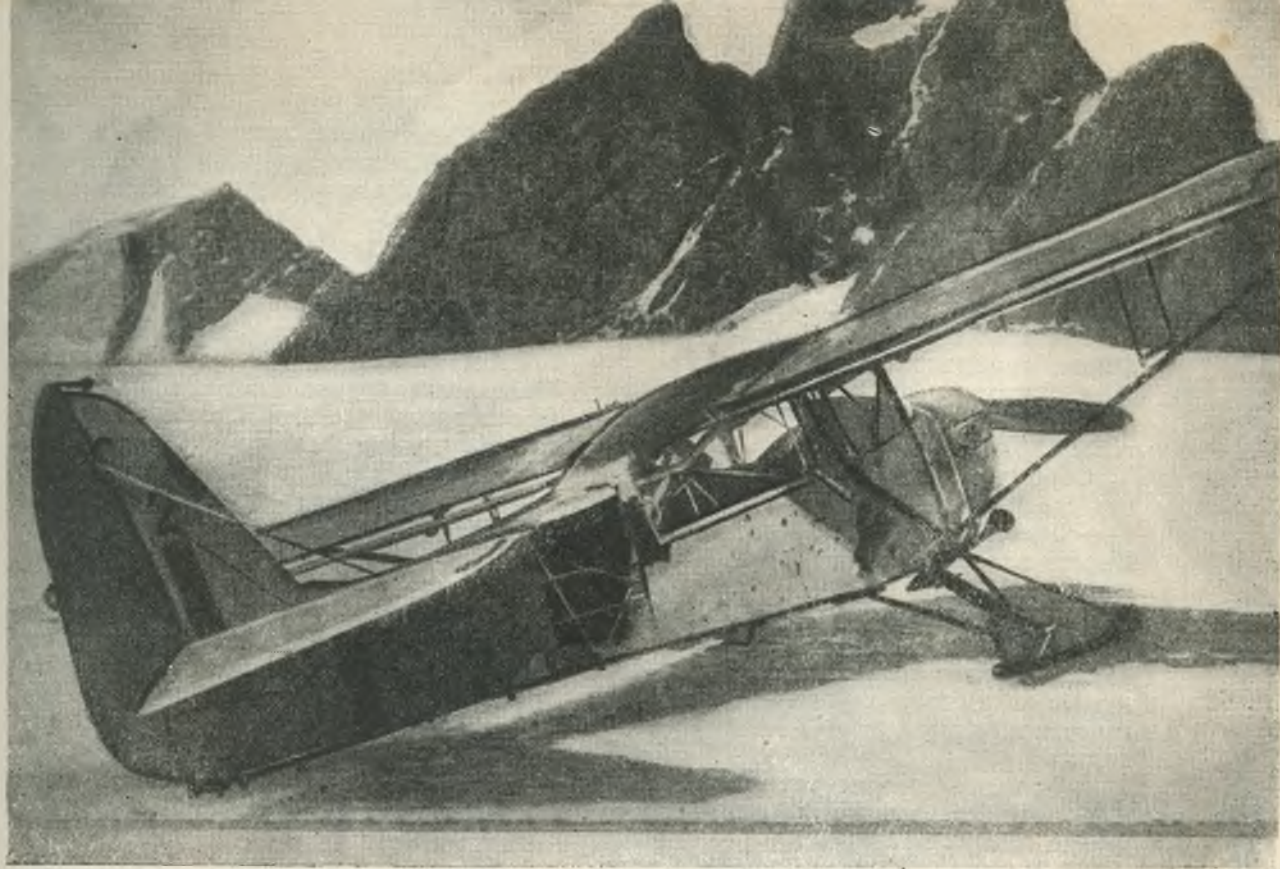
Перов родился в Туркменистане, в Чарджоу. Учился в Москве, занимался в аэроклубе. Потом Перов был на войне. Стал капитаном, командиром боевой эскадрильи. Был ранен, горел. Вернулся домой с наградами.

Сотни тысяч километров налетал Виктор Перов над просторами Арктики и Антарктики. Побывал и на Северном полюсе, и на Южном.

«Хозяин двух полюсов!» — в шутку зовут Перова.

Бодрое, хорошее настроение у советских полярников. В Мирном не любят угрюмых. Здесь в почете шутка, острое словцо. Вот и сейчас. В центре внимания — Макушок.

Самолет бельгийской антарктической экспедиции на месте аварии (на втором плане вершины Кристальных гор — ныне горы Бельжика).

- Как твой Ант?
- Как твой Арк?
- Как твой Тики?

Ант, Арк и Тики — маленькие пингвины. Подобрал их Макушок месяц тому назад, выходил, выкормил. И вот уже в который раз, слегка раздражаясь, Макушок отвечает, что Арк чувствует себя хорошо, и Ант чувствует себя хорошо, и Тики чувствует себя превосходно. Трое птенцов живут в меховых рукавицах. Никогда еще пингвинье детство не было таким безмятежным.

Тепло, уютно в полярной столовой. А там, на дворе, гуляет метель. Кружит она снежные вихри, завывает в антеннах, пляшет, хохочет.

— Опять, — недовольно произносит Перов.

— Дня на три, Виктор Михайлович!

— Но с нами кудесник, любимец богов! — кричит Зорин. И все выжидающе смотрят на синоптика Колю. Тот беспомощно разводит руками.

Лютует, не утихает метель. Страшна, коварна сейчас Антарктида. От берегов уходят киты, прячутся в скалах поморни-

ки, торопятся в воду тюлени. И даже хозяин обширного края, гордый пингвин, подняв воротник, спиной повернулся к ветру.

Завтрак в теплой столовой приходит к концу. Утихают разговоры и шутки. Впереди нелегкий рабочий день. И вдруг...

— Тревога! Тревога! Тревога!

Радиограмма со станции Король Бодуэн. Самолет потерпел аварию. Четверо бельгийцев в беде.

Тревога! Тревога! Тревога!

Принц де Лини терпит аварию

Ничто не предвещало беды. День выдался на редкость ясный. Ветер утих. Потеплело.

Со своей временной базы у горы Трилинген, которая находилась в двухстах километрах от станции Король Бодуэн, четверо бельгийцев переправлялись в глубь континента. Цель разведки — гора Сфинкс и Кристальные горы. Переправлялись на самолете.

Самолет маленький, одноместный. Ткань да фанера. Легкий мотор. Не самолет, а воздушный кузнечик.

Летчик — пилот бельгийской антарктической экспедиции принц де Лини был, как всегда, оживлен. За день он совершил три полета. Перебросил к Сфинксу барона де Жерлаша — начальника экспедиции, командира станции Король Бодуэн. Затем — геодезиста-топографа Жака Лоотца. И, наконец, механика Юльсхагена.

Собрались бельгийцы у Сфинкса. Торчит среди льдов громада. Присмотришься — будто не гора, а голова человечья. Вместо волос — львиная грива. И черные глыбы, как лапы.

Расставили треногу, измерили приборами высоту, уточнили место горы на карте. Собрали камни для геологов. Издумались. Погода хорошая, солнце. Настроение бодрое. А что, если тронуться дальше?

В двадцати километрах от Сфинкса — Кристальные горы. Де Жерлаш вопросительно глянул на летчика.

— К вашим услугам, месье! — обрадовался де Лини. Принцу давно уже не терпелось подняться в воздух...

Де Лини уселся в самолет. С трудом в одноместную кабину вместе с ним втиснулся механик Юльсхаген.

— С богом! — произнес Жерлаш.

Фыркнул, застрекотал кузнечик. Подпрыгнул на снежных кочках, скрипнул и улетел.

Летит де Лини над снежным простором. Качнет самолет с крыла на крыло. Поднимется выше, спустится ниже. Повернется с улыбкой к механику, дружески подмигнет и снова — с крыла на крыло. Весел де Лини. Летит, что-то поет.

Вот и Кристальные горы. Горы, а рядом заступри. Словно замерзшие волны, покрыли они равнину Берегись, будь осторожен, пилот!

Совершил де Лини круг, развернулся, пошел на посадку. Все хорошо. Коснулись лыжи ледяного покрова. Заковывался самолет, остановился. Ловок де Лини. Погрозил пальцем заступригам, высадил Юльсхагена — и снова на взлет. Ловок, но не осторожен де Лини. Притаился впереди едва заметный заступриг. Тронулся самолет, побежал — и вдруг удар под крыло. Накренился кузнечик набок. Тряхнуло бельгийца. Спрыгнул де Лини на лед и ахнул: заступриги подломали кузнечику ногу.

Два человека — у Кристальных гор. Два человека — у Сфинкса. Сто тридцать километров до временной базы у горы Трилинген. Триста тридцать до станции Король Бодуэн.

На станции Король Бодуэн

Шестой день не спят на станции Король Бодуэн. Тускло мерцает старинный фонарь в маленьком баре. Застыл у приемника усталый радист. Вздрагивают стаканы на стойке. Заместитель начальника экспедиции капитан де Маре нервно шагает по комнате. Повар барон де Ги робко приглашает к столу. Впервые в жизни он пережарил бифштексы. Никто не отвечает. Вот уже около часа люди не произносят ни слова.

Прошло шесть томительных дней, как на станции Король Бодуэн потеряли всякую связь с экспедицией де Жерлаша.

Де Маре сделал все возможное.

Немедленно в район горы Сфинкс вышел на розыски вездеход. Не дойдя ста километров до гор, машина встретила трещины. На многие километры влево и вправо легли они грозным препятствием. Запорошило их снегом, скрыло от глаз сугробами. Не сразу заметишь трещину. Взобрался вездеход на снежный настил и подломил некрепкий «мост». Открылась бездонная пропасть. Выскочил из кабины водитель. Рухнула вниз машина.

— Послать упряжки с собаками! — приказал де Маре.

Домчались упряжки до трещин. Ос-

мотрели люди округу. Верная гибель идти вперед. Вернулись ни с чем назад.

Все больше менялась погода. Скрылось солнце во мгле. Потянулась поземка — предвестница бури.

Шестой день неспокойно на станции Король Бодуэн. Де Марэ шагает по комнате. И мысли, одна страшнее другой, не покидают усталую голову. «Разбились... Замерзли... Погибли... Нет, живы! Но как им добраться до базы? Трещины, буря. В обрыв продовольствия. А вдруг нужна медицинская помощь? Что же делать?»

Нелегко принимать решение.

Шаги прекратились. Капитан повернулся к радисту

— Всем! Всем! Всем! — стал диктовать де Марэ. — 11 декабря. Конфиденциально. Легкий одномоторный самолет бельгийской экспедиции, вылетевший 5 декабря в сторону Кристальных гор, не вернулся на базу. Наши попытки пробиться к месту возможной аварии безрезультатны. Просим о помощи. 11 декабря. Конфиденциально. Всем! Всем! Всем!

Моусон

Первый сигнал о бедствии принял австралийская станция Моусон. Начальник станции профессор Лоу срочно собрал совещание. У австралийцев — два самолета. Оба одномоторные. Предельная дальность полетов — 650 километров. До станции Король Бодуэн — 1660.

Понуро сидят австралийцы. Здесь, в Антарктиде, как нигде, люди чутки к чужой беде. Здесь с каждым может случиться несчастье. Оказать помощь соседу — первый закон полярников. Но как?!

Нет на австралийской станции Моусон самолетов дальнего действия. Правда, есть у австралийцев горячее. Они его готовы отдать все — до последней капли. Но кому? Нет у австралийцев возможности самим оказать пострадавшим помощь. Зато есть и у австралийских, и у бельгийских, и у французских, и у американских ученых верные друзья — советские люди.

Австралийский радист включил передатчик.

— Я — Моусон! Я — Моусон! — зазвучало в эфире. — Мирный! Мирный! Советская станция Мирный! 11 декабря. Конфиденциально. Легкий одномоторный са-

молет бельгийской экспедиции, вылетевший 5 декабря в сторону Кристальных гор, не вернулся на базу. Попытки пробиться к месту аварии безрезультатны. Необходим самолет дальнего действия. Люди в беде. Люди в беде. Располагаем горючим. Я — Моусон! Я — Моусон!

— Мирный!

— Мирный!

— Мирный!

Самолет вылетает

из Мирного

— Ваше мнение? — спросил Толстиков.

— Лететь! — ответил Перов.

Толстиков и Перов вышли на улицу. Кружит над Мирным метель. Засыпало домики снегом. Упрямый ветер сбивает с ног. Колючими иглами обжигают лицо снежинки.

Смотрят Толстиков и Перов на небо. Низко нависли хмурые тучи. Кругом — непроглядная мгла.

— Значит, лететь? — переспросил Толстиков.

— Непременно лететь!

Но разрешения на вылет синоптики не давали.

Тридцать четыре часа экипаж Перова находился в боевой готовности. Спали не раздеваясь. Ругали синоптиков.

12 декабря во второй половине дня в тучах появился просвет — маленькая голубая лазейка в небо. Люди бросились к самолету.

Чихнул — заработал правый мотор.

Чихнул — заработал левый.

Далека австралийская станция Моусон. Тысяча триста двадцать километров пути. Пять с половиной часов полета. Пять с половиной часов борьбы. Давно затянуло просвет в облаках. Двигается самолет в непроглядной мгле. Глянешь из кабины на крылья — растворились крылья в тумане. Посмотришь дальше, а где же хвост? Нет его, словно остался внизу при взлете.

Летчик ведет самолет вслепую. Внимательно смотрит Перов на приборы. Десятки маленьких чутких стрелок замерли, как часовые. Но вот одна из них резко побежала по кругу. Это значит, самолет накренило. И в ту же минуту Перов плавно повернул колесо штурвала. Стрелка остановила свой бег, вздрогнула и вернулась на прежнее место. Вот бес-

покойно качнулась вторая стрелка. Ласково взглянул на нее Перов, понял ее тревогу: перегревается правый мотор — нужно снизить температуру.

Нескончаемо длится слепой полет. Ведут деловой разговор, неслышно беседуют летчик и десятки стрелок под стеклянными крышечками.

Рядом с Перовым

Афонин, Бродкин, Зорин, Сергеев, Меньшиков, Макушок. Шесть человек. Все рядом с Перовым.

Афонин — второй пилот. Когда командир корабля устало откидывается на спинку сиденья, штурвал переходит к нему. Однако это бывает редко. Перов неутомим. Но мало ли что может случиться?

Многое зависит от штурмана Бродкина. Правильным ли курсом летит самолет? Где он сейчас находится? Сильный ли ветер и откуда дует? Все рассчитать, не ошибиться, обо всем доложить командиру.

Зорин сидит у приемника. В этом полете ему особенно трудно. Передачи на Моусон, передачи на Мирный. Через каждые несколько минут запрос о погоде. Он — уши и голос всего экипажа.

Внимательно прислушиваются к работе моторов механики Сергеев и Меньшиков.

А что тут делает наш друг Макушок? Зачем биолог в полете? На кого он покинул Анта, Арка и Тики?

Биолог очень смущен. Он запустил пятерню в свою широченную бороду. Ему действительно пока нечего делать. Но зато впереди... Макушок — переводчик. Он знает иностранные языки.

Бесконечно длится слепой полет. Оледеневают стальные крылья. Надрывно гудят моторы.

Семеро смелых в небе Антарктики.

У австралийцев

В Моусоне — посадка. Вывел Перов самолет точно на станцию. Сел у самого берега на огромной льдине. Льдина толстая, мороз приковал ее к берегу. Стала она аэродромом для австралийских зимовщиков.

Окружили русских крепкие бородатые парни. Все, как один, на подбор, в грубых вязаных свитерах, в лыжных шапках с помпонами.

— О'кей! Вери мач!

— Вери мач! О'кей! — понеслись приветствия!

— Я был уверен... Я был уверен! — возбужденно пожимал Перову руки начальник станции. — Вам приготовлены комнаты. Просим к столу.

— Поблагодари! — толкнул Перов Макушка. — Скажи, что вначале укрепим самолет.

— Сэр! — торжественно произнес Макушок и от волнения запнулся. Забыл, как переводить дальше. Пришлось Перову самому выразительными жестами объяснить, в чем дело.

Австралийцы заулыбались. Поняли.

А тросы-то крепить не к чему. Лед — как зеркало. Стали ввертывать огромные штопоры. Но лед крошился, и штопоры не держались. Оставить самолет на ветру нельзя. Буря не утихла, могла опрокинуть машину.

— Узнайте, найдутся ли трубы, — сказал Перов Макушку.

Трубы нашлись. Тогда в нескольких местах пробили лед до воды. Прикрепили концы тросов к трубам. Опустили сквозь проруби. Легли поперек трубы, уперлись снизу в лед. Потянули трос — не вытацишь. Вот и есть к чему крепить самолет. Заправили машину горючим, укрыли моторы чехлами и только после этого направились к базе.

Спали крепко, без снов. Всю ночь бушевала над Моусоном метель.

Утром 13 декабря радист Моусона вызвал станцию Король Бодуэн.

— Русские в воздухе! Русские в воздухе! Приготовьтесь к встрече двухмоторного самолета. Сообщаем: командир экипажа — сэр Виктор Перов. Сэр Виктор Перов!

В это время Виктор Михайлович и его товарищи были на высоте три тысячи метров. Перов пытался пробить облака, но и выше — все та же беспросветная мгла. Полет опять продолжался вслепую.

Перов сидел за штурвалом. «Четверо, — думал он, — в районе Кристальных гор». Перов старался представить себе бельгийцев, понять, что же могло случиться. Вина летчика? Неисправность машины? Наткнулись в тумане на скалы?

Впрочем, бывает всякое! Он сдвинул со лба ушанку, передал штурвал Афонину и обеими руками потер виски: устал.

— Восемь дней они там, во льдах. Эти четверо вряд ли живы, — вслух подумал Афонин.

Перов ничего не ответил.

В пилотскую кабину вошел Бродкин.

— Виктор Михайлович! Изменил направление ветер. С попутным, Виктор Михайлович!

Король Бодуэн встречает Перова

Отбушевала буря над Бодуэном. Задела она домики бельгийской станции по самые уши. Сравняла, запорошила. Глянешь на станцию Король Бодуэн — словно и не было ее в этих местах, исчезла бельгийская база. Лишь одиноко, огромным шилом торчит антенна — чуткие уши станции над белоснежным покровом.

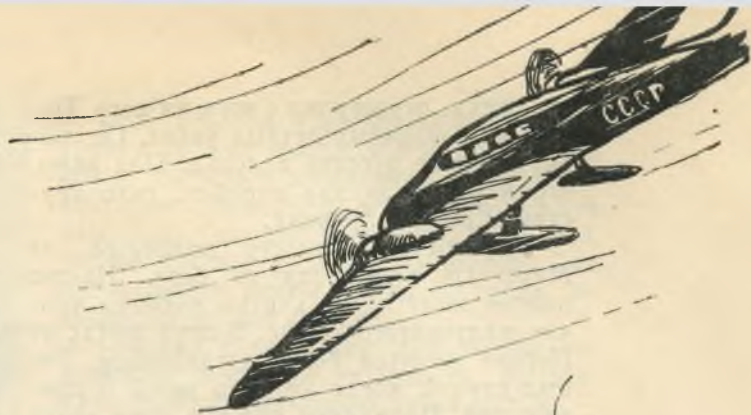
Но вот рядом с антенной шелохнулся сугроб. Сдвинулся снег, обвалился. Снизу пробилась лопата. Показались огромные рукавицы. Выросла из-под снега черная шапка. Дернулась, отряхнулась. Появился брезентовый воротник. Широкие плечи. На плотный наст выпрыгнул человек. Потом другой, третий. Очнулась немая равнина. Послышались голоса. Дружно заработали скребки и лопаты. Пролегли между домиками снежные ходы и траншеи. Взвился над антенной бельгийский флаг. Станция Король Бодуэн готовилась к встрече с Перовым.

Больше всех волновался заместитель начальника станции де Маре. По правде говоря, он не надеялся встретить русских. «Три тысячи километров до Мирного! — качал головой бельгиец. — В три раза дальше, чем до берегов Южной Америки. Немногим меньше, чем до Австралии. Невероятно!»

Де Маре многое слышал о русских. Он восхищен запуском спутников. Он помнит подвиг русских в войне. Но здесь... Так быстро, по первому зову. Просто невероятно.

Получив телеграмму из Моусона, бельгийцы приободрились. Все с нетерпением поглядывали на небо. Даже повар барон де Ги то и дело выскакивал из кухни на улицу.

Бельгийцы собрались к месту возможной посадки, принесли дымовые шашки.

И вот над головами послышался гул самолета.

— Шашки! Шашки! — кричал де Маре.

Заклубились, потянулись вверх дымовые сигналы. Самолет покачал крыльями — заметил.

— Прилетели, — проговорил Перов и стал заходить на посадку.

Летим через десять минут

Приятно ступить на землю после долгого полета. Вдохнуть свежий воздух, размяться, расправить усталые плечи.

Спрыгнул Перов на лед. Сбил на затылок шапку-ушанку, привычным движением по-

тер виски, переступил с ноги на ногу. Перов не в обычных летных унтах. Он любит простые русские валенки. Под ними, огромными, как два корабля, тихо хрустнули робкие льдинки.

Первым к самолету подбежал де Маре. Он запыхался от бега. Из-под плотно застегнутой куртки выбился кончик желтоватого кашне. В двух шагах от Перова капитан резко остановился. Это был случай, когда не надо речей и приветствий. Полярники пожали друг другу руки.

— Знакомьтесь — мои друзья! — представил Перов товарищей и улыбнулся широкой, доброй улыбкой.

Минуту спустя бельгийцы и русские склонились над картой. Карты неточные, с белыми пятнами — наброски малоизученных мест.

Де Маре говорил быстро. Макушок держал сложный экзамен. Он едва поспевал за бельгийцем. На третьей минуте биолог вспотел. На пятой схватился за бороду. Де Маре заметил и начал говорить медленнее. Все шло хорошо. Макушок был доволен. Перов, не отрываясь, смотрел на карту, по голубоватому листу которой бегал, подпрыгивая, украшенный перстнем палец бельгийца. Палец изобразил вопросительный знак, еще раз подпрыгнул и уперся в надпись: «Кристалльные горы».

— Ясно, — тихо сказал Перов. — Значит, начнем отсюда. — Он сделал паузу. — Летим через десять минут!

Бельгийцы удивленно переглянулись. Де Маре недоверчиво покосился на переводчика — не ошибся ли тот.

— Да, да, через десять минут, — повторил Макушок.

Еще не развеялся над снежной равниной дымок от сигнальной шашки. Еще бельгийский радист не окончил отстукивать сообщение о прилете Перова. А русский самолет уже снова поднялся в воздух.

Макушок и повар де Ги

Макушок обиделся: не взяли в полет. Перов пригласил де Маре и бельгийского доктора ван Гомпеля. Каждый килограмм был на учете. И хоть доказывал Макушок, что весит он мало, что именно сейчас он как раз-то и нужен, Перов

остался неумолим. А тут ко всему Зорин... Перед самым отлетом, поманив к себе Макушка, шепнул ему на ухо:

— Борода подвела.

Биолог не понял.

— Бесполезный вес! — рассмеялся шутник.

Де Ги, как мог, успокаивал Макушка. Он дружески хлопал его по плечу, показывал фотографию жены и многочисленных родственников. Стал приглашать к себе в гости, в Брюссель. Потом, взяв под руку, повел его в камбуз.

— Они живы! Я вас уверяю, они живы! — возбужденно говорил де Ги. Он усадил Макушка на раскладном стуле и, ловко орудуя у плиты, все время поворачивался в его сторону.

— Де Жерлаш не может погибнуть. О, вы не знаете нашего командора. Стальной человек! Полярная кровь! — И тут же начал рассказывать историю де Жерлашей. Начал с отца, с Адриана де Жерлаша, одного из первых исследователей Антарктиды, который ровно шестьдесят лет тому назад на шхуне «Бельжика» провел пятнадцать долгих месяцев, зажатый во льдах сурового континента.

— Наш командор в отца. Он богатый человек, — доверительно рассказывал де Ги. — Ему незачем погибать!

Повар подошел к стенному шкафчику. Вынул тарелку. Ловко подцепив со сковородки кусок мяса, он придвинул еду Макушку.

— Вы только попробуйте, — восклицал де Ги, — чудесная вырезка! Да за такой кусочек принц де Лини отдал бы сейчас папин остров...

Через несколько минут Макушок уже знал, что у отца де Лини действительно где-то в районе Конго есть собственный остров, что принц женат на люксембургской принцессе, что он отец пятерых детей, что ему тридцать три года, что он на редкость отчаянный и чуть ли не самый веселый во всей Бельгии человек.

Де Ги не умолкал. О третьем из терпящих бедствие, Юльсхагене, он рассказал коротко: мастер на все руки, способный механик, но молчалив. Де Ги это считал большим недостатком.

Зато о четвертом сподвижнике де Жерлаша, геодезисте Лоотце, повар говорил долго и произнес целую речь:

— О, вы, русские, молодцы. Кто-кто,

Летчик В. М. Перов.

а Лоотц это знает. Вы уже раз спасли ему жизнь.

И Макушок услышал историю о том, как мужественный командир бельгийского артиллерийского дивизиона Жак Лоотц в годы минувшей войны был захвачен фашистами в плен. Без малого четыре года пробыл Лоотц в гитлеровских концлагерях. Он опух от голода, изнемог от непосильной работы. Не верил, что останется жив. Спасение пришло неожиданно. Лоотца и многих других бельгийцев освободили советские воины.

— О, вы, русские,— сильный народ!— восклицал повар барон де Ги.

Видимость равнялась нулю

Из дневника Перова

«Первый полет был неудачен. Пролетев сто пятьдесят километров в глубь континента и выйдя в гористый район, самолет вошел в мощную слоисто-кучевую облачность. Началось сильное обледенение. Видимость равнялась нулю.

Горы были закрыты, и нам пришлось прекратить полет, вернуться на станцию Король Бодуэн.

Летели назад в настроении скверном. Трудно уйти от мысли, что наша помощь может поспеть с опозданием. Если видимость не улучшится, все усилия будут напрасны. Сегодня 13 декабря. Наверное, продовольствие у людей на исходе. Они где-то совсем рядом и в то же время невероятно от нас далеко.

Говорил с экипажем. Все полны решимости, несмотря на погоду, продолжать поиски. Несколько часов отдыха — и снова в полет. Дерзать и не сдаваться!

На Бодуэне нас встретили хорошо. Особенно приятны капитан де Маре и забавный толстяк повар де Ги. К нам полны внимания и заботы. При заправке нашего самолета каждый старался быть первым. Чуть не подрались. Бельгийцы — неплохие ребята, с ними нетрудно найти общий язык.

Бодуэн — станция маленькая, но очень удобная. Жилое здание буквой «Г». У каждого полярника — отдельная комнатка. Имеется общая кают-компания со старинным фонарем — память о родине.

Макушок снова просился в полет. Пожалуй, придется взять.

Удивительно, но спать не хочется. Тревожные мысли сильнее усталости».

Все внимание земле

Из дневника Перова

«Утром 14 декабря вторично вылетели на поиски. Погода на этот раз нам благоприятствовала. Выйдя к временной бельгийской базе, взяли курс 122 на Кристальные горы. После нескольких

Гастон де Жерлаш. Снимок 1959 года, после двух лет, проведенных в Антарктиде.

минут полета вдали, на горизонте, из сверкающего белизной купола ледника, появились крошечные черные точки. Это были вершины Кристальных гор. Несколько левее основного массива лежала гора Сфинкс. По мере приближения самолета к горам маленькие бесформенные точки стали вырастать в громадные, самых причудливых форм величественные скалы. Вершины их достигали двух с половиной километров над уровнем моря и возвышались над ледниковым панцирем на 500—600 метров. Но, к нашему сожалению, мы не могли предаваться поэзии и созерцать сказочные красоты безжизненной, но величественной природы. Все наше внимание было устремлено вниз, на заснеженную, быстро передвигавшуюся под самолетом белую пустыню. Всю ее изрезали трещины, пересекли зияющие пропасти необыкновенно синего цвета.

Там, внизу, затерялись четыре человека, и мы во что бы то ни стало должны их найти и оказать помощь. Все внимание земле. Распределены зоны осмотра. В самолете прекратились разговоры. Все в напряжении застыли у окна.

На малой высоте обходим Сфинкс и замечаем у южной оконечности горы треногу, под которой сложены какие-то вещи. Однако рядом с вещами людей нет. Делаем новый вираж, еще раз внимательно осматриваем местность. Принимаем решение лететь к Кристальным горам. Через десять минут поравнялись с их вершинами. Следуем вдоль хребта. Видимость отличная. Под правым крылом, в районе крутых застругов, неожиданно различаем четкий контур бельгийского самолета. Разворачиваемся, спускаемся ниже. Однако и здесь, рядом с машиной, никого нет. Но, может быть, кто-нибудь ранен, кто-нибудь в самолете?

Надо идти на посадку».

Путь к самолету

Перов посадил самолет в пяти километрах от места аварии. Крутые заступы не позволили выбрать площадку ближе. Заглушили моторы и стали по одному спускаться на лед. Первым прыгнул Афонин. Сделав шаг в сторону от самолета, он неожиданно взмахнул руками, изогнулся, неуклюже скользнул на правой ноге и рухнул на спину. Рядом с ним растянулся Зорин. На него повалился бельгийский доктор. Мелькнула в воздухе борода Макушка и широкой метлой провела по снегу. Вокруг блестел и переливался синевой отполированный ветром и снегом лед.

Гуськом, придерживаясь друг за друга, люди двинулись по направлению к бельгийскому самолету. Сильный морозный ветер порывами бил в лицо. За первые тридцать минут прошли менее километра. Афонину вторично не повезло. На сей раз он упал на бок и больно ударился коленкой. Перов уговорил своего помощника вернуться назад к машине.

Вторые тридцать минут шли заметно быстрее. И все же продвинулись опять не на много. Боролись за каждый шаг. Шли, не отрывая ног от скользкой поверхности. Глаза слипались от яркого света. Ветер мешал дышать. Люди оступались и падали.

Перов остановился, приподнял руку. Молча передохнули несколько минут и двинулись дальше.

Два часа люди упрямо шли к цели. Одинокие на бескрайней равнине, покрытые изморозью, продутые ветром, они напоминали героев из северной сказки. Последним к бельгийскому самолету подошел Макушок. Никогда еще путь по земле не казался систематичнее рыб таким длинным.

Записка

Бельгийский самолет лежал на левом крыле. Лыжа подломана. Винт покорежен. Люди рванулись к кабине. На пилотском сиденье Перов увидел записку. Передал ее де Маре. Подошел Макушок. Стали читать:

«5 декабря при взлете потерпели аварию. Все живы. Ждали возможную по-

мощь до 10 декабря. Выходим по направлению к временной базе. Располагаем продовольствием на шесть дней».

Каждый из присутствующих подержал записку в руках. Текст ее был чересчур краток. Хотелось знать больше. Доктор ван Гомпель изучал ее дольше других.

— Здесь ни слова нет о здоровье!

— Будем надеяться, что все в порядке, — тихо произнес де Маре.

— Еще день, и они будут без пищи! — воскликнул ван Гомпель и тревожно посмотрел на Перова.

Доктор не мог успокоиться и тогда, когда все вернулись назад к самолету.

— Они не дойдут. Они не дойдут! — непрерывно повторял он. — Это сверх человеческих сил. Они погибнут. Надо спешить. Надо спешить!

Летели на небольшой высоте. Поиски вели между Кристальными горами и временной базой. Людей нигде не было.

Горючего оставалось мало. Стрелка бензоприбора неумолимо приближалась к нулю. Пришлось возвращаться на Бодуэн.

— Где же они? Где же они? — растерянно спрашивал доктор ван Гомпель.

Бесконечные галсы

Из дневника Перова

«Грустные и усталые вернулись на Бодуэн. Об отдыхе не мечтали. Заправив самолет и отказавшись от обеда, снова поднялись в воздух. Время подходило к полудню. Солнце стояло низко над горизонтом. Наступило время, очень удобное для поисков. Малейшие предметы на земле дают в эти часы длинные тени и лучше заметны с воздуха.

Решили строить маршрут змейкой — галсами, то есть непрерывно пересекать предполагаемый путь бельгийцев. Болтались в воздухе восемь с половиной часов. Никого не нашли.

Снова возвратились на Бодуэн. Нас встретили удрученные горем бельгийские зимовщики. Надежды на спасение падают. Самое опасное — малое количество горючего. Бензина осталось на два поисковых полета. Остальное — резерв на обратный путь.

А все же отчаиваться рано. Дерзать и не сдаваться!».

Четвертый полет

Утром 15 декабря после короткого отдыха начался четвертый полет. Перов предложил вести поиски от горы Сфинкс. Летчик предполагал, что вчера, услышав гул самолета, бельгийцы могли вернуться к месту, откуда начали путь.

В пяти километрах от Сфинкса заметили какой-то странный предмет. Он оказался маленькой палаткой красного цвета. Из палатки никто не вышел. Однако в ней могло оказаться письмо. Нужно садиться.

Долго выбирали подходящее место. Кругом была масса трещин. Наконец заметили узкую площадку. Чтобы не сбиться, Афонин сбросил на нее дымовую шашку. С трудом Перов посадил самолет.

Рядом с палаткой валялись разные вещи. Спальный мешок. Тюк с теплой одеждой. Поломанные санки, примус. Вторая неразвернутая палатка. Макушок обнаружил в снегу расческу. Афонин — зубную щетку. Доктор ван Гомпель — зеркальце и аптечку. Но самым удивительным были двадцать банок

консервов — по крайней мере, трехдневный запас продовольствия.

— Как можно! — поразился ван Гомпель.

Никакого письма в палатке не оказалось.

Находка потрясла и доктора, и де Маре. Заместитель начальника бельгийской экспедиции стоял побледневший.

— У них нет больше палаток, — проговорил он. — Они замерзли... Их могло замести снегом. Разыскать их почти невозможно...

В удручающей тишине послышался легкий хлопок. Рядом с палаткой образовалась новая трещина. Скрипнул снег. Это кто-то переступил с ноги на ногу. Все ждали, что скажет Перов. Летчик стоял в пол-оборота к бельгийцам. Он задумчиво теребил меховые перчатки. Огромные валенки медленно придвинулись к поломанным санкам. Перов посмотрел на аккуратно свернутый спальный мешок, на тюк с одеждой, на горку консервов и произнес:

— Не верю. Они где-то идут. Этот груз оставлен для облегчения. Четверо смелых людей не так-то просто сладутся. Они хотят налегке добраться до временной базы. Их надо искать на пути к Трилингену.

Виктор Михайлович внимательно осмотрел место вокруг палатки. Шагов на двадцать он удалился в сторону. Присел и вдруг замахал рукой. Люди подбежали к Перову.

На голубой поверхности льда четко отпечатались снеговые следы. Они уходили строго на север, в сторону временной базы.

...Несколько часов самолет плотными галсами, словно челнок, метался между Сфинксом и Трилингеном. Спускались почти до самого льда. Высота сто — сто пятьдесят метров. Всмотривались до боли в глазах. Никого не нашли.

Говорит Москва

Томительно долго тянется время на станции Король Бодуэн. Печально мерцает старинный фонарь в маленьком баре. Уныло гудит антенна. Тревожно, нерадостно на Бодуэне. Все в сборе. Четвертый полет безрезультатен. Люди молчат. И даже повар де Ги утерял свою прежнюю бодрость. Его широкое добро-

душное лицо потемнело. Уже несколько раз приходили запросы из Брюсселя. Там все уже знают. Бельгия взволнована. Но что же ответить родным и согражданам? Остался пятый, последний полет. Больше на поиски нет горючего.

Де Маре снова нервно шагает по комнате. В углу, прижавшись затылком к стене, замер доктор ван Гомпель. Подперев ладонями щеки, о чем-то думает Макушок. Стоит у дверей Афонин.

Нужен бензин. Нужен, как воздух.

В центре кают-компании, положив большие руки на стол, сидел усталый Перов.

Вошел радиотехник Жан:

— Снова запрос из Брюсселя.

Ему никто не ответил. Вручив де Маре текст телеграммы, бельгиец направился к двери.

— Подождите! — окликнул его Перов. — Господин де Маре! — обратился он к капитану — Наш радист должен отправить радиограмму. — Рырвав из блокнота листок бумаги, крупным размашистым почерком Перов написал:

«Москва. Начальнику Главсевморпути. Единственный выход — проводить дальнейшие поиски на резервном горючем. Уверен, что люди живы».

Он встал и протянул листок Зорину.

Через час начался пятый полет. Когда самолет разворачивался над Бодуэном, в пилотскую кабину вошел Зорин.

— Виктор Михайлович! К приемнику. Говорит Москва!

Передав управление Афонину, Перов направился в радиорубку.

«Ваше решение одобряем. Расходуйте бензин до последней капли. Людей надо спасти. Примем все меры для доставки горючего вам на обратный путь».

Де Лини идет пешком

Прошло десять дней с того момента, как принц де Лини повредил самолет.

Подавленный, летчик долго ходил вокруг затихшей машины. Подбежал Юльсхаген и сокрушенно качнул головой. Вместе они осмотрели разбитую лыжу, потрогали винт, согнутую стойку. Повреждение было серьезным. Не взлететь больше кузнечнику.

О том, что случилось, нужно сообщить де Жерлашу. До горы Сфинкс двадцать километров. Принц предложил

бросить жребий, кому идти с неприятным известием. Тянули спички. Досталось де Лини. Невесело хмыкнув, летчик стал собираться в дорогу. Подтянул плотнее застёжки на меховых сапогах. Поднял воротник повыше. Забросил на плечи рюкзак и тронулся в путь. Отойдя метров двести, он на миг обернулся. Юльсхаген сидел на крыле самолета и одиноко раскуривал трубку.

— И откуда взялся этот проклятый заструг?— ругался де Лини. Он рисовал себе трудный разговор с командором. Крут де Жерлаш. Перед ним нелегко оправдаться.

Летчик с грустью думал о том, как они теперь доберутся до базы. Дорога неблизкая, возможна буря, закружит метель. Чего только не взбредет этой ведьме Антарктике!

Но мало-помалу настроение принца начало улучшаться. Яркий антарктический день был в самом разгаре. Солнце слегка пригрело. Несильный ветер подталкивал в спину, помогая идти.

Де Лини вспомнил, что на временной базе есть вездеход и две упряжки собак. Что ж, прокатимся на собаках! Наверно, за нами приедут. Летчик ускорил шаг и даже начал насвистывать песенку.

И лишь поравнявшись с громадой Сфинкса, де Лини вновь приуныл.

Через несколько минут он встретится с командором...

В ожидании помощи

Известие об аварии самолета де Жерлаш неожиданно принял спокойно. Он не сомневался в том, что помощь вскоре придет.

— Один из нас,— заявил начальник бельгийской экспедиции,— должен отправиться к самолету. Разделяемся на две группы.

Де Лини вздрогнул, предвидя новый поход. Однако де Жерлаш лично отправился к Юльсхагену.

Пять дней прождали полярники помощи. На шестой де Жерлашу стало ясно, что какие-то непредвиденные обстоятельства задержали спасителей. Пришлось рассчитывать на собственные силы. Остаться на месте становилось опасно. Командор решил воспользоваться хорошей погодой и пешком, быстрым маршем добраться до временной базы.

Оставив в самолете записку, утром 10 декабря он вместе с Юльсхагеном вернулся к Сфинксу. Лоотц и де Лини приходу товарищей очень обрадовались. Но, узнав, в чем дело, принц, который довольно уютно обжился в палатке и представлял свой обратный путь, как интересное путешествие на собаках, начал роптать. Он стал доказывать, что не сегодня-завтра помощь придет, и нечего зря тратить силы. Де Жерлаш сурово глянул на принца, и тот приуныл.

Не желая терять времени, командор приказал собираться. Было решено идти налегке. Оставили две палатки, лишний спальный мешок, тюк с теплой одеждой. После краткого совета, несмотря на протесты де Лини, бросили часть консервов. Расческу, зубную щетку, зеркальце и аптечку впопыхах просто забыли. Тронулись в путь. Де Жерлаш посмотрел на часы. Было девять утра.

Первая буря

В первый день прошли двадцать километров. Путь прокладывал де Жерлаш. Худощавый, стройный, не оглядываясь, он шагал, словно аист. И Юльсхаген, и Лоотц, и де Лини едва поспевали за ним. Принц бормотал на ходу проклятия. Ему приходилось труднее других. Болела нога, поврежденная еще в Бельгии при прыжке с парашютом.

Через каждые пять-шесть километров делали краткий привал. Садились на спальные мешки, съедали по куску шоколаду, жадно курили и двигались дальше.

Шли до семи часов вечера. Наконец де Жерлаш предложил ставить палатку. Забившись под ее полог, зажгли маленькую керосиновую печку и стали готовить еду.

Спали в теплых мешках, тесно прижавшись друг к другу.

Буря началась в полночь. Сильный удар обрушился на палатку. Глухо хлопало полотно. В узкую щель у входа ворвалось облако снега. Сотни крошечных льдинок больно вонзились в лица.

Проснулись все сразу. Юльсхаген первый расстегнул мешок и подтянулся к выходу. Он пытался зажать щель рукой, но новый порыв ветра расширил отверстие. Снова снежный поток заметался в палатке.

— Проклятье!— ругнулся де Лини.
Лоотц помог Юльсхагену затянуть полог. Снег в палатке мгновенно растаял. Стало мокро и холодно. Спали тревожно. Юльсхаген ворочался с боку на бок. Лоотц временами вскрикивал. Де Лини снились жаркое солнце и зеленые пальмы на папином острове в Конго. И лишь один де Жерлаш, замотав лицо шарфом, спал по-солдатски. Он ничего не слышал. Ему ничего не снилось. Палатку свало и топтало всю ночь.

Трещины

К утру буря утихла. Ветер ослаб. Однако солнце не появилось. На небе висели хмурые тучи. По белой равнине тянула поземка.

Уложив мешки и палатку, люди двинулись дальше. Далеко, далеко, до самого горизонта, однообразно тянулся ледник. Широко, широко, во все стороны, раскинулась снежная даль. Острыми ногами торчали заступы, вздымались сугробы.

Де Жерлаш опять впереди. Под размеренным его шагом невидимым колокольчиком отзывается лед. Ласкаясь, жметесь к ногам поземка.

— А-а-а-й! — раздалось позади командора. Де Жерлаш повернул голову и увидел только двоих. Де Лини исчез. На том месте, где только что стоял принц, образовалась воронка. Идущий следом Лоотц лег на живот и осторожно подполз к дыре. Внизу, в двух метрах от края, в узкой трещине застрял де Лини. Летчику повезло. Он не рухнул в глубокую пропасть. Упершись плечами в стенки трещины, принц беспомощно болтал ногами.

— Веревку! — закричал Лоотц.

Де Лини был вытасчен на поверхность. Дорога становилась опасной. Пришлось связаться веревкой. Шли в трех метрах один от другого.

Вторую трещину увидели издали. Она была шире, и ее сверху не замело снегом. Трещину пришлось обходить. На много километров голубым бездонным оврагом тянулась она, пересекая путь к временной базе. А там, за ней, виднелись новые пропасти. Поди, сосчитай их, невидимых глазу, скрытых под снегом!

Де Жерлаш стоял, потрясенный. Откуда? Раньше трещин не было. Ему ста-

ло ясно, почему не явилась помощь. «Сто километров до базы,— прикидывал командор.— Сто напрямик. А если прибавить обходы и сколько обходов? Продождет ли на четыре-пять дней.

Вернуться назад?

Нет, только вперед!!!»

Призраки

Третий день бродят бельгийцы в районе трещин. Километр вперед, несколько в сторону. Обойдут одну трещину, путь преграждает новая. Порой переползают по снежным мостам, рискуя сорваться в пропасть. И во вторую, и в третью ночь их снова трепали снежные бури. Устали бельгийцы.

Все чаще остановки. Все непослушнее ноги. Лоотц и Юльсхаген стали выбиваться из сил. Они старше годами. Им тяжелее. Сгибаются Лоотц и Юльсхаген под тяжестью заплечных мешков, спотыкаются, тяжело дышат.

На одном из привалов, поднимаясь опять в дорогу и взвалив на плечи рюкзак, Лоотц вдруг осел и рухнул на лед.

Подошел де Лини.

— Старина! Вставай, старина!— проносил он участливо.

Летчик нагнулся, стянул с геодезиста мешок, помог ему встать на ноги. Затем, подхватив рюкзак Лоотца, он произнес:

— Пошли!

Лоотц стоял, смущенно краснея.

— Пошли, пошли, старина!— повторил де Лини и потянул за связывающую их веревку.

К исходу четвертого дня в измученных людях нелегко было узнать прежних бельгийских полярников. Оледенелые бороды, до крови потрескавшиеся губы, воспаленные слезящиеся глаза, пурпурно-красные лица.

В Антарктиде порой происходит то же, что и в пустыне: люди видят миражи. Иногда перед путником возникают предметы, которых в действительности нет на много километров вокруг: вода, пароход, человек...

Когда бельгийцы готовились к отдыху, де Лини вдруг закричал:

— Собаки! Собаки!

Он упрямо тыкал рукой вперед, смеялся и радостно повторял:

— Мы спасены! Мы спасены!

Все смотрели вперед — и правда! — отчетливо видели несущуюся вдали упряжку. На длинных нартах сидел человек, погоняя собак шестом. Собаки неслись стремглав, поднимая за санками ворохи снежной пыли. Вот они ближе, все ближе. И вдруг санки исчезли. Растворились и человек, и собаки. И лишь легкое облачко снежной пыли продолжало клубиться над горизонтом.

— Мираж, — спокойно произнес командор и приказал расставлять палатку.

Среди ночи де Лини проснулся. Он услышал звук самолета.

— Снова причудилось, — буркнул летчик и, никого не тревожа, перевернулся на другой бок.

Кишмиш, урюк и маленький тюбик какао

До базы оставалось пятьдесят километров. Лоотц и Юльсхаген едва передвигали ноги. Весь груз несли де Жерлаш и де Лини. Поврежденная при парашютном прыжке ступня не давала принцу покоя. Он шел, покусывая от боли губы. Летчик мужался и старался подбодрить других. Никто не укорял де Лини за то, что случилось с самолетом. Но где-то в глубине души ему было неловко. Эх, если б не этот проклятый заструг! Летчик с еще большим остервенением закусывал губу и шел, стараясь скрыть от товарищей хромоту.

Силы покидали полярников. Приближалось самое страшное: кончалась еда. Остались горсть кишмиша, пакетик урюка и маленький тюбик какао. Все продовольствие вмещалось в кармане у де Жерлаша.

На остановках, когда командор опускал руку в карман, шесть напряженных глаз внимательно следили за каждым его движением. Все придвигались к своему командору. Протягивали ладони. В каждую де Жерлаш опускал по пять ягод изюма, по две дольки урюка и выдавливал из тюбика немного какао.

Де Лини глотал все сразу. Юльсхаген слизывал вначале какао, затем долго жевал урюк. И лишь после этого клал за щеку изюм. Лоотц, изведавший голодовки в фашистских концлагерях, ухитрял-

ся растянуть еду до следующего привала.

Де Жерлаш тоже смертельно устал. Временами ему хотелось плюхнуться прямо на лед и лежать, лежать, ни о чем не думая. Но ответственность за людей гнала его вперед. Он не щадил ни себя, ни подчиненных. Дойти! Во что бы то ни стало дойти до временной базы.

Командор не хотел смириться с тем, что люди на краю гибели, что не сегодня-завтра наступит трагедия. Только чудо могло спасти четверых бельгийцев.

...15 декабря. Полдень. Привал. Трое лежат на снегу. Четвертый стоит. Худой, возбужденный с горящими глазами. Это де Жерлаш.

— Вставайте, вставайте! — тормошит он товарищей.

Никто не шевелится. — Вставайте, вставайте! — повышает тон командор.

Трое лежат.

Де Жерлаш, словно притянутый магнитом, устало опустился на лед.

15 декабря. Полдень. Привал. Четверо лежат на снегу...

«Еще десять минут — и подниму силой! — думает командор. — Идти. Только в этом спасение».

Рядом с де Жерлашем кто-то шевельнулся. Бельгиец повернул голову. Видит, де Лини встает. Покачиваясь, летчик поднимает рюкзак. Одевает его на плечи. Отряхнулся. Расправил грудь. И в ту же минуту веселая фламандская песенка вначале робко, затем все решительнее и смелее зазвучала в мертвом просторе.

Не глядя на остальных, летчик пошел вперед.

Он не оборачивался. Он шел. Он не слышал шагов за собой.

А там, за спиной, совершилось чудо. Люди встепенулись, оторвали от льда головы. Встал на ноги де Жерлаш, поднялся Юльсхаген, ожил измученный Лоотц.

15 декабря. Полдень. Бельгийцы снова в пути.

Пятый полет

Погода выдалась спокойной и ясной. Это редко случается в тех местах. Опять солнце низко над горизонтом, тени удлиняются. Начали поиски не как прежде, от горы Сфинкс, а от временной базы. Ходили по сорок километров в каждую сторону. Снова до боли в глазах смотрели вниз на равнину.

Утомительный пятый полет. Мрачный сидит Афонин. Не может скрыть волнения всегда хладнокровный Бродкин. Печально нахохлился Зорин. Макушок, Сергеев и Меньшиков угрюмо сидят у окна.

Кончился тринадцатый галс. Еще один разворот — и надо возвращаться на базу. Последние литры горючего в баках. Последняя надежда сегодня найти.

Де Маре, сидевший позади Перова, не отрывал глаз от левого окошка пилотской кабины. Люди вздрогнули, когда закричал де Маре. Он увидел палатку

Песчаного цвета палатка одиноко торчала под самолетом. Как осенний листок, унесенный от ветки, желтела она на снегу. Никто из нее не вышел.

Перов начал кружить над палаткой. При втором заходе полог ее шевельнулся. Выполз на лед человек. Поднялся на ноги. Взмахнул руками.

Новый круг — второй человек. Еще разворот — третий.

Машина пошла на посадку.

Впервые в жизни дрогнул Перов. Вдруг ослабели руки. На какое-то мгновение ему показалось, что он не сможет посадить самолет.

...Лыжи плавно коснулись настила.

Увидев опознавательный знак советского самолета, де Жерлаш растерялся. Это было действительно чудо. Скрывая волнение, командор подтянулся и пошел навстречу бежавшим людям.

Де Лини, Лоотц, Юльсхаген — все были живы. Однако геодезист и механик не могли сами идти. Их подвели к самолету Сергеев и Меньшиков. Юльсхаген, изнуренный больше других, тихо заплакал.

Говорили все сразу, перебивая друг друга. Нелегко пришлось Макушку. Около самолета образовался тесный дружеский круг. И лишь один Афонин был от всех в стороне. На груди у летчика висело пять фотографических аппаратов. Ему, главному фотолобителю, отдали члены советского экипажа свои «Фэды» и «Зоркие». Он лучше других запечатлеет эту встречу. Щелкают один за другим затворы. То присядет Афонин, то встанет. То отбежит, то приблизится снова. Ничего не скажешь — заправский фотокорреспондент!

Уже дома, на Мирном, когда проявили пленку, он был назван недобрый словом. Снимки не получились.

Подмосковные вечера

Шумно, весело на станции Король Бодуэн. Ярко пылает старинный фонарь в теплой кают-компании. За столом, на почетном месте, — Виктор Перов. О взаимной выручке, о дружбе, о мужестве сильных людей говорит заместитель начальника бельгийской экспедиции.

— За здравствуют русские летчики! — закончил де Маре свою речь.

— Вив рус авиасьон! — закричали бельгийцы. — Вив командор Перов!

Как никогда оживленно сегодня в кают-компании. Счастливые лица, шутки и смех. Лишь повар де Ги один в огорчении. Он опять пережарил бифштексы. От волнения, от радости. Но оплошности повара никто не заметил.

Хорошо в гостях, но друзьям вспоминается Мирный.

Неразговорчивый Бродкин вдруг подмигнул Макушку:

— Как там твои пингвины?

Представилась биологу меховая рукавица — маленький домик забавных птенцов. Вспомнились друзья и товарищи по работе. И Перов тоже подумал о доме, об обратном пути.

Бельгийцы запели. Макушок перевел слова задорной песенки о том, как пляшут крестьянки на отдыхе после работы. Потом попросили спеть русских. Зорин затянул «Подмосковные вечера». Через несколько минут уже и русские, и бельгийцы все вместе повторяли хором:

Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

На следующий день русские улетели.

Москва, проспект Ленина

И вот мы в гостях у Перова. Новый широкий Ленинский проспект. Восьмиэтажный дом. Двухкомнатная квартира.

Виктор Михайлович недавно вернулся из Мирного. Сидим за столом, ведем разговор. Перед нами огромная карта Антарктики. Перов возбужден.

— Это удивительный край, — говорит летчик. — Нигде на свете нет таких колоссальных запасов каменного угля. А лед... Вы представьте себе, если расплавить этот лед. Вода в морях и океанах поднимется на сорок метров! А ветер... Не всякий самолет догонит ан-

тарктический ветер. Вот кого заставить работать на человека!

— Виктор Михайлович! Трудно было лететь к Бодуэну?

Мы ему про бельгийцев, а он нам опять о чудо-материке:

— Что там уголь! Я убежден, что Антарктида — кладовая несметных сокровищ. Сегодня живет там группка ученых. А завтра... — все больше разгорается возбужденный Перов, — здесь раскинутся города, задымят заводы и фабрики, забурлит, заклопочет жизнь.

— Виктор Михайлович! Как вы нашли бельгийцев?

Летчик задумчиво смотрит на нас:

— Ну, что же тут говорить? Экипаж выполнял человеческий долг. Все остальное известно.

В комнату входит мальчик:

— Папа! Я получил письмо.

На карту Антарктики лег необычный конверт. Марка со львами. Штемпель — Брюссель. Бельгия.

Мы потянулись к письму.

«Дорогой друг!.. И все же есть чудеса! Вернулся папа. Наконец-то вернулся папа...» — писал Жан, сын дважды спасенного русскими Лоотца.

Хороша Антарктида

С каждым годом все больше и больше людей в Антарктиде. Сюда приходят новые экспедиции. Французы и русские, поляки и австралийцы, американцы и другие народы присылают сюда лучших своих ученых. Как добрые соседи, общим трудом открывают они тайны далекого материка.

Здесь люди всегда готовы прийти на помощь друг другу. Таков закон Антарктиды.

— Как дела? — спрашивает советская станция американцев.

— Ол райт! — отвечают американцы.

— Как успехи? — интересуются австралийцы у русских.

— Порядок! — отвечает радиостанция Мирного.

Велика, необъятна, сказочна Антарктида. Тысячи километров вдоль, тысячи поперек.

Здесь долгие полярные ночи.

Здесь полные мужества дни.

Хороша Антарктида! Приезжай в Антарктиду!

Историческая
корреспонденция

ЕГО ИМЕНИ...

В редакцию пришло письмо от группы школьников города Каменска-Уральского. Они писали, что недалеко от их города есть поселок «Степа Лямин». Школа в поселке тоже носит это имя. Ребята просили рассказать об этом человеке.

Уже несколько раз бригадир Михаил Иванович Лямин не принимал вспашку у тракториста Петра Титова. Титов, последний раз заглянув в правление, злобно выдохнул:

— Не жить тебе!

— А поле все равно перепашешь,— спокойно ответил Лямин.

Хлопнула дверь. в окне мелькнуло пьяное лицо Петра:

— Гляди! Сочтемся!..

...После уроков Степанко — в поле. Пашут! Он бежит к крайнему трактору.

— Дяденька!

На машине — новый тракторист. Его Степа видел всего несколько раз. Недовольно отмахнувшись от Степы, он развернул трактор.

Борозды, борозды... Но что это? Вспашка мелкая, а местами плуг только слегка царапает землю. «Наверное, тракторист не знает».

— Дяденька, мелко получается. Так ведь нельзя! — перед Титовым возникла маленькая фигурка в старом порыжевшем пиджачке.

Глаза Петра округлились: шенок, а указывает! И кому! Ему, самому Титову! Да его, Петра Титова, весь район знает. Человека убил — не боялся, в тюрьме сидел сколько — только злее стал. Да что говорить-то. Никто ему перечить не смеет. А этот... от горшка два вершка... Титов удивлялся, даже злость отступила.

— Чей такой?

— Да Ляминский,— подсказывает напарник Кадочников,— бригадирский сынок...

— Та-ак! В батьку, значит, змееныш!

Вечером Степа рассказал отцу про вспашку. Проверили. Наутро Титов пахал заново...

...Набежало лето. И в первый его месяц — в колхозе праздник. Из года в год справляют жители поселка День коммуны.

20 лет назад, 17 июня 1920 года, первые коммунисты деревень Кодимки, Беловодья и Черемхово, крестьяне-бедняки, пришли на Высокую

Гряды. Пришли для того, чтобы строить здесь, в поле, на пустом месте, коммуны.

15 хозяйств, 17 лошадей, 18 голов крупного рогатого скота, несколько овец и одна сеялка — так начиналась жизнь. Изба поначалу тоже одна была, жили в шалашах, балаганах. 20 лет пролетело. Колхоз «Свобода» вырос на месте коммуны. Большой, крепкий. Выросли и люди. Семнадцать лет пришел Миша Лямин в коммуны, а в 1939 году, когда в Москве открылась первая Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, член правления колхоза, депутат сельсовета, бригадир Михаил Иванович Лямин был первым ее делегатом от района.

...День был на исходе, и Степа с Ваней уже кончали поливку огорода, когда с улицы донесся свист, и две мальчишеские физиономии появились на заборе.

— Степ! Мы на Мокроусовскую казарму. К тетке. Мамка послала. Пойдешь? — затараторил Саша Чулков. Он жил через дорогу и был другом Степы. — А на обратном в правление зайдем. Радио слушать.

Через несколько минут друзья уже шагали по знакомой тропинке. Вот и магазин. На ступеньках трое сильно выпивших мужчин. Когда ребята поравнялись с ними, один из них поднялся, снял с себя галошу и бросил в них. Садясь, он пошатнулся и рухнул на ступеньки. Зазвенело стекло, покатились разбитая бутылка.

— Титов веселится.

Мальчики прибавили шаг.

Через два часа они возвращались. Около правления опять наткнулись на Титова.

— А мне что? — донеслось до них. — Скажут, колхоз разогнать, и разгоню всех, никого не пожалю.

— Потихе... — оглянулся Кадочников,

— А зачем потише?! Никого не боюсь, Подумаешь, колхоз!— дальше следовало ругательство.

Степа остановился:

— Не смей так говорить о колхозе! Слышишь, ты?...— он задохнулся.

— А, старый знакомый! Дружок, так сказать!— Титов шагнул к Степе.— Та-ак! А ты что, его строил, колхоз-то?

— Не я строил. Батька, тетка, дядя Иван! А ты... ты,— Степу душил гнев,— ты вредитель!

— Я-то?!— Титов оттолкнул дружков.— Да знаешь, кто я? Я...

— Давай, давай пошли! Не вяжись с ляминским-то! Пошли!— Рачков и Кадочников тянули его в сторону.

— Нет! С Ляминим у меня счеты свои,— Петр рванулся.— Удушю!

Ребята забежали в дом правления. Оттуда доносились звуки гармошки, веселые голоса.

...Передо мной строгая коричневая папка. В верхнем правом углу— темные буквы: «Хранишь вечно». «Дело № 9092» — значит чуть ниже. Открываю первую страницу:

«Обвиняется Титов Петр Афанасьевич... в убийстве 13 июня 1940 года в колхозе «Свобода» Каменского района Челябинской области пионера Степы Лямина».

...Было уже 11 часов вечера, когда веселая гурьба ребят появилась на улице. Запели и двинулись по селу. Впереди парни и девушки постарше, Степа с приятелями поотстали.

Поравнялись с колхозным амбаром.

— Эй, кто тут Лямин?— голос шел от еле видной впотьмах группки людей.

— Я Лямин.

— А ты подойди, подойди! Иль и говорить не хочешь?— в пьяном голосе слышались грозные нотки.

— Пошли, Степанко!— Андрюша Федоров дернул Степу за рукав.— Пьяные ведь!

Ребята прибавили шаг.

— А, значит, не желаем разговаривать!— у амбара появилась фигура.

— Бежим!

Титов догонял. Из темноты доносились ободрающие выкрики Кадочникова:

— Жми, Петро! Неужто сосунка не догонишь! Ха-ха!

— Прячься!— Саша Чулков бросился к сараям. За ним Степа и Володя.

Остальные ребята разбежались по домам.

Прошло минут десять. Саша Чулков выглянул — темно, тихо. Вылез — никого.

— Пошли!

Но не успели они отойти и нескольких метров, как увидели, что у сарая опять появился человек. Ребята побежали. Человек — за ними. Титов бежал быстро. Расстояние сокращалось. Пьяно ругаясь, он поминал отца Степы, какие-то ссоры и грозил.

Скорее!

Вот и пустырь. Еще немного, и там, за переездом, Пролетарка. Гопот Титова слышался совсем близко. «Не уйдешь, Лямин!..» Неожиданно у Степы слетела с правой ноги тапочка. «Найти! Обязательно!» И Степа вернулся...

...А в это время в соседнем селе Беловодье проходила сессия сельсовета. Много вопросов, обсудил в тот вечер актив колхозников. Был среди них и вопрос о том, как будут на этот раз проходить торжества в колхозе «Свобода» по

поводу 20-летия коммуны. Не знал выступавший там коммунист Михаил Иванович Лямин, какое страшное горе ждет его у родной околицы.

...Степу хоронили накануне Дня коммуны, по всему району шли митинги. Делегации заводов, школ, колхозов, пионерские отряды со всей области приехали на могилу погибшего пионера.

Перелистываю газеты «Синарский трубник» и «Каменский рабочий» за эти дни. Бросаются в глаза гневные заголовки: «Мы требуем сурового наказания!», «Ответим стахановской работой», «Расстрелять убийцу!»

«Убит пионер, ударник учебы, убит сын народа. В ответ на гнусное злодеяние сотни и тысячи молодых граждан Советского Союза наденут красные галстуки — символ непримиримой борьбы с врагами народа, символ победы.

Мы, сотрудники артели «Трудовик», требуем от органов советского правосудия высшей меры наказания преступникам — расстрела Титова и его сообщников должна постигнуть кара, какая постигла убийцу Павлика Морозова.

Теснее ряды! Выше революционную бдительность!

(Газета «Синарский трубник», 1940 г., № 138).

В день похорон Степы труженики колхоза «Свобода» обратились в районный Совет депутатов трудящихся с просьбой — в память пионера Степы Лямина и в ознаменование 20-летия коммуны переименовать колхоз «Свобода» в колхоз имени Степы Лямина.

И с тех пор в течение семнадцати лет одним из лучших в районе был Степин колхоз. А в 1957 году преобразовали его в отделение Каменского совхоза и назвали Сосновским. И недоумевают жители: почему Сосновским? Ведь Сосновка — маленькая соседняя деревенька, ничем она не примечательна, входит в этот же совхоз. Недоумевают и обижаются: школа имени Степы Лямина, поселок имени Степы Лямина, молочно-товарная ферма того же имени, а вот отделение — Сосновское.

Стоит в центре поселка на площади памятник Степе. Когда-то его поставили на краю села. Прошли годы. Вырос поселок, расстроился во все стороны. И в центре его — памятник.

Пионеры из соседних сел, из Каменска часто навещают могилу, проводят здесь сборы, принимают в пионеры своих младших товарищей. И когда на шею им повязывают красный пионерский галстук, совсем такой же, каким убийца Титов задушил Степу, ребята клянутся так же любить свою страну, быть такими же честными, смелыми, каким был пионер Степа Лямин.

* * *

Маленький домик на окраине Каменска-Уральского. Пожилая женщина, по-крестьянски повязанная платком, открывает нам дверь. Это Анна Афанасьевна Лямина, мать Степы.

— Проходите, проходите,— суетится она.— Степа, принеси стулья!

Степа? Да! Степа, брат Степы. Тринадцатилетний коренастый мальчуган с такими же, как у матери, серыми глазами, со вздернутым, покрытым веснушками носом. Таким был и тот Степа тогда, летом 1940 года. Таков и этот шестиклассник Степа. Шестиклассник. А ведь именно в 6-й класс не пришел его старший брат.

О. Бугакова

УРАЛЬСКИЙ ГЕРБОВНИК

Олень на „Волге“

По улицам молодого города мчатся машины. Серые, голубые, бирюзовые изящные «легковушки», грозно рычащие мощные грузовики. Вот пронеслась «Волга», горделиво неся на моторе фигурку оленя. Вздывая пыль, прогрохотали слоноподобный «ЯЗ» с медведем на пробке радиатора и гигантский «МАЗ» с зубром на капоте двигателя...

Олень, медведь, зубр... Как, почему они попали на наши автомашины, сделались их эмблемами?

На это ответит, пожалуй, не каждый из тех дотошных юных «специалистов», кто еще издавелека безошибочно узнает марку машины.

Разве что тот из них, кто числится особо заядлым филателистом, сможет окаться на высоте положения и сказать:

— А я знаю, почему! Олень — потому что машину делали в Горьком, медведь — потому что в Ярославле, а зубр — потому что в Минске.

— Ну и что же? — спросят их. — При чем тут медведь? Во всей Ярославской области, кроме зверища, на верное, ни одного медведя не отыщешь...

Тогда филателист может сбегать домой за альбомом и с торжеством продемонстрировать свою коллекцию «земских» марок, выпускавшихся для нужд земской почты уездными городами в царской России.

Он показал бы, что на марке города Нижнего Новгорода (теперь город Горький) был олень, на марке Ярославля — медведь.

— И все-таки, при чем тут медведь и какая-то земская марка, о которой, кроме вас, филателистов, мало кто и знает?

— А при том, — мог бы ответить филателист, — что на земских марках изображены старинные гербы русских городов. Понимаешь, геральдика!

Забывтое слово

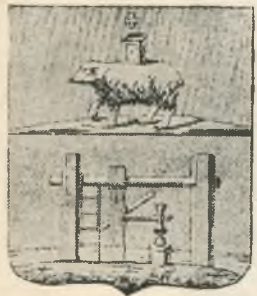
Геральдика... Слово, почти уже совсем забытое теперь. Не до него нам было в суровые годы гражданской войны, в многотрудные наши пятилетки, в овеванные громами боев дни Великой Отечественной войны. Тогда в нашем лексиконе чаще встречались другие слова: революция, всеобуч, ударничество, колхоз, индустриализация, социализм...

Наука (а точнее — вспомогательная историческая дисциплина) о гербах — вот что обозначает это забытое слово. Но, значит, не так уж не до него было нам даже и в эти нелегкие годы. Еще на самой заре Советского государства на алых полотнищах флагов появился простой, но многозначительный герб с близкими сердцу

ПЕРМЬ

Пермской губернии. Губернский. В красном поле серебряный медведь, на котором поставлено в золотом окладе евангелие, над ним серебряный крест. означющие: первое — дикость нравов обитавших жителей, а второе — просвещение чрез принятие христианского закона.

АЛАПАЕВСК

Пермской губернии. Заштатный. В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в зеленом поле железный молот, которым выделывается железо, означющий, что в сем городе находится железодельный завод.

ВЕРХОТУРЬЕ

Пермской губернии. Уездный. В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в серебряном поле соболь, со стрелой и буквою В. означающею имя сего города.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Пермской губернии. Уездный. В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в зеленом поле серебряная плавильная печь и рудоконная шахта, означающие, что округа сего города изобильна разными рудами.

КАМЫШЛОВ

Пермской губернии. Уездный. В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в зеленом поле золотой сноп хлеба с серебряными серпом и пелью, означающие хлебородие в округе одного города.

КРАСНОУФИМСК

Пермской губернии. Уездный. В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в зеленом поле сидящий на золотом суке серебряный сокол, означающий великое изобилие в округе того города птиц.

Это не герб, а не герб.

КУНГУР
Пермской губернии.
Уездный.

В первой части щита герб Пермский. Во второй части щита, в голубом поле, рог изобилия с сыплющимися из него колосьями разного хлеба, означающие плодородие вокруг одного города.

ОСА

Пермской губернии.
Уездный.

В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в серебряном поле стоящий на дереве улей с летающими около него пчелами, означающий, что жители сего города имеют довольно мед.

ЧЕРДЫНЬ

Пермской губернии.
Уездный.

В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в серебряном поле лось, означающий, что жители округа одного города промысел имеют звериное ловлею, и что платят ясак лосиными кожами.

каждого трудящегося символами. Каждый школьник хорошо знает его сейчас и может подробно рассказать, что на нем изображено и что обозначает. Неплохо знают его и те, кому совсем не по душе символы, заложенные в эмблеме первого в мире государства трудящихся.

История на гербах

Как подсказывают энциклопедии, геральдика изучает гербы государств, городов, знатных родов. Значит, кроме гербов государственных, есть еще гербы городов и даже родов?

Да, еще в XVIII веке все русские города получили свои гербы — утвержденные в установленном порядке символические изображения, говорящие об отличительных и чем-либо примечательных особенностях города. Одни из них отмечали ратные подвиги горожан, исторические заслуги, другие — богатства природы, занятия жителей. Так, на гербе Нижнего Новгорода оказался олень, довольно обычный в те годы насельник приволжских лесов, на гербе Ярославля — медведь.

Получили свой гербы тогда и города Урала. Сейчас они могут служить интересным пособием к изучению истории городов. В одном из научных сборников несколько лет назад была и статья на эту тему — «Гербы русских городов, как материал для истории техники».

Герб Екатеринбурга, например, отражал горнозаводский характер города — на нем были изображены плавильная печь и рудокопная шахта, «означающие, что округа сего города изобильна разными рудами», в гербе Алапаевска — «железный молот, которым выделяется железо»; Соликамска — «соляной колодезь, с опущенным в него ведром для вынутия соли и с означенными на оном соляными потоками»; Тюмени — река с плывущим по ней дощаником «в знак того, что от сего города начинается плавание по рекам Сибири»; Ялуторовска — мельничное колесо; Камышлова — сноп с серпом и цепом; Кунгура — рог изобилия, с сыплющимися из него колосьями; Оханска — рыболовные снасти.

На гербах многих городов были изображены звери, птицы и рыбы. Так мы можем узнать, что некогда окре-

ШАДРИНСК

Пермской губернии.
Уездный.

В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в серебряном поле кунница, означающая изобилие промысла оными.

ДАЛМАТОВ

Пермской губернии.
Заштатный.

В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в голубом поле три золотые колокола, пирамидою, с надписью на них: 7152 года, означая, что сие место сдано было по построенному в том году Далматовскому, Успенскому, монастырю.

ОХАНСК.

Пермской губернии.
Уездный.

В верхней части щита герб Пермский. В нижней — голубом поле, серебряны рыболовныя сети, мережи саки, означающие, что жители сего города имел рыбный промысел.

СОЛИКАМСК

Пермской губернии.
Уездный.

В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в золотом поле соляной колодезь, с опущенным в него ведром для вынутия соли и с означенными на оном соляными потоками.

ИРБИТ

Пермской губернии.
Уездный.

В верхней части щита, в серебряном поле, голубой Андреевский крест, показывающий непоколебимую верность жителей города Ирбита; в нижней части, в красном поле, положенные накрест сабля и Меркуриев жезл золотые, означая: первое — поражение сим оружием злодеев, а второе — упражнение в торговле жителей сего места.

Это не лось,
а олень

ТОБОЛЬСК

Тобольской губернии. Губернский. Окружной. В верхней части щита герб Тобольский. В нижней — в синем поле золотая пирамида с воинскою арматурою, с знаменами, барабанами и алебардами.

БЕРЕЗОВ

Тобольской губернии. Окружной.

В верхней части щита герб Тобольский. В нижней — в серебряном поле, 3 дерева берез, в знак имени сего города.

стности Верхне-Уральска были богаты соболями, Уфы и Шадринска — куницами, а водяной воробей — оляпка — около Бирска *«весьма довольно находится»*. Стерлитамак славился гусями — герб отмечает *«великое изобилие оных птиц»*, а в Челябинск товары возили на верблюдах. В герб Кургана вошли курганы — *«в знак, что оные при самом городе находятся»*.

Но были и такие гербы, которые иначе как оскорблением жителей их городов не назовешь. Пермьякам «даровали» в эмблему медведя и евангелие, *«означающие: первое — дикость нравов обитавших жителей, а второе — просвещение чрез принятие христианского закона»*. Лес и медведь в гербе Туринска также призваны были означать дикость округа. Для заштатного города Далматова не нашлось ничего лучше... монастырских колоколов. Оренбургу и Ирбиту поставили «в вечную заслугу» то, что эти города не были взяты войсками Пугачева.

Герб уездного или заштатного города состоял обычно из щита, поделенного на две части. В верхней помещался герб наместничества, в которое входила губерния, а следовательно, и город. В нижней — эмблема города. Из уральских городов особняком стояли два: Оренбург и Ирбит — на их щитах не было герба наместничества.

Помимо городов, свои гербы имели и дворянские фамилии, кичившиеся «знатностью рода». В государственных «бархатных» книгах записывались все их предки и потомки. Теперь уже эти книги, хотя и бархатные, никому не нужны. Разве только историкам могут иногда пригодиться. Зато стоит упомянуть, что были на Урале рабочие фамилии, которые тоже имели свой герб, пусть и не утвержденный департаментом геральдии, но от этого не ставший менее славным. Вспомните крылатого конька — тамгу златоустовского умельца Ивана Бушуева. «Иванко-Крылатко» — звали знаменитого мастера в народе по этой тамге.

А родовые знаки охотников-манси, передающиеся из поколения в поколение, сохранившиеся и до нашего времени? Чем хуже они герба какого-нибудь, ничем не проявившего себя в истории страны рода князей Белосельских-Белозерских или купившего себе за народные деньги иноземный герб рода заводчиков Демидовых?

А. Походов

ИШИМ

Тобольской губернии. Окружной.

В верхней части щита герб Тобольский. В нижней — в синем поле золотой карась: в знак того, что в окрестности оного города находится множество озер, которые изобилуют сею рыбою и отменною величиною оных.

КАИНСК

Тобольской губернии. Окружной.

В верхней части щита герб Тобольский. В нижней — в зеленом поле золотой бык: в знак скотоводства на Барабинской степи.

КУРГАН

Тобольской губернии. Окружной.

В верхней части щита герб Тобольский. В нижней — в зеленом поле два серебряные кургана: по имени сего города и в знак, что оные при самом городе находятся.

СУРГУТ

Тобольской губернии. Окружной.

В верхней части щита герб Тобольский. В нижней — в золотом поле чернубурая лисица: в знак изобильной ловли оных в округе сего города.

ТАРА

Тобольской губернии. Окружной.

В верхней части щита герб Тобольский. В нижней — в зеленом поле серебряный горностаив, в знак изобильности и особой доброты горностаев в оном округе.

ТУРИНСК.

Тобольской губернии. Окружной.

В верхней части щита герб Тобольский: в синем поле золотая пирамида с воинскою арматурою, барабанами и алебардами. В нижней части, в серебряном поле, часть дремучего леса, из которого выходит медведь, означающий, как лес, так и медведь, дикость округа.

ДАВАЙТЕ ОБСУДИМ!

А может быть, стоит возродить традиции русской геральдики, отбросив всё чуждое нам, устаревшее, изжившее себя, и оставить то, что близко и дорого и нашему времени?

Разве мы и сейчас не храним в памяти исторические заслуги городов, не гордимся их трудовой славой, разве не почитаем их достопримечательности, не ценим богатства родной природы?

Герб советского города—предельно лаконичный, но в то же время наиболее полно и четко отражающий его характеристику, так бы найти место на продукции предприятия, на дверцах автомашин, на щитах в дни массовых празднеств, на майках спортсменов, в заголовках газет...

Он должен быть ярким и броским, но не странным. Монументальным, торжественным, но в то же время простым и строгим, простым и близким каждому.

В нашей печати уже появились статьи, призывающие возродить эту традицию, сохранив свою, советскую геральдику.

„Уральский следопыт“ подхватывает эту интересную мысль, поддерживает добрую инициативу писателей Д. Гранина и Е. Долгостовского и согласные с ними письма трудящихся, опубликованные в газетах. Мы благодарны за то, чтобы у каждого нашего города был свой герб!

Мы поддерживаем не только согласием и призывом. Наши художники-следопыты дали на себя смелость выступить с эскизными предложениями, чтобы создать основу для разговоров.

Товарищи депутаты горсоветов! Товарищи горожане! „Уральский следопыт“ просит свои предложения. Мы понимаем, что эти эскизы ещё далеко не совершенны, что создание герба города—дело многотрудное, многих рук, многих талантов. Но пусть наши предложения станут основой для споров и обсуждений!

Ваше мнение, ваши предложения, товарищи читатели? Ждём их!

В создании рисунков гербов принимали участие П. Евландов, М. Заводчиков, С. Кирилин и Ю. Сакнынь

В проекте гербов много

*Заслуживает
внимания и
обсуждения.*

*Все они интересны,
каждый по-своему
и ricco-художественно.*

*Об гербе старого
времени обдумать
уровня.*

ТЮМЕНЬ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ОКРУЖНОЙ

В верхней части щита герб Тобольский. В нижней—в синем поле, серебряная река с плавучим по ней, с золотой лодочкой, дощаликом: в знак того, что от этого города начинается плавание по рекам всей Сибири.

ЯЛУТОРОВСК
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ОКРУЖНОЙ

В верхней части щита герб Тобольский. В нижней—в синем поле, серебряное мельничное колесо: в знак того, что в округе оно, находится многое число мучных мельниц.

УФА
УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ГУБЕРНСКИЙ

Бегущая куница, в серебряном поле, в знак таковых зверей изобилия.

БЕЛЕБЕЙ
УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
УЕЗДСКИЙ

В верхней части щита герб Уфимский. В нижней, в красном поле, два, положенных со стрелами крестообразно, чёрные, оправленные золотом, колчата, употребляемые и поньше с похвалю одного города жителями.

БИРСК
УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
УЕЗДНЫЙ

В верхней части щита герб Уфимский. В нижней — водяной воробей, в серебряном поле, в знак того, что таковых редких птиц, в окрестностях сего города, весьма довольно находится.

МЕНЗЕЛИНСК
УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
УЕЗДНЫЙ

В верхней части щита герб Уфимский. В нижней — летящий золотой кречет, в знак изобилия такового рода птиц в голубом поле.

СТЕРЛИТАМАК
УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
УЕЗДНЫЙ

В верхней части щита герб Уфимский. В нижней — три плавающие, серебряные, гуся в голубом поле, в знак великого изобилия оных птиц.

ОРЕНБУРГ
ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
ГУБЕРНСКИЙ

Золотое поле, разрезанное голубою извитою полосою, в шее протекающую тут реку, в верхней части щита выходит главный императорский орёл, в части голубой Андреевский знак верности сего города.

**ЧЕЛЯБИНСК
ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
УЕЗДНЫЙ**

В верхней части щита герб Уфимский. В нижней — навьюченный верблюд, в знак того, что в сей город оных довольно с товарами приводят.

**ВЕРХНЕ-УРАЛЬСК
ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
УЕЗДНЫЙ**

В верхней части щита герб Уфимский. В нижней — горностай в зеленом поле, в знак изобилия оными зверями.

**САРАПУЛЬ
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
УЕЗДНЫЙ**

В верхней части щита герб Вятский. В нижней — в серебряном поле на высокой горе деревянный рубленый город, которым здание оное место примечания достойно.

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

В зеленом щите, три серебряные горы, на которых поставлены: на средней золотая булава, а на крайних, золотые же бунчуки, на которых таковые же полумесяцы, концами вверх, увенчанные золотыми же острями от колья. В лазуревой, волнообразной оконечности щита, серебряная рыба.

Атомоход „Ленин“

Евгений АНАНЬЕВ,
наш специальный корреспондент

Фото членов экипажа «Ленина»
Ю. Зайцева и В. Редькина

Капитан атомохода «Ленин» П. А. Пономарев
со значком «Уральского следопыта».

КОЧЕГАРЫ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

Как пошел атомоход

Так часто бывает: какого-то события ждешь особенно нетерпеливо, долго к нему готовишься. А случается оно просто и все-таки неожиданно.

19 сентября 1959 года. Всего несколько дней назад атомный ледокол «Ленин» стоял на Неве, как раз на том самом месте, откуда легендарная «Аврора» дала свой исторический Октябрьский залп. И вот он уже идет по Балтийскому морю в свой первый рейс.

Впрочем, «идет» — это не совсем точно. Пока его еще ведут. Как полагается при испытаниях, вначале все машины и механизмы проверяются на холостом ходу. Мощный теплоход «Профессор Попов», который все-таки кажется малышом рядом с 134-метровой громадой «Ленина», уверенно «выводит в свет» новое судно.

Утро было теплым и удивительно чистым. Яркое, радостное солнце рассветило зеленоватые воды Финского залива, и невысокие гребешки волн казались золотистыми. Вдалеке четко виднелись берега, еле заметные в непогоду. Вся свободная от вахты команда вышла на палубу. Едва слышно работали на малых оборотах машины. Еще немного времени, и они заговорят во всю мощь. Как-то покажет себя в действии первенец атомного судостроения?.. И хотя уверенность была полной, но все-таки страшновато — уж больно необыкновенное судно.

Надо же было этому случиться — именно в такой ответственный момент обычно безотказный «Профессор Попов» закапризничал! Он резко сбавил ход, почти остановился.

Что делать? Мало кто на палубе «Ленина» заметил оживившийся говорок машин, легкий поворот в сторону от теплохода. Но вот концы буксирного троса начали подниматься, потом выполз из воды весь трос — на нем драгоценными блестками сверкали морские капли.

Еще мгновение — трос натянулся, как струна. Какую-то малую долю времени — для ожидающих это время растянулось на нескончаемые минуты — он остался в напряженном состоянии. И лопнул!

А ледокол шел вперед, огибая свой недавний буксир. Торжествующе загудела сирена.

Только тут все поняли, что произошло.

— Пошли ведь, ребята! Пошли-и! — восхищенно крикнул кто-то.

— Чудак, ты что — сомневался?

— Здорово!

— А дает-то, дает!

— Вот и вылезли из пеленок!

Разнеслось многократное «ура!». Корреспонденты, на ходу вытаскивая блокноты, побежали в радиорубку. Вахтенный штурман прокладывал курс, настраивал локатор.

Капитан «Ленина» Павел Акимович Пономарев довольно усмехнулся. Посмотрел на хронометр: 9 часов 20 минут московского времени.

Первый в мире надводный атомный корабль начал свой путь по морям и океанам.

На посту энергетики и живучести корабля.

В центральном отсеке

Все на атомоходе «Ленин» поражает: и его мощность — вдвое большая, чем у самого сильного из существующих ледоколов; и высота двенадцатиэтажного дома; и обширность — здесь без малого тысяча различных помещений. Человеку новому заблудиться в этих великолепно отделанных отсеках и коридорах — проще простого.

И однако же это — не самое главное. Где бы ты ни находился, тебя подстерегают «светофоры» дозиметров — приборов радиационной безопасности. Зеленый огонек — все в порядке, можно не тревожиться; желтый — заставит насторожиться; красный — сигнал опасности. Впрочем, красный свет — «безработный» — он на судне еще не зажигался. Но, глядя на дозиметры, ты всегда помнишь об основной особенности судна — энергии расщепленного ядра.

Мы идем в центральный отсек — место, куда выведены все органы управления атомными реакторами. Попастъ туда не так-то просто. В прихожей — шедрые на шутку ребята с ледокола называют ее «предбанником» — переодеваемся, натягиваем спецодежду, резиновую обувь, белые халаты. Нам вручают «карандашники» — индивидуальные дозиметрические приборы. Вообще-то радиация сюда не проникает, но осторожность прежде всего. Именно на этом строится вся служба радиационной безопасности корабля.

— Нас просят порой: покажите, где атом раскалывается надвое, — улыбается главный инженер атомной установки Николай Робертович Гурко, уже немолодой, заметно седеющий человек. — Должен сразу разочаровать — этого вы не увидите, как, впрочем, не видел и никто другой. Но аппаратуру покажем.

Вот и безлюдный центральный отсек. Во всем чувствуется жесткая экономия места. Приборы и аппараты прижались почти вплотную. Наверху — маленькая порталная тележка для ремонта. У стены — привычный зеленый огонек дозиметра. В центре отсека — «букет» стержней автоматиче-

ского регулирования и аварийной защиты. Именно они и управляют работой реакторов. С обеих сторон нацелились на них объективы телекамер — оператор, даже находясь далеко, может постоянно следить за поведением этого важного агрегата.

А внизу, прямо под нами, надежно прикрытые слоями свинца и тяжелого лимонитового бетона — смеси цемента с железной рудой, стоят три реактора. Каждый из них — втрое мощней, чем первая в мире атомная электростанция Академии наук СССР. Таким количеством электрической энергии можно обеспечить, например, Нижний Тагил.

45 граммов урана — этого «топлива», которое умещается в спичечной коробке, достаточно для суточной работы ледокола. Оно заменят 150 тонн угля ежедневно. На нынешнем запасе ядерного горючего «Ленин» сможет проработать несколько навигаций.

И в этом — главное преимущество атомного ледокола. Нет нужды каждые несколько месяцев заходить в порты за топливом, нет боязни оторваться от своих баз. А если учесть, что «Ленин» свободно преодолевает льды в два с половиной метра толщиной, можно назвать район его действий практически неограниченным. Навигацию по Северному морскому пути можно будет с помощью атомного ледокола удлинить почти вдвое.

Но мы, наверное, утомили читателей цифровыми выкладками. Отправимся из центрального отсека в ПЭЖ — пункт энергетики и живучести корабля.

Один, другой, третий раз спускаемся вниз по трапу — и попадаем в царство приборов. Они глядят на нас со всех стен, столов, переборок. Если атомную установку можно назвать сердцем корабля, то ПЭЖ, бесспорно, — его мозг. В любую секунду здесь известно все о поведении каждого механизма судна. Молодые люди в белых халатах, надетых поверх формы гражданских моряков, сидят за пультами. Они сосредоточенно изучают показания приборов. Поворот рычажка, и где-нибудь в центральном отсеке, с помощью уже известного нам «букета» стержней меняется режим работы реактора. Другая автоматическая команда — и турбина наращивает свои обороты.

Вот один из молодых людей на мгновение отрывает взгляд от пульта управления, приветливо улыбается нам темными, грустноватыми глазами. Мы еще познакомим читателей с ним, это наш земляк — уралец Веня Редькин. У соседнего пульта стоит невысокий, очень крепко сколоченный парень — потомок северных поморов Василий Тихонов.

Кто они, эти ребята? Кочегары. Конечно,osome, атомные кочегары в белых халатах, да и название у их профессии иное: инженеры-операторы. Но суть та же: обеспечивать водяным паром турбины.

Команда морского судна, где почти половина состава — инженеры-физики, команда с кочегарами в белых халатах — разве можно придумать более убедительный символ мирного атома!

Я прошел по отсекам...
У пультов, сверка халатами,
Моряки-инженеры —
Как новые боги морей...
Жил корабль, согревался
Незримой работою атома,
От буксирных устройств
До тяжелых своих якорей.

Письмо из Саксонии

Павел Акимович Пономарев недоуменно поштел на голубоватый конверт. Зарубежный штемпель, ничего не говорящее, незнакомое имя — «госпожа Шарлотта Нестлер». Крупным шрифтом: «Павель Пономарев, капитан атомный ледокол «Ленин».

Он начал читать:

«Вы, наверное, будете много удивлены, получив это письмо из далекой Саксонии. Из газет я узнала, что Вы приняли командование над атомный ледокол «Ленин». Ваше имя принесло мне старые воспоминания...

Они относятся к 1928 году, когда я со своим мужем путешествовала на «Монте Сервантес» в Шпицберген».

Капитан откинулся на спинку кресла. В иллюминатор глядело пенистое штормовое море. «Монте Сервантес»... Ох, сколько воды утекло!.. Разве забудешь тот рейс, когда ледокол «Красин» спас побывавшую на Северном полюсе экспедицию итальянца Умберто Нобиле? Вот тогда-то на обратном пути и выручили они затертый льдами пассажирский красавец «Монте Сервантес». Две пробойны с левого борта, нос в воду зарылся. Да, пришлось водолазам поработать... Время, время!..

«Вы были тогда молодой моряк, но непременно и сегодня вспомните десять дней у побережья Шпицбергена, где наши суда стояли напротив друг друга. Мужество «Красина» спасло нас».

Да, молодой был — тридцать два года... Плавал еще старшим помощником капитана. На «Красине» же и капитаном стал. Какая она, госпожа Шарлотта Нестлер?.. Небось, старушка, а советских моряков, что жизнь спасли, помнит... Узнал бы он ее сейчас? Вряд ли — столько лет прошло... Столько миль позади... Столько ледоколов... «Красин», «Ермак», «Сталин», «Адмирал Макаров», «Адмирал Лазарев», «Северный ветер»... «Ленина» забыл — не этого, нового, а раннего, на котором начинал ледокольную жизнь младшим штурманом — его, вроде, сейчас «Владимиром Ильичом» называют. Чудно — начал на «Ленине» и кончать, наверное, тоже на «Ленине» придется... Да, постоял-таки за пятьдесят лет на капитанском мостике!.. Подумать только — мальчишкой еще на парусниках плавал!.. И на тебе — атомный!

Пономарев положил ладони на седой ершик волос. Старость — получишь такое письмо и разволнуешься. Согрело. Ответить надо обязательно.

«Я желаю Вам и ледоколу с именем «Ленин» всегда знаменитого плавания и счастья на всех морях Земли».

Капитан меряет шагами просторную каюту. Грузноватый, но подвижный для своих шестидесяти с лишним лет, он сейчас, наверное, очень похож на предков-поморов — лицо волевое, сосредоточенное, обожженные ветром щеки в крутых морщинах, седые клочковатые брови собрались у переносицы. Что бы ни делал, машинально прислушивается к глуховатому рокоту машин, к голосам на ходовом мостике, к бою склянок — многолетняя капитанская привычка. «Счастья на всех морях земли...» Хорошие слова нашла... И уже видится ему, как «Ленин» могучим корпусом ломает вековые льды. А позади, в водном коридоре, — караван грузовых судов. Северный морской путь, коварный, знакомый, зовущий...

Стук в дверь каюты. Вошедший — большого

роста, широкий в кости. На кителе — значок капитана дальнего плавания. А лицо молодое, открытое. Это — дублер капитана Борис Макарович Соколов.

— Здравствуй, Борис Макарович. Как вахта?

— В норме, Павел Акимович. Тут хотел уточнить...

Но Пономарев — еще в воспоминаниях. Слово продолжая начатую мысль, он спрашивает:

— Ты в двадцать восьмом году где плавал?

— В люльке, — лицо Соколова расплылось в широкой улыбке, — мне тогда год стукнуло.

— Фу, черт, совсем забыл! Ведь молодой, совсем молодой! Кажется, недавно матрос-практикант Боря Соколов пошел у него на «Адмирале Макарове» в свое первое плавание. И вот — уже капитан. Ничего, крепкий парень. На «Оби» в Антарктиду ходил, по Арктике поплавал. Одну другую навигацию пойдем вместе, а потом — принимай корабль, станьсясь хозяином!..

Самый старый и самый молодой капитаны советского ледокольного флота склонились над картой Ледовитого океана. Счастливого плавания на всех морях земли...

Земляки-уральцы

Урал — край сухопутный, рабочий. Пожалуй, самые распространенные суда у нас — драги, «корабли Уральских гор». Металлург, строитель, геолог — вот привычные уральские профессии. Уралец-моряк — найдем ли мы такого на атомном ледоколе?..

День за днем жили мы на атомоходе, знакомились с командой, расспрашивали, искали. И нашли! Да не одного, а сразу нескольких.

Площадка около кают-компания — одно из самых людных мест на корабле. Почему? Очень просто — сюда приносят свежую почту.

Много значит для моряка весточка из дому. Только объявят по судовому радио — и почти вся

Александр Чепура в штурманской рубке.

Веня Редькин в каюте.

команда здесь. Лишь вахтенных удержит на месте строгая матросская служба. Тут же читают письма, тут же делятся новостями. Естественно, моряки в плаванье — одна семья.

Каких только штемпелей здесь не найдешь? Московские и одесские, ленинградские и тамбовские, муромские и сибирские — вся страна послала сюда своих питомцев.

А уральские? Есть и уральские. Именно здесь мы узнали о первом своем земляке. Старший инженер-оператор атомной установки Михаил Семин прислал из Уфы телеграмму: отдыхает хорошо, всем привет.

Ничего не скажешь, земляк с Южного Урала, но обидно — знакомство-то заочное. Оказалось, что в отпуске еще один уралец — старший кок Василий Кутузов из Оренбурга. Так и не удалось нам оценить уральскую кухню на атомном ледоколе...

Наконец, нашелся земляк и на корабле. Это был дозиметрист службы радиационной безопасности Юра Смирнов, славный парень, гитарист и спортсмен, капитан баскетбольной команды «Ленина». Существует и такая — ребята с ледокола любят спорт. Едва попадают на берег — сразу в зал или на стадион. Есть даже и свой мастер спорта — борец Юра Зайцев, тоже оператор атомной установки. Он хоть и не земляк, но хочет им стать — мечтает поработать на Белоярской атомной электростанции.

Юра Смирнов, долговязый, «баскетбольного роста» парень, с угловатыми движениями и всегда смущенной улыбкой, рассказывает о себе скупно. Биография простая. Точнее — нет еще биографии. 21 год от роду. Комсомолец. Родился в Магнитогорске, учился в Челябинске. Работал на первой советской атомной электростанции. Потом перешел на «Ленин». В море вышел впервые. Здоровье первоклассное, профессия нравится, с ребятами сдружился.

— Вот и все — чего еще рассказывать, — говорит он густым, глуховатым баском. — Уральцам привет передавайте, скажите, что нашу марку не уронию. Завтра еще с одним земляком познакомлю.

На следующий день Юра Смирнов пришел после вахты к нам в каюту не один. С ним был худощавый парень с темными грустноватыми глазами и тонкими, развитыми пальцами механика и музыканта. В его одежде странно сочетались широ-

кие флотские брюки, ремень с якорьком и совсем уж «сухопутная» свободная ковбойка.

Перед нами стоял тот самый Веня Редькин, которого мы однажды застали на вахте поста энергетики и живучести корабля.

Все началось с мотоцикла...

Однажды летом 1946 года в Егоршино появился до неправдоподобия странный мотоцикл. Казалось, сию минуту его откопали со склада металлолома. Весь из разнокалиберных и разномастных деталей, с разными колесами — одно от трофейного «Даймлер-Бенца», другое от «ИЖа» — оглушительно чихая и отплеываясь выхлопными газами, диковинный мотоцикл мчался по улицам шахтерского городка. Картину достойно венчала привязанная к рулю хрипая велосипедная груша. Над всем этим великолепием возвышались три донельзя перемазанные, но счастливые детские рожицы. Друзья и единомышленники братья Борис, Юрий Гусевы и шестиклассник Веня Редькин совершали парадный выезд на собранной ими машине.

Предположения насчет склада металлолома были недалеко от истины. Ребята действительно нашли остов мотоцикла на кладбище машин. Целый год подбирали они деталь к детали, мудрили с мотором, «на соплях» монтировали зажигание. Зато сколько радости принесла им эта неказистая, но своя машина!

Постепенно жители Егоршино привыкли к странному сооружению. Номера машине, конечно, не дали — попробуй, разберись, какая марка. Приходилось опасливо объезжать милиционеров, гонять по мягким от пыли сельским дорогам. Но разве от этого обладание двухцилиндровым сокровищем становилось менее приятным? И когда семья Редькиных переехала в другой уральский городок Камышлов, отправился в недалгий путь и товарищ мотоцикл.

Этот мотоцикл и решил судьбу Вени Редькина. Если раньше увлечения делились между рыбалкой, фотографией, музыкой и обычными мальчишескими страстями, вроде собирания марок и игры в «казаки-разбойники», то потом техника в жизни паренька стала занимать все большее место. К окончанию камышловской школы № 58 имени Героя Советского Союза С. Черепанова все было решено: его, Вениамина, призвание — техника.

А что стало с братьями Гусевыми, доблестными соратниками по первому мотоциклу? Юрий и сейчас не изменил своей привязанности — работает на Ирбитском мотоциклетном заводе. Борис трудится в родном Егоршино. Хоть изредка, да обмениваются товарищи весточками. Дружба с юных лет — она крепкая.

Куда девался мотоцикл?... Веня вырос, мотоцикл постарел и вернулся на то же самое место, откуда его в свое время извлекли приятели — на склад металлолома. И может быть, новое поколение сорванцов приспособливает его для своих неотложных нужд...

Где же сейчас наш герой Веня Редькин? Он давно не вихрастый школьник, и в гараже его стоит новая, современная машина. Окончил Московский университет, плавает сейчас на «Ленине». И когда перед ним встает какой-нибудь трудный

вопрос работы атомной установки в сложных условиях ледового плавания, инженер-физик Вениамин Редькин обязательно вспомнит своего первого воспитателя и друга — мотоцикл с разнокалиберными и разномастными деталями. Мотоцикл из своего детства.

Диплом Антарктиды

Уральцы на атомоходе... Мы рассказали о них. Но как удержаться от рассказа о тех, кто бок-обок с ними стоит суровые штормовые вахты, с ними несет нелегкую ледовую службу — о хороших, о настоящих ребятах с мирного атомного?

...Это заседание в кают-компании дизель-электрохода «Обь» было не совсем обычным. На председателем месте, выделяясь своей мощной фигурой, сидел сам капитан «Оби» Иван Александрович Ман. За столом президиума, в рядах слушателей — крупнейшие ученые страны, знаменитые полярные исследователи, опытные мореходы, гидрографы, геофизики и даже корреспонденты.

А у импровизированной трибуны, вода указкой по многочисленным картам и схемам, стоял совсем еще молодой коренастый паренек с комсомольским значком на морском кителе.

Студент пятого курса Ленинградского Высшего инженерно-морского училища Александр Чепура защищал дипломную работу: «Учет дрейфа дизель-электрохода «Обь» во время производства гидрологических работ».

Судно шло проливом Ла-Манш. В иллюминаторе, где виднелся английский берег, то и дело появлялись контуры идущих навстречу кораблей. «Обь» двигалась на восток — домой, после долгого антарктического рейса.

Но при чем здесь защита дипломной работы? И почему заслуженный капитан дизель-электрохода занял непривычное для него место председателя государственной экзаменационной комиссии?

...Осенью на судне, уходящем в Антарктику, появились три парня, три студента. Они доложили капитану:

— Прибыли в ваше распоряжение для прохождения пятого курса непосредственно на корабле.

Это был первый опыт такого рода. Студенты вместе со всем экипажем несли вахты, участвовали в авральных работах. И успевали готовить и сдавать специалистам экзамены. К январю прибыли в поселок Мирный — там в это время наступило лето. Вот она, Антарктида, мечта путешественника... Ослепляющее солнце, искристая белизна снега. И работа, напряженная работа, — во время разгрузки обходились почти без сна.

Покинув ледяной континент, «Обь» прошла со специальными исследованиями до границы Индийского и Атлантического океанов. Здесь, в самой гуще живого дела, и родилась тема дипломной ра-

боты, которую защищает сейчас перед таким высоким собранием Александр Чепура...

Скажем прямо — не часто видные специалисты и ученые с подобной горячностью обсуждали работу студента. Давно уже произнесли свои заключения официальные консультанты и оппоненты. Ушел — нужно было провести судно по узкому фарватеру — и снова вернулся капитан Ман. А спор все продолжался. Решили твердо — дипломная работа студента пятого курса Чепуры имеет практическое значение.

Из антарктического рейса Александр Чепура, за свою короткую жизнь успевший побывать уже в Атлантическом, Индийском и Ледовитом океанах, вернулся судоводителем с высшим образованием. После годового плавания в Арктике он стал четвертым штурманом атомного ледокола «Ленин».

...Дневная вахта на флагмане советского полярного флота. Впереди — массивы льда. На капитанском мостике — молодой коренастый паренек в форме моряка гражданского флота. На кителе его, рядом с комсомольским значком, — почетный значок участника антарктических экспедиций.

Одно слово — «Ленин»!

Пора уезжать с атомохода. А уезжать не хочется — до того славный народ окружает тебя. Как интереснее рассказать об этом удивительном чувстве общности, присущем каждому кораблю, а здесь, в молодежном коллективе, выраженном особенно ярко, прямо-таки физически ощутимо? Как рассказать об этом постоянном ожидании открытий в первом рейсе первого в мире атомного корабля?

Последний вечер мы сидим в курительном салоне, тянем одну за другой папиросы, уютно устроившись в покойных креслах олоко декоративного финского камина. Ребята шутят, что только этот камин да шведский автоматический свисток — иностранного производства, все остальное на корабле — наше, советское.

Но все-таки камин хорош. Языки электрического пламени лижут искусственный кирпич, ярко подсвечены чугунные поленья. Хорошо помечтать у камелька!

Мечты, предположения все о том же — куда пойдем? Вначале провести суда по Северному морскому пути — это ясно. А потом?

— Вот бы на Северный полюс махнуть! Первое судно своим ходом — на земную макушку! А?

— Неплохо, — соглашаемся мы. — Только и Антарктида заманчива. В море Беллинсгаузена еще ни один корабль не мог пробиться. Море, открытое русскими, и осваивать русским!

— В общем, ребята, на наш век дел хватит. Корабль-то какой! Одно слово — «Ленин»!

Февраль 1960 года

Старый товарищ...

— Лариса Моисеевна, куда вы убрали «Квантовую механику»?

Лариса Моисеевна вздохнула. Официальный переход на «вы» означал, что у мужа снова неудачи. Нужно только выяснить, в чем именно. Если не удалась операция, — очень плохо. Если не получаются эти ужасные эксперименты с искусственным сердцем, она останется спокойной.

Книга отыскалась на полке с художественной литературой.

— И вечно у вас такая путаница!..

Иосиф Матвеевич говорил ровным тихим голосом. Только усики его топорщились сильнее обычного.

— Что-нибудь случилось, Еся?

— Почти ничего. Ожидания Блинова не оправдались.

— Ты имеешь в виду модель или...

— Нет, мы испытывали настоящее сердце. Сердце одной девушки. Оно не принесло ничего нового.

— О, господи! И ты можешь говорить об этом так спокойно?

Продолжение. Начало см. в № 3.

В ПОИСКАХ

Вот уже шестнадцать из двадцати восьми лет их супружеской жизни Лариса Моисеевна не может свыкнуться с планами мужа. У него была слава замечательного хирурга, все в один голос заявляли, что у Золкина золотые руки. И вдруг он стал заниматься техникой, а многие операции передоверять своим ученикам. На что теперь похож его домашний кабинет? На какую-то электростанцию. Вспышки разрядов в спектральных трубках заставляют постоянно вздрагивать Ларису Моисеевну. Она страшится за глаза Еси. Долго ли их выжечь! А чем он занимается, сидя за полночь? Исписывает горы бумаги непонятными формулами, будто он уже не медик, а математик.

Яичница стынет, Лариса Моисеевна снова включает плитку.

— Еся, ужин на столе.

— Иду, я же сказал.

Иосиф Матвеевич не успевает покончить с ужином — в прихожей раздаётся звонок. Открывать идет Лариса Моисеевна. По дороге она вздыхает и желает только одного: чтобы это были знакомые или друзья, лучше всего — Дмитрий Андреевич. После бесед со старым товарищем у Иосифа всегда бывает отличное настроение.

Так и есть — Жуков.

— Проходите, проходите, Дмитрий Андреевич. Я вам накрою стол в комнате, — говорит обрадованная Лариса Моисеевна.

— Да, да, — поощрительно улыбается ей муж, — пожалуйста. И не забудь наш коньячок. Там, кажется, осталось еще. Надеюсь, ты пришел с такими новостями, за которые можно опрокинуть по рюмочке? Твоя секция связывает нам крылья. Я собираюсь устроить тебе головомойку. Впрочем, давай сначала сядем за стол.

Чертовски трудная задача — начать такой разговор, которого меньше всего

ожидает твой собеседник, если к тому же этим разговором ты собираешься нанести ему удар в самое сердце.

Жуков даже не пригубил рюмки, которой чокнулся с Золкиным. Он осторожно поставил вино на стол и поднял глаза на хозяина. Иосиф крепко сдал за последнее время... Ему можно дать все семьдесят. А годы не такие уж большие. Сдал — значит, сам понимает тщетность своих поисков...

Острая жалость заставляет Жукова опустить глаза. Оба они мечтатели. Только у Жукова мечта более скромная и реальная, в то время как Иосиф погнался за журавлем в небе. Нет, говорить все-таки придется.

— Что-нибудь случилось? — Иосиф Матвеевич с удивлением смотрел то на гостя, то на его рюмку.

— Получил письмо от Якушина, — отвечает Дмитрий Андреевич.

— И что же он пишет?

— Как всегда, зовет к себе проектировать автоматические заводы с моноуправлением.

Тон, каким это произносит Дмитрий Андреевич, заставляет Золкина приподнять брови. Он тоже опускает рюмку на стол, выжидающе поглядывает в сумрачное лицо своего старого товарища. И тот решает покончить все разом: лицемерие не в его характере.

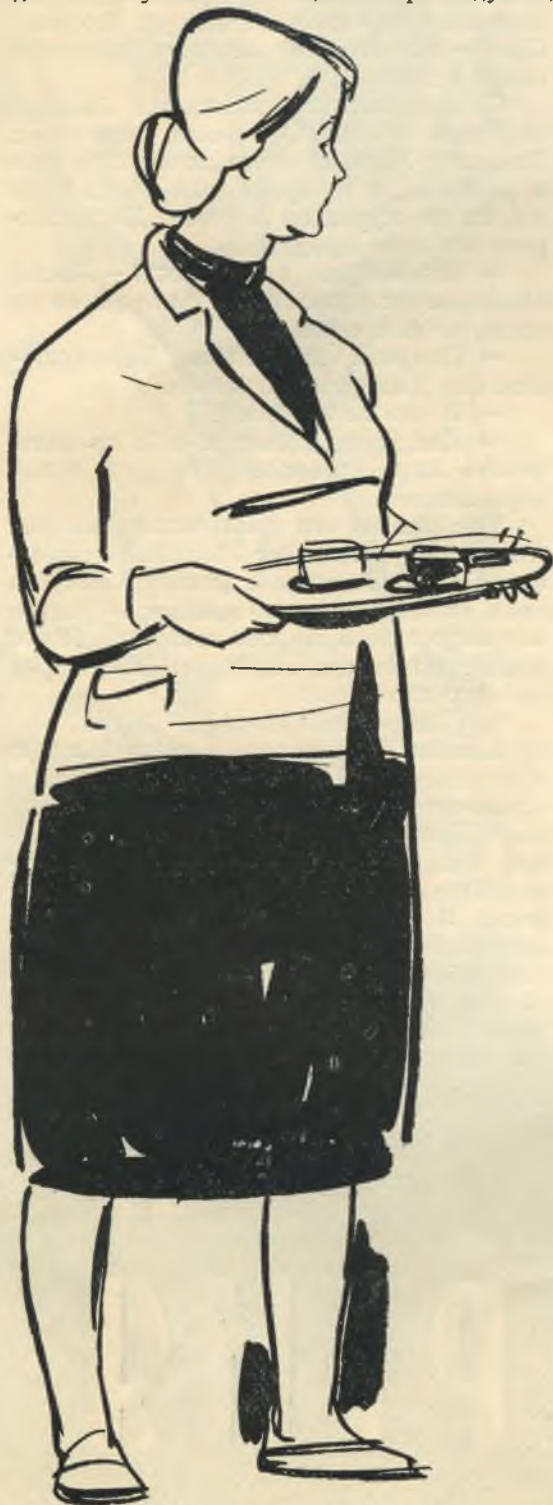
— Понимаешь, Иосиф, — Жуков все-таки избегает смотреть в глаза Иосифа Матвеевича, — я ведь так и остался инженером-электриком. Четырнадцать лет нашей совместной работы явились настоящей проверкой моего призвания. Четырнадцать лет я не вставал к чертежной доске. Я истосковался по конструкторской работе. И вот меня прорвало. Я не хочу обманывать более ни тебя, ни себя самого. Я хочу остаться твоим другом, Иосиф. Я уважаю ту цель, ради которой мы соединили свои усилия. Но видишь

БЕССМЕРТИЯ

ли... как объяснить тебе это? В клинической лаборатории я отдалился от настоящего, реального дела.

Жуков помолчал, не поднимая глаз. Потом с трудом продолжал:

— Последние шесть лет работы позволили мне сделать определенные выводы. Ты слушаешь меня, Иосиф? Я думал,

мы преждевременно взяли за решение этой задачи. Мне нелегко признаться в этом... Когда-то я первым поддержал тебя... Но время — самый строгий и беспристрастный ревизор. Видишь ли, ты намерен получить эластичную органическую ткань соединением кремне-органических полимеров с редкоземельными элементами, естественно, что тебе это не удастся.

— Нам не удастся, — поправил Золкин Жукова.

— Да, конечно. Твоя неудача является и моей тоже. Так вот, теперь я глубоко убежден: нам не создать искусственное сердце до тех пор, пока мы не научимся получать искусственный белок. Значит, прежде необходимо разгадать секрет возникновения жизни. — Жуков развел руками: — Такого высокого уровня не достигла сегодняшняя наука, и такая задача ей еще не по плечу.

— Довольно!

Иосиф Матвеевич вскочил, отошел к окну. Солнце только что закатилось, и небо над крышами темнело. Звезды еще не зажглись, словно выжидая, пока на западе окончательно погаснет огненная полоска.

Удар был нанесен слишком внезапно. В Жукова главный хирург верил, как в самого себя. С первых же дней борьбы за искусственное сердце Дмитрий оказался настоящим товарищем. Все первые успехи были достигнуты при участии Жукова. Как же решился он на отступничество? И, выходит, уже шесть лет Жуков обманывает его, Золкина?

— Передашь дела Мишкевичу, — не оборачиваясь, сказал Золкин.

— Прости... я не понял. Кому?

— Мишкевичу, Тимофею Петровичу.

— Ты горячишься, Иосиф, — Жуков выпрямился в кресле. — Доверить руководство исследовательской секцией юнцу... Или ты и в самом деле не веришь в свою затею?

— Наоборот. Именно поэтому тебя и заменит Мишкевич.

Жуков собрался было заговорить о неопытности Тимофея, но дверь открылась, и вошла Лариса Моисеевна.

— Вот и кофе, — сказала она, опуская на стол подносик с чашками. — Дмитрий Андреевич, если вы проголодались, я сделаю гренки. Это пять минут.

— Дмитрий не проголодался, — отрезал Золкин. — И он не хочет кофе. Я буду

пить один. А ему пора, он очень торопится проектировать заводы. И попрошу вас, Лариса Моисеевна, — Золкин повысил голос, — попрошу вас не задавать вопросов.

Озадаченная Лариса Моисеевна несколько минут оставалась неподвижной. Она не помнила случая, чтобы ее муж и Жуков ссорились. Спорили они часто, очень горячо, но это делало их еще дружнее. А тут... И опять это ужасное «вы».

Возвратившись с подносиком на кухню, она слышала, как Жуков прошел по коридору. Иосиф не вышел провожать его. Дверь хлопнула, наступила тишина.

...В кабинете, схватившись за сердце, Золкин торопливо шарил в ящике стола. Когда он раскрыл коробочку с таблетками, пальцы уже плохо слушались его. Боль нарастала. Большим усилием воли Иосифу Матвеевичу удалось сдержать стон, чтоб не привлечь внимание жены.

Я нужен мертвому человеку?

Если бы Жуков ушел из лаборатории только потому, что его потянуло к заводской работе, Иосиф Матвеевич не принял бы это так близко к сердцу. Конечно,

он лишился бы очень ценного помощника, но... каждому, как говорится, свое. Во всяком случае, они остались бы друзьями.

Однако Дмитрием руководила другая причина: он потерял веру в замыслы Золкина, отверг то, что для Иосифа Матвеевича составляло смысл жизни.

Всю ночь мучали воспоминания. Какой большой путь проделали они с Жуковым! Разве сочтешь, сколько раз они встречали рассвет у аппаратов, до предела утомленные и всегда способные добродушно подтрунивать друг над другом, над своими неудачами. Идея искусственного сердца заставляла решать много сложнейших проблем.

В сущности, проблем было две: ритмичность и неутомимость.

...Иосиф Матвеевич ворочается с боку на бок. Диван скрипит от его беспокойных движений. Золкину чудится гул аппаратов, звяканье лабораторной посуды, деловитое покашливание Жукова...

Ритмичность...

Восемь лет ушло на то, чтобы до конца понять это удивительное свойство сердечной мышцы.

Электронная теория Золкина была проста. К крошечному сплетению нервов на правом предсердии — своеобразному полупроводниковому агрегату — из крови непрерывно поступают электрические заряды. Они накапливаются до определенного предела. Наступает момент, и по мышцам сердца через пучок нервов бьет своеобразная электрическая молния. Сердце сокращается.

Все это выглядит просто только на первый взгляд. В сердце — два желудочка и два предсердия. Они сокращаются в определенной последовательности.

Как создается эта последовательность? Какой величины должен быть электрический заряд? И, наконец, каким образом эти заряды возникают в крови?

Содружество Золкина, Блинова, Жукова и Касимовой позволило один за другим решить все эти вопросы. И немалая заслуга приходилась тут на долю Жукова, крупнейшего теоретика в области полупроводниковых явлений.

Остался секрет неутомимости.

Золкин выдвинул еще одну теорию — о возможности создания органического полупроводника. Он решительно отказался от металлических сплавов и вообще от каких бы то ни было неорганических веществ. И те и другие теряют уп-

ругость, «стареют», если их заставлять сжиматься и разжиматься в течение десятков лет с неумолимой ритмичностью, характерной для естественной сердечной мышцы.

Решающее слово здесь должен был сказать Жуков. И он произнес его. Это был смертный приговор всей идее...

На другой день Золкин появился в лаборатории с отеком лица, но по-прежнему подвижный и деятельный. Вечером он пригласил к себе в кабинет Мишкевича.

— Возглавить секцию придется вам, Тимофей Петрович.

— Мне? — предложение озадачило молодого человека. — Значит, Дмитрий Андреевич ушел...

— Ушел.

— Иосиф Матвеевич, — глядя себе в ноги, произнес Тимофей, — я... тоже не могу оставаться в клинике.

— Вот как?

Главный хирург смотрел в упор на Тимофея и больше ничего не спрашивал. Тимофей чувствовал этот взгляд, изнемогал от него, но сам заговорить не решился: сказать ему все равно было больше нечего.

А Иосиф Матвеевич уже заметил странную перемену, происшедшую в лаборанте: на переносице появилась складочка, щеки побриты небрежно, ввалились, а во всей позе — несвойственное Мишкевичу упрямство. Такое состояние бывает у человека, когда он заранее отказывается выслушивать доводы, будь они разумные или неразумные.

— В чем все-таки дело, Тимофей Петрович?

Тимофей пожал плечами и сильнее сдвинул брови.

— Солидарность с Жуковым?

— Дмитрий Андреевич не имеет к этому никакого отношения.

Золкин с облегчением откинулся в кресле.

— Простите меня, Тимофей Петрович. Я не хотел вас обидеть. Устал... А тут еще с Жуковым неприятность. — Иосиф Матвеевич потер лоб ладонью. — Думал, вы сейчас тоже заговорите о том, что техника еще не поднялась до нужного уровня...

— Нет, так я не думаю. Я верю — вы победите. Но оставаться в клинике... не могу.

— Тимофей Петрович, — главный хи-

руг вышел из-за стола и, подойдя к Тимофею, положил ему руку на плечо:— Я вам желаю только хорошего. Вы понравились мне с первого дня, и я возлагал на вас большие надежды. Но раз вам в клинике не по душе, я не в обиде. Не беспокойтесь, не буду приставать к вам с распросами. Чувствую, что причины у вас основательные.

Если бы Золкин действительно потребовал у Тимофея объяснений, если бы он возмутился, то ничего не узнал бы. Но его искреннее участие оказалось тем целебным вмешательством, в котором больше всего нуждался сейчас Мишкевич. Нет, с главным хирургом можно было расстаться, только оплатив двойной искренностью.

— В этом городе, — проговорил Тимофей хриплым чужим голосом, — случилось несчастье с девушкой, которую я... которая спасла мне жизнь. Я тонул, а она бросилась мне на помощь. А я... я не смог даже отблагодарить ее по-человечески.

— Она... умерла?

— Разве может человек жить без сердца? — Тимофей с трудом размыкал горячие слипшиеся губы. Глаза его повлажнели. — А ее сердце... здесь... у вас в лаборатории.

— Белаш?!
— Да. Это сердце принадлежало Люде.

Руки Золкина медленно соскользнули с плеч Тимофея.

— Вот уж действительно мир полон случайностей, — сказал Иосиф Матвеевич. — Людмила Белаш... Но тогда не может быть и речи о том, чтобы вы покинули лабораторию, Тимофей Петрович. Вы продолжите работу над искусственным сердцем, вы доведете ее до конца. Вы, слышите, вы!

Золкин сел в кресло напротив Мишкевича.

— Поймите прежде всего вот что. — Голос Иосифа Матвеевича по-прежнему оставался ровным. — Мы на грани открытия. Все основные вопросы решены. И вы знаете, чего нам сейчас не хватает: только катализатора. Мы выполнили девятнадцать тысяч экспериментов. Что же, очень возможно, что придется выполнить еще сто девятнадцать тысяч. А может быть... всего один. Решение рядом и оттого неуловимо. Все теперь зависит от нашего упорства и, конечно, от нашей

проницательности. Жуков просто... устал. И хочется верить, что он еще вернется. Давайте же трудиться, Тимофей Петрович, — и тихо добавил: — Вы должны остаться, вы очень нужны ей, этой девушке...

— Что? Я нужен Люде? Мертвому человеку?

— А кто вам сказал, что Люда мертва?

— Но ведь ее сердце... там, — Тимофей указал на потолок, над которым находилась биохимическая секция.

— Вы не бывали в семьдесят первой палате?

— Нет.

Золкин колебался.

— Ладно, идемте.

Люда жива!

Они спустились на первый этаж. Иосиф Матвеевич повел Тимофея в тупик правого крыла. По догадкам Тимофея, там находились помещения для препарирования трупов, и потому он никогда туда не заглядывал. Но ожидание Тимофея увидеть подобие морга не оправдалось. Здесь оказался самый большой зал лаборатории. Плотные шторы не пропускали дневного света. Восемь сооружений, напоминающих саркофаги, стояли шеренгой посреди зала. Стекланные трубки, излучающие яркое голубое сияние, опоясывали их прозрачные колпаки. Разноцветные трубки и провода соединяли установки с многочисленными аппаратами.

— Вот замечательное творение Семена Николаевича Григорьева. Уникальные автожекторы. Не такие, что используются при операциях. Все восемь изготовлялись по его чертежам на заводе полупроводниковой аппаратуры. Других таких в стране пока нет. Подойдите ближе, Тимофей Петрович.

Мишкевич приблизился к одной из установок. Отблески голубого света мешали сразу разглядеть то, что находилось под колпаком. Увидев обнаженное человеческое тело, он невольно сделал шаг назад и вопросительно оглянулся на Золкина.

— Что это?

— Люди, — ответил главный хирург. — Автожекторы заменяют им разрушенное сердце.

Тимофей пригляделся к застывшему лицу человека под колпаком.

— Да это же Чубарь! — вскрикнул он. — Значит вы... вы еще надеетесь вернуть ему жизнь?

— А он и сейчас жив. Вы не точно выразились. Мы не надеемся, мы уверены, что вернем его для жизни. Взгляните на соседнюю установку, Тимофей Петрович, по левую сторону.

Два шага отделяли от него следующую установку. Тимофей увидел девушку. Не сразу узнал он худенькое истомленное лицо. Сомкнутые веки подернулись синевой. Расплетенные волосы кто-то бережно уложил на подушке вокруг головы.

Под левой грудью Люды поблескивал металлический диск. Сквозь него в тело уходили трубки и провода. На кистях рук и на висках тоже были закреплены металлические пластинки с проводами.

Не веря себе, Тимофей припал к самому колпаку. Холодная поверхность запотела от его дыхания. Ослабевшие руки искали и не находили опоры. Он не издал возгласа удивления, он только смотрел, желая убедиться, что зрение не обманывает его.

— С помощью этих чувствительных автожесторов, — Золкин понизил голос, — нам удастся поддерживать жизнь в течение года, иногда двух лет. — Он с грустью смотрел на худенькое застывшее тело девушки. — На помощь приходит холод и электрический сон. Все жизненные процессы замедлены до предела. Это, собственно, грань между жизнью и смертью. Нам нужно спешить, Тимофей Петрович.

Вы понимаете меня? Через год под этими колпаками могут оказаться другие.

Голос главного хирурга доносился до слуха Тимофея неясно, словно заглушенный далеким грохотом водопада, но Тимофей, не сводя глаз с лица девушки, жадно вслушивался в каждое слово.

В зале монотонно шелестели аппараты, изредка щелкали реле, поддерживая заданную температуру воздуха, тела, состав крови... Голубое сияние люминифоров заполняло зал, освещая восемь таинственных сооружений, хранящих в себе человеческие жизни.

Тимофей выпрямился, глаза его лихорадочно блеснули. И главный хирург еще раз подивился перемене, происшедшей с Тимофеем. Сквозь внешнюю простоватость проглядывали первые ростки душевной твердости.

Мне... холодно...

Тимофей преобразился. Он работал как одержимый. Прежде полупроводниковая секция успевала сделать за день восемь-десять синтезов. Теперь их делали двенадцать-пятнадцать.

Дома вечерами Мишкевич зарывался в книги и лихорадочно нащупывал новые пути в поисках катализатора. В лаборатории вместе с Касимовой он изучал отчеты Академии наук.

Тимофей стал постоянным ассистентом Золкина во всех экспериментах, которые тот выполнял. Более того, он отважился снова появиться в операционной. Ему довелось еще раз увидеть сложнейшую операцию сердца — ее делала Касимова. После этого он дважды присутствовал при резекции желудка, видел, как удаляют раковые опухоли, долбят позвоночник.

Золкин и Касимова молчаливо одобряли такие посещения, Блинов делал недоуменное лицо и выпячивал губы. Но только один Иосиф Матвеевич знал, чем вызвана эта бурная деятельность.

Как-то раз Иосиф Матвеевич спросил:

— Вы совсем не бываете у Григорьева?

— Нет, — ответил Мишкевич.

— Григорьев и его люминофоры могут подсказать самое неожиданное решение. Видите ли, Тимофей Петрович, есть у нашего брата, ученого, подсознательное чувство, интуиция. Бывает, она и обманывает. А случается, приводит к успеху. Не хочу смущать вас своими преждевременными догадками, должен только признаться: я все чаще подумываю о люминофорах. Почему? — спросите вы. И сам еще не знаю, почему. Люминофоры так далеки от катализаторов. Когда-нибудь мы побеседуем подробнее.

Каждый день Тимофей приходил в семьдесят первую палату. Он был единственным человеком в клинике, которому Золкин разрешил это. С волнением открывал он дверь автожекторного зала. Руки становились непослушными, ноги переставали сгибаться в коленях.

Вглядываясь в застывшее безответное лицо девушки, Тимофей сжимал кулаки. Если бы можно было помочь ей сейчас, немедленно!

Месяц проходил за месяцем. Незаметно отшумела метелями зима и снова начало пригревать солнце. За это время лаборатория достигла кое-каких результатов: полупроводниковые модели сердца работали уже по двенадцать-двадцать часов. Что значит для человека двадцать часов жизни? А Иосиф Матвеевич возбужденно потирал руки, хвалил Тимофея. Настоящее решение все еще ускользало, однако исследователи, что называется, наступали ему на пятки.

Сотни реакций синтеза были сделаны за минувшие месяцы. Поиски катализатора не прекращались ни на один день.

Из рук исследователей выходили органические полимеры, обладающие удивительными свойствами. Вода, налитая в сосуд из такого вещества, обращалась в лед, если сосуд опускали в горячую воду или держали на солнце. Другие полимеры под действием электромагнитного поля резко уменьшались в объеме. Третьи чутко реагировали на звуковые сигналы. Стоило заговорить даже шепотом — и кусочек полимера вздрагивал, сжимался, словно прислушивался к человеческой речи.

В лаборатории изредка появлялся Григорьев. Он садился где-нибудь в углу зала и принимался перелистывать журналы наблюдений, чаще всего ни о чем не спрашивая.

— Вы думаете найти у нас новые люминофоры? — как-то поинтересовался Тимофей.

— В определенных условиях катализатор может стать сильнейшим люминофором, — уклончиво ответил Семен Николаевич.

Все-таки Золкин имел все основания похвастать успехами. Ученый уже ощущал приближение к настоящему большому открытию, которому посвятил жизнь. Вечерами главный хирург опускался на первый этаж, заходил в семьдесят первую палату. В одиночестве он подолгу простаивал у прозрачного колпака, под которым лежала Белаш.

Однажды, замкнув дверь палаты на ключ, он подошел к пульта у саркофага Людмилы и повернул переключатель. Колпак бесшумно откинулся. Еще поворот переключателя. На пульте погасли красные лампочки и зажглись зеленые. Смолкло журчание электрического сна, зато у стены сильнее задышал автожектор.

Прошла минута, другая. Вздогнули ресницы девушки, веки медленно открылись. Заметив Иосифа Матвеевича, девушка с трудом чуть повернула голову.

— Кто вы? — вот уже третий раз задает она ему этот вопрос, потому что в ее памяти не удерживаются короткие разрывы вынужденного небытия.

— Врач, — отвечает Иосиф Матвеевич. — Как ты себя чувствуешь, Люда?

— Ничего, спасибо... — ее голос звучит так тихо, что Золкин должен приблизить свое лицо к лицу девушки. — Больно... вот здесь. — Она пытается поднести руку к груди, но тут же безвольно роняет

ее: рука слишком тяжела для ослабевших мускулов. — И я все сплю... сплю... Мама... приехала?

— Да, мама уже приходила к тебе. Скоро ты будешь на ногах. Мы вылечим тебя. У нас в клинике отличный парк, и мы вместе с тобой пойдем смотреть цветы и фонтаны.

— Мне... холодно...

Поворот переключателя в обратную сторону. На пульте зеленый свет лампочек сменяется красным. Люда засыпает с болезненной улыбкой на лице. Затем улыбка исчезает, гаснет. Опускается колпак, шум автожектора ослабевает, слышится с монотонной песней электрического сна.

Вы должны придти.

Слышите?

Появление Мишкевича в лаборатории было для главного хирурга веянием свежего ветерка. Золкин еще не может осознать суть этого дуновения; скорее всего и незаметно для самого себя Тимофей принес в секцию усвоенную им методику работы Григорьева. Новый начальник секции смотрит на катализаторы теми же глазами, которыми он почти год смотрел на люминофоры. Катализаторы и люминофоры... Решение проблемы рядом. Оно, как забытое слово, кружит где-то в голове. Неделю назад модели начали работать более суток. Похоже, что катализатор, который так безуспешно ищет лаборатория, уже незримо присутствует во время синтеза. Ведь даже один атом постороннего вещества на десять миллиардов атомов полупроводника заметно изменяет его свойства. Так не заносят ли они, исследователи, при отборе исходных веществ или вместе с катализаторами какую-то неуловимую примесь, резко усиливающую каталитическое воздействие на реакцию синтеза?

Усилитель катализатора?

Золкин разводит руками, — чего только не случается в мире науки. Вчера это показалось бы нелепым, а сегодня...

Примеси так ничтожно мало, что ее не видят современные мощные ионные проекторы и не улавливают чувствительные, как нерв человека, электроанализаторы. Атомы незримого вещества — усилителя растворяются в океане органических молекул-гигантов.

Каков, однако, характер усиления? Что, если это... световое люминофорное воздействие?

Иосиф Матвеевич пощипывает усики и останавливается посреди зала. Сердце начинает стучать громче. Он забывает, где находится. Кажется, вот сейчас... сейчас всплывет на поверхность сознания нужная мысль. Еще небольшое усилие... Еще мгновение размышлений...

Холод пробирается под халат и приводит в себя главного хирурга. Он возвращается на третий этаж, садится к проектору, заглядывает в окуляр. Весь мир заслоняется гирляндами молекул. Бесконечное звездное пространство. Каждая звезда — атом. Очень трудно надеяться, что случайно встретишь в этой Вселенной блуждающий атом-болоид.

Встретить? Обнаружить присутствие? Но разве в прошлом не открывались планеты до того, как их увидел вооруженный телескопом глаз астронома? Невидимую планету выдавало ее влияние на соседние небесные тела, на закономерность их движения по своим орбитам.

Золкин выключил проектор, прошелся по залу. На минуту задержался у окна, за которым уже зеленели деревья парка. Тимофей с удивлением поглядывал на главного хирурга, на его соединенные за спиной и нервно шевелящиеся пальцы.

— Да, как это я забыл? — поворачиваясь от окна, сказал Иосиф Матвеевич. — Сегодня же первая футбольная встреча. Играют наши медики и команда радиозавода. Друзья, за мной! На первый тайм мы опоздали, — он взглянул на часы, — но... ничего.

Первыми начали торопливо собираться девушки-лаборантки. Они с хохотом, одна за другой выбежали в коридор. За ними вышли Золкин, Касимова и Мишкевич.

Спустя полчаса, они втроем уже сидели на трибуне стадиона. Здесь Тимофей еще раз подивился Золкину. Глядя на поле, где юноши в зеленых и красных майках вели сражение за мяч, главный хирург преобразился. Его усики совсем стали торчком, глаза сузились, заблестели. Он аплодировал, вскакивал, кричал. Тамара Ильдаровна, не на шутку перепуганная, пыталась удержать его, повторяя: «Иосиф Матвеевич, вам же нельзя так. Слышите, Иосиф Матвеевич!».

У выхода со стадиона Золкин замедлил шаги, выбрался из толпы и свернул

на узкую боковую аллею. Здесь он прислонился к высокой металлической изгороди, рука его потянулась к сердцу.

— Я знала, чем это кончится, — с укором проговорила Тамара Ильдаровна. — Тимофей Петрович, вызывай машину.

...Иосифа Матвеевича доставили домой, уложили в постель.

— Проклятый ревматизм, — попробовал пошутить Золкин, — донимает меня каждой весной и осенью.

— Надоело! — вспыхнула Касимова. — Кардиосклерозом ваш ревматизм называется. Завтра же буду говорить о вашем поведении в городском комитете партии. Вы ведете себя как мальчишка. Нет, хуже!

— Меня он и слушать не желает, — вздохнула Лариса Моисеевна.

Улучив минуту, когда обе женщины вышли, Золкин пальцем поманил к себе Тимофея.

— Теперь я пропал, — шепнул он ему в самое ухо. — Мне обеспечен постельный режим. А у меня на стадионе появилась чрезвычайно оригинальная мысль. Давайте договоримся так: вы будете заглядывать ко мне каждый вечер. Идет? На вас у меня самая большая надежда. Через вас я смогу продолжать эксперименты. Только вот что: вам не удастся произнести ни слова, если вы войдете через двери. Эти ужасные женщины приставят ко мне строжайших надзирателей. Или сами будут сторожить. Подойдите к окну. Посмотрите направо. Видите пожарную лестницу? Она скрыта за выступом дома. Так вот таким средневековым способом. Его придумал Дмитрий... Жуков... М-да. Со мной уже такое случилось... сердечное.

Золкин поморщился, откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Жуков, — повторил он. — Как мне не хватает Дмитрия... Конечно, у каждого своя мечта. Но... Тимофей Петрович!

— Я здесь, Иосиф Матвеевич.

— Вы должны придти. Слышите? Должны.

— Хорошо, хорошо, — поспешил согласиться Тимофей. — Я приду.

Конец...

На следующий день после посещения стадиона Тимофей отправился навестить Иосифа Матвеевича и убедился в право-

те его слов. Молодого человека впустили, но едва он заговорил о делах лаборатории, бесцеремонно выпроводили из квартиры. Касимова либо сама находилась у постели Золкина, либо подбирала таких же неумолимых дежурных из клиники.

— Меня собираются упечь на курорт, — успел шепнуть Тимофею Иосиф Матвеевич. — Хотелось бы сообщить вам кое-какие соображения, связанные с люминофорами. Завтра вечером, а? Часиков так в одиннадцать.

В одиннадцать часов на улице было темно. Мишкевич поднялся по пожарной лестнице. Окно было раскрыто, в комнате горел свет. У кровати Иосифа Матвеевича сидел врач. Золкин полулежал на подушках и смотрел в окно. Увидев голову Тимофея, он подмигнул ему.

— Я буду спать, — объявил Золкин дежурному. — Вы можете быть свободны.

— А я и так свободен, — ответил ставленник Касимовой.

— Да, но вам должно быть известно, что я не могу спать в чьем-либо присутствии, — рассердился Иосиф Матвеевич.

Уходя, дежурный выключил свет. С пожарной лестницы Тимофей перебрался на подоконник. В любую минуту его могли заметить со двора и бог знает что подумать.

Рука Тимофея попала на что-то острое. Тонкий, как иголка, кусочек стекла впился ему в ладонь.

— Ах, с-собака! — выругался Тимофей и соскочил на пол.

— Тс-с-с... — Золкин приложил палец к губам. — Поверните ключ в двери. Только тихо. Так. А теперь садитесь и рассказывайте, чем сегодня занимались. Постойте, а что это с вашей рукой?

— Пустяки, немножко порезал.

— Вчера мальчишки угодили мячом в окно, сегодня приходил стекольщик. Наверное, там остались осколки. Зажгите свет и разыщите на этажерке вату.

Зажигать свет Тимофей не стал, чтобы не привлечь внимания Ларисы Моисеевны, и потому вату нашел не сразу. Придерживая кусочек ваты на ладони, Тимофей возвратился к дивану.

Опуститься на стул он не успел.

— Зажгите свет! — изменившимся голосом потребовал Золкин. — Немедленно!

Не понимая, в чем дело, Тимофей щелкнул переключателем.

— Подойдите!

Иосиф Матвеевич опустил ноги на пол. Он схватил пораненную руку Тимофея и отнял от ладони вату. Кровь уже запеклась. Золкин сдавил кожу. Выступила алая капелька. Набухая, она все увеличивалась, пока не растеклась по ладони. Тимофей с удивлением наблюдал за Иосифом Матвеевичем. Можно было подумать, что главный хирург никогда не видел порезов, так пристально наблюдал он за капелькой крови.

— Или я схожу с ума, — пробормотал Иосиф Матвеевич, — или... или... Неужели это... решение? Да, похоже. Дайте-ка мне одежду.

— Что?

— Штаны, понимаете, штаны! — выходя из себя, свистящим шепотом пояснил Золкин и пальцем ткнул в угол комнаты.

— Иосиф Матвеевич, — перепугался Тимофей, — вам же нельзя покидать постели.

— Не учите меня! Мальчишка... Ищите лучше туфли. Нет, не там. Загляните под письменный стол. А, ч-черт, как вы медленно поворачиваетесь.

— Иосиф Матвеевич!

— Замолчите!

Золкина било, как в лихорадке.

Одевшись, он остановился посреди комнаты. Наклонив голову и сомкнув глаза, он с минуту бережно поглаживал сердце. Потом медленно выпрямился.

— Сейчас вы отправитесь обратно через окно и разыщите такси, — приказал он Тимофею. — Затем обойдете дом и посмотрите в окно столовой. Если света нет, значит, жена спит. Тогда я выйду без вашей помощи. Если же свет горит, постучитесь в квартиру. Постарайтесь отвлечь разговорами жену и этого... надзирателя. Дверь в квартиру оставьте открытой.

— Нет, — Тимофей решительно заматал головой. — Совсем наоборот: я позову сейчас Ларису Моисеевну.

— Вот как? Вы думаете, мне просто захотелось прогуляться? — жестко продолжал Золкин. — Или вам кажется, что я не хочу жить? Нет, мы с вами поставим сейчас самый замечательный эксперимент, и он решит все. Все! Подведет красную черту Через месяц в лаборатории забьется настоящее вечное сердце.

— Иосиф Матвеевич, ведь можно поступить проще: объясните, в чем дол-

жен заключаться эксперимент, и мы с Тamarой Ильдаровной...

— Дудки! — Иосиф Матвеевич зло ткнул кукишем в нос молодому человеку, и тот невольно попятился. — Я тридцать лет ждал этой минуты, а вы... Понимаете, чего вы хотите лишить меня? Больше, чем жизни.

Он опять сжался от приступа боли. Растерявшийся Мишкевич застыл поодаль и не знал, как ему поступить.

— Не стойте же истуканом. Ну?

Обратно на землю Мишкевич спустился значительно медленнее. Он задерживался на каждой перекладине, твердил себе, что поступает неправильно, неразумно. Надо проявить решительность, заставить Золкина лечь обратно в постель. Но разве мог он, Тимофей, его заставить?

Вблизи остановилось такси. Договорившись с шофером, Тимофей побежал к подъезду. В столовой горел свет. Делать было нечего — он вошел в подъезд и поднялся по лестнице.

Ему открыла Лариса Моисеевна.

— Здравствуйте, Лариса Моисеевна, — каким-то неверным голосом произнес Тимофей. — Я шел мимо и увидел, что вы не спите. Вот решил заглянуть.

— Проходите, Тимофей Петрович. Но только к Иосифу я вас не пушу. Он спит.

— Да, да, конечно.

Она провела его в столовую, где вместе с дежурным врачом коротала время за чашкой кофе. На стене тикали круглые часы, время приближалось к полуночи. Ветер колыхал шторы, но было душно после знойного майского дня. В открытое окно доносились слова песни, которую выводили где-то молодые голоса.

— Вы из лаборатории? — спросил дежурный врач.

— Да, — выдавил из себя Тимофей. Необходимость лгать оказалась трудным делом.

— Тамара Ильдаровна не собиралась сюда?

— Кажется, нет.

— Состояние Иосифа Матвеевича улучшилось, но ему по-прежнему необходим покой.

— Господи! — вздохнула Лариса Моисеевна. — Легко сказать — покой. Вот уже мно-

го лет я не помню случая, чтобы он прилег отдохнуть. Вы думаете, Еся поедет на курорт? Я плохо верю этому. Чтобы удержать его в комнате, нужны стальные двери и тюремные замки.

Тимофей поежился. Он отказался от кофе, который налила ему Лариса Моисеевна.

— Я пойду, — Тимофей поднялся и с минуту еще переступал с ноги на ногу. Он еще колебался, подумывая: «Не сказать ли все-таки?»

Закрыв за собой двери квартиры, Мишкевич ахнул: Иосиф Матвеевич стоял на лестнице, навалившись всей грудью на перила и вцепившись руками в стальные прутья.

— Я отнесу вас обратно в квартиру, — предложил Тимофей.

— В клинику! — упрямо прохрипел Золкин. — Пройдет...

С помощью шофера Тимофей усадил главного хирурга в машину.

По дороге Золкину стало совсем плохо. В темноте Мишкевич не мог разглядеть его лица, но слышал прерывистое

дыхание и чувствовал, как мечется и не находит себе места Иосиф Матвеевич. Перепуганный Тимофей стал торопить шофера.

Вдруг Золкин схватил лацканы пиджака, дернулся и... затих.

— Иосиф Матвеевич! — закричал Тимофей. — Иосиф Матвеевич!!

Едва машина остановилась у клиники, он выпрыгнул из кабины. Двери вестибюля оказались на замке. Мишкевич забарабанил обоими кулаками вместо того, чтобы нажать кнопку сигнализации. От ужаса перед случившимся он уже ничего не видел и ничего не соображал.

Золкина внесли в приемную, положили на диван. Кто-то вызвал Касимову.

— Конец... — будто сквозь сон услышал Тимофей голос Тамары Ильдаровны. — На стол, в операционную номер четыре.

«Я отдам свое сердце!»

У Тамары Ильдаровны не было никакого расчета. О восстановлении сердца Иосифа Матвеевича не могло быть и речи. Касимова отлично знала, какой тяжкий недуг подтачивал здоровье этого пожилого человека. Сейчас она намеревалась лишь приостановить агонию, удалив разрушенное сердце и подключив автожелектор.

Тимофей не решился присутствовать при операции. Он ходил по предоперационной, чутко прислушиваясь к тому, что происходит за плотно закрытыми дверями. До его слуха доносилось знакомое гудение аппаратов, звяканье брошенного в таз инструмента.

Появился Виктор Викторович. Он был в белом выходном костюме, в желтых лакированных туфлях, прямо с какого-то торжества. Ни о чем не расспрашивая, биохимик сел в кресло лицом к дверям в операционную и стал ждать окончания операции. С его холеного лица исчезло надменное выражение. Щеки странно отвисли, глаза растерянно обращались к Тимофею и будто спрашивали: «Как же мы теперь будем работать?..»

На столе зазвонил телефон. Тимофей с досадой отошел в дальний угол, Блинов не шелухнулся. Телефон продолжал звонить настойчиво, тревожно. Тогда Виктор Викторович с шумом поднялся и встряхнул головой, пытаясь освободиться от невеселых мыслей. Сняв трубку и прикрыв рот ладонью, он произнес:

— Алло!

Брови его медленно поползли вверх. Он сказал как можно спокойнее:

— Да, его привез Мишкевич, Лариса Моисеевна! Это я, Блинов... Так, так, понятно. — Виктор Викторович исподлобья бросил на Тимофея хмурый взгляд. — Вы не беспокойтесь, Лариса Моисеевна,

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

с Иосифом Матвеевичем всё в порядке. Он тут за Тамарой Ильдаровной увязался — опять какая-то срочная и очень сложная операция. Позвать к телефону? Да что вы! Разве его теперь оторвешь? Хорошо, договорились. Сделаю. А баню ему сообща устроим.

Трубку Виктор Викторович клал медленно-медленно. А положив, уже всем телом повернулся в сторону застывшего посреди комнаты Мишкевича.

— Где же у тебя совесть была? — процедил он сквозь зубы, вернулся в кресло, сел опять лицом к дверям в операционную и не произнес больше ни слова.

Тимофей съехался, будто ему дали пощечину.

В половине восьмого, когда город уже проснулся для нового трудового дня, из операционной вышла Касимова. Она едва держалась на ногах. Блинов поспешно встал и придвинул ей кресло.

— Мы удалили ему сердце, — сказала Тамара Ильдаровна. — Теперь он живет на операционном автожекторе.

— Живет! — вскричал Тимофей.

— Я должна посоветоваться с вами, — обратилась Касимова к Блинову. — Что делать дальше? Не дотянул Иосиф Матвеевич до искусственного сердца... Здесь, — она оглянулась на операционную, — мы можем оставить его не более восьми часов. Операционный автожектор не рассчитан на длительное питание

организма. Через восемь часов начнутся необратимые явления.

Мишкевич ясно видел, что его присутствие тяготит и Блинова, и Тамару Ильдаровну. Но не мог сдвинуться с места: подошвы ботинок, казалось, примерзли к полу.

— Насколько я вас понял, — сказал Виктор Викторович, глядя в упор на Касимову, — Иосиф Матвеевич нуждается в автожекторе длительного действия.

— Да.

— В одном из тех автожекторов, которые установлены в семьдесят первой палате?

— Да.

— Значит, еще не все потеряно, — облегченно вздохнул Блинов. — У нас целых восемь установок. Так или иначе, а искусственное сердце мы доведем до конца и пусть его первым получит Иосиф Матвеевич.

— Вы забыли, что все установки заняты, — негромко ответила Касимова. — У нас нет резерва. Чтобы положить туда Иосифа Матвеевича, нужно кого-то снять. Снять — значит убить... Жизнь за жизнь.

— За какую жизнь! — воскликнул Блинов. — Честное слово, я бы не стал здесь колебаться ни одной минуты. Да жизнь Золкина нам дороже, чем все эти восемь, вместе взятые.

— Да. Сейчас нужна жертва. Без

ЛИСЕНОК-ВОРИШКА

Как-то, бродя по лесу, я увидел, как впереди меня снялась стая косачей. Бросился за «добычей», но помешал вещевой мешок. Оставил его на небольшой полянке. Вернулся минут через сорок и диву дался. Около моего мешка сидел мокрый лисенок и тянул мешок на себя. Кругом валялись обрывки газет, в которые я дома заворачивал еду. Сначала я хотел застрелить воришку, но потом вспомнил про фотоаппарат и моментально шелкнул затвором. Мгновение — и лисенок исчез. За мое отсутствие он успел расправиться лишь с двухсотграммовым куском ветчины. Я поспешил домой, проявил пленку, сделал отпечаток.

Вот что у меня получилось. (Снимок слева)

В. Лебедев

НЕ ПОВЕЗЛО

Этому медведю при встрече с нами не повезло. А мы познакомились с самым крупным из всех, которых нам приходилось встречать в тайге. Рост его около двух метров, сердце весило 1600 граммов, а печень — 4 килограмма.

Сейчас в тайге медведи встречаются крайне редко. В позапрошлом году за два месяца путешествий по Байкальскому хребту мы видели всего-навсего 53 медведя, а в прошлом году в тех же местах встретили 30. Совсем не стало этого зверя на Байкале. (Снимок в середине)

К. Гусев

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

В БАЙКАЛЬСКИХ РЕЧКАХ

«Это еще не самый большой таймень, его вес всего-навсего 25 килограммов, — говорит Валерик, «старожил» северного Байкала. — Моя мама в прошлом году поймала в сети такого, который был в два раза выше меня ростом и весил 50 килограммов».

Слева на фото ленок, он здесь бывает тоже изрядных размеров. Вот какие рыбы водятся в байкальских речках! (Снимок справа)

Г. Олегов

Иосифа Матвеевича мы рискуем потерять не только тех, кто находится в семьдесят первой палате. Погибнут еще десятки тысяч людей.

Она прикрыла лицо ладонью и, откинувшись в кресле, замерла. Никто не решился заговорить с нею.

Снова зазвонил телефон.

— Все в порядке, Лариса Моисеевна, — нарочито спокойным тоном ответил Блинов. — Мы его спать уложили. Да, у себя в кабинете. Пусть отдохнет, а к обеду под конвоем обратно на квартиру доставим.

Биохимик осторожно опустил трубку на рычаг, мельком окинул взглядом стоящего все в той же нелепой позе Мишкевича и решительно повернулся к Касимовой.

— Я помню все восемь фамилий на память, — сказал он. — Дубровский, Спиридонова, Шаламов...

У Тимофея екнуло в груди, когда прозвучала фамилия Люды. Руки его зачем-то полезли в карманы, он перестушил с ноги на ногу, попятился, чтобы дать дорогу пробежавшей сестре.

Яркое весеннее солнце заглянуло в окно. Лучи его упали на Блинова, тот недовольно вместе с креслом отодвинулся.

— Вы что, хотите спасти Золкича ценою другой жизни? — спросила Тамара Ильдаровна.

— Тут дело такое... Приходится. Погибнет Золкин — погибнут и все остальные. Надо выбирать. Трудно решить, кто из них лучше, кто хуже. Все люди хорошие, нужные. Давайте пожертвуем этой девочкой, Людмилой Белаш.

— Нет!! — вырвалось у Тимофея. В отчаянии сжал он кулаки и посмогнул в красивое лицо биохимика ненавидящими глазами. Впервые Тимофей мог ненавидеть. — Нет! Только не...

— Ах, вы еще здесь, — усмехнулся Виктор Викторович. — Вам не пора отдохнуть после ночных стараний? Вы так утомились, не правда ли? Если же мы не сможем обойтись без вашего чуткого вмешательства, то пришлем курьера. А сейчас можете быть свободны.

Касимова не одернула биохимика, она даже не взглянула на Тимофея. Он же, страшась, что его сейчас выставят и без него решат судьбу Люды, не обратил внимания на грубость Блинова. Не давая снова заговорить Виктору Викторовичу, Тимофей стал приводить доводы в защи-

ту Люды: ее красоту, молодость, увлечение музыкой. От желания поскорее высказать все, что может вызвать сочувствие к девушке, речь его звучала бессвязно, как это случается с людьми, потерявшими голову.

— Чепуха все это, — довольно грубо перебил его Блинов. — Девочка, конечно, хороша собой. Что же, можете заказать с нее портрет и повесить над своей кроватью. Но как у вас хватает наглости приравнять ее к Чубарю, к Дубровскому, к Спиридоновой?

— У Людмилы отец, мать...

— И к тому же еще не старые. У них еще могут быть дети. А вот детям нозу мать или отца уже не сделаешь. Видите, как тут получается. И потом, насколько я помню, сам Иосиф Матвеевич не выделял Белаш. Он больше переживал за Чубаря.

— Прекратите этот разговор, Виктор Викторович! — твердо сказала Тамара Ильдаровна. Во время спора Блинова с Тимофеем она стояла у окна и смотрела куда-то далеко-далеко. Казалось, она не слышала ни одного слова из того, что говорилось. — Так вопрос решать нельзя.

— Тамара Ильдаровна... — Тимофей вдруг почувствовал, что силы его ослабевают, он оглянулся в поисках стула. С минуту сидел, стирая со лба выступивший пот. Потом поднял на Касимозу умоляющие глаза: — Есть еще один выход. — Голос его стал хриплым, слова с трудом отделялись одно от другого. — Самый верный и самый быстрый способ вернуть жизнь Иосифу Матвеевичу — пересадка сердца.

— Я думала об этом перед операцией и разговаривала с Москвой, — сказала Касимова. — Пересадку сделать не от кого.

Тимофей глотнул сразу подкатившийся к горлу комок.

— Я согласен отдать свое сердце, — проговорил он довольно твердо, но еще не до конца осознавая свое решение. — Ну что тут особенного? — все более возбуждаясь, доказывал Тимофей. — Есть же доноры, которые отдают свою кровь. А я — сердце. Совершенно добровольно. Оно у меня абсолютно здоровое. Кроме вас, никто ничего не узнает. А родителям я напишу. Положить Иосифа Матвеевича под автожектор все равно не выйдет. Что, если не удастся изготовить искусствен-

ное сердце ни за год, ни за два? Что тогда будет с ним? Я же добровольно. Через месяц-другой Иосиф Матвеевич будет уже на ногах. Ну, Тамара Ильдаровна? Слышите? А из них никого убивать нельзя. И Люду не трогайте. Она... я... я все равно не смогу без нее.

— Тимофей Петрович! — воскликнула Касимова. — Да ты, никак, любишь ее... девочку эту?

— Сентиментальности... — заворчал Блинов. — Рыцарь нашелся. Кто-то решится взять у него сердце. Пропишите ему бром, Тамара Ильдаровна.

— Замолчи! — Касимова так поглядела на биохимика, что тот удивленно заморгал глазами и стушевался. Голос женщины стал мягче: — Тимофей Петрович, невозможно ты предлагаешь. Кто же, действительно, возьмет на себя смелость убить человека? И эти восемь из семьдесят первой палаты, они тоже... живые. А? Виктор Викторозич? Разве они мертвы? Как же вы решаетесь поднять руку на живого?

В коридоре послышались голоса. В комнату, сопровождаемая дежурным врачом, вошла полная женщина. Белый халат был ей явно тесен и короток. Из-под халата выглядывала темно-вишневая юбка строгого костюма. Это была Румянцева, заведующая горздравотделом. Она подошла к Тамаре Ильдаровне и, не давая встать из кресла, обняла за плечи.

— Что случилось, мне известно, — проговорила она густым низким голосом. — Хочу знать, что вы решили делать дальше.

— Я предлагаю спасти жизнь Иосифа Матвеевича, — медленно и не очень уверенно проговорил Блинов.

— Каким образом?

Виктор Викторозич изложил свои соображения. Снова прозвучала фамилия девушки. Румянцева перевела взгляд на Касимову.

— А вы, Тамара Ильдаровна? Что думаете вы?

Касимова побледнела.

— Мы не имеем никакого морального права жертвовать ради жизни Золкина жизнью другого человека. Надо примириться... — Тамара Ильдаровна остановилась, потом тихо, с трудом продолжила: — с мыслью о том, что Золкина с нами нет... Эта девочка... Людмила Белаш и другие должны жить. Мы обязаны...

Тимофей стал пробираться к двери. За его спиной продолжался разговор. Но какое это уже имело для него значение.

На улице он остановился, долго глядел невидящими глазами на стайку голубей, слетевшуюся к дверям клиники. Мыслей не было. Казалось, голозу выпотрожили. В груди была пустота.

Тимофей взглянул на небо: какой там простор! Ни одного облачка. По дороге промчались велосипедисты — юноши и девушки. У каждого на руле огромный букет черемухи. Наверное, из леса. От девичьего смеха, от радостных возгласов, от праздничного сверкания машин Тимофею стало совсем тоскливо.

Он свернул к реке. У решетки набережной толпился народ. В песке возились малыши, строили башни. Девочки прыгали через скакалку.

По воде скользили белые нарядные электроходы. Яркие отблески солнца переливались на потревоженной поверхности реки.

«Так нужно»

Касимова сказала: невозможно взять сердце из груди живого и здорового человека. Что ж, в таком случае этот человек умрет. Тамара Ильдаровна будет поставлена перед совершившимся фактом. Ей поневоле придется делать пересадку. Золкин получит крепкое молодое сердце. Он продолжит исследования. Судьба открытия будет решена.

Тимофей выпрямился, расправил плечи. Впервые он почувствовал себя настоящим сильным, способным вершить человеческие судьбы. В душе наступило строгое, холодное спокойствие. Страх не было, лишь в движении потвилась скованность, будто мускулы затекли после долгой неподвижности.

Надо спешить. Тимофей покинул набережную. Он шел, глядя себе под ноги. Он не хотел видеть людей.

Войдя в клинику, Тимофей попросил у ничего не подозревающей лаборантки шприц и прошел в комнату, где хранились химически чистые соли — сырье для экспериментов. Взял позаренную соль. Лишенная всех примесей, она становилась смертельным средством, мгновенно парализующим нервную систему.

Потом замкнул дверь на ключ, сел к столу и положил перед собой заряжен-

ный шприц. На странице открытого журнала для регистрации солей написал: «Прошу использовать мое сердце для пересадки главному хирургу Золкину. Отдаю его добровольно во имя скорейшего решения проблемы искусственного сердца».

На столе стоял телефон. Пришлось набирать номер за номером, прежде чем трубку взяла Касимова. Она только что возвратилась в свой кабинет.

— А, это ты, — холодно отозвалась она, узнав голос Тимофея.

— Тамара Ильдаровна, — так же сухо сказал Тимофей, — вам все-таки придется сделать пересадку моего сердца.

— Довольно об этом...

— Обстоятельства изменились, Тамара Ильдаровна. Как только вы положите трубку, я буду мертв. И чтобы никто вас ни в чем не обвинил, я тут черкнул пару слов. Прощайте.

Опуская трубку на аппарат, он прислушивался к голосу Касимовой, но слов уже не разбирал. Наступила удивительная тишина. Весь мир замер в ожидании чего-то. Один Тимофей знал, в ожидании чего. Он заглянул в тупое решетчатое рыльце шприца-пистолета, изобретение все того же Григорьева. Шприц действовал безболезненно, продавливая раствор сквозь поры кожи. Стоило только прижать торец к телу и опустить спусковой крючок.

Прикосновение металлической поверхности было ледящим. Тимофей только сейчас понял, что ему страшно, — страшно с того самого мгновения, как только в голову пришла мысль о самоубийстве.

— Так нужно, — сказал он вслух.

Стук в двери уже не дошел до его сознания.

Окончание следует.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

20 ЛЕТ В ВОЗДУХЕ

О наших славных земляках уральцах

Герой Советского Союза Василий Александрович Леонтьев — ровесник Октября. Его жизненный путь — это путь бесстрашного волевого человека, путь от чернорабочего до прославленного летчика-патриота.

Василий Александрович окончил начальную школу, потом Березовскую школу ФЗУ. Работал в Свердловском трамвайном парке слесарем. Без отрыва от производства он учился в летной школе.

С 1937 года Леонтьев летчик — командир экипажа. Во время войны с Финляндией за отвагу и мужество Василия Александровича наградили орденом Боевого

Красного Знамени. С первых дней Великой Отечественной войны Леснтьев на фронте. Он сделал 60 боевых вылетов, уничтожил 600 фашистских солдат и офицеров, 40 танков и автомашин. В 1942 году за проявленный героизм он получил орден Ленина.

16 февраля 1942 года Василий Александрович вылетел на очередное боевое задание. В воздухе его самолет атаковали два немецких истребителя. На парашютах экипаж вынужден был выбраться в район немецкого тыла. Его спасли советские люди. Колхозники провели его в партизанский отряд, откуда тяжело раненного летчика, переправили в

госпиталь. Из госпиталя Леонтьев снова вернулся на фронт.

После войны Герой Советского Союза Василий Александрович Леонтьев не расстался с самолетом. Он стал служить в гражданской авиации. Бесстрашный летчик, отважный человек, Леонтьев в 1957 году вышел на пенсию. Но и сейчас Василий Александрович не бросает любимого дела: он передает свой опыт молодежи¹.

Из альбома-эстафеты краеведческого кружка школы № 29 гор. Березовского

См. «Уральский следопыт» за 1960 год.

ЧЕХОВ-ВРАЧ

Такую лекцию прочитал свердловский врач Г. Я. Векслер в дни, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Антона Павловича Чехова. Лекция вызвала большой интерес медицинской общественности. Г. Я. Векслер больше года разыскивал и собирал материалы и документы, характеризующие великого писателя как выдающегося врача своего времени.

Оказывается, что еще студентом медицинского факультета университета Антон Павлович каждое лето работал в Чикинской больнице Воскресенского уезда, Московской области. Получив диплом, он занимался врачебной практикой сначала в той же больнице, потом в Звенигороде и в Москве. Однажды, возвращаясь от пациента, Антон Павлович вспомнил, что выписал в рецепте чрезмерно большую дозу лекарства (не там поставил запятую). На последние деньги он нанял извозчика, проехал через весь город обратно к больному и исправил рецепт, который еще не успели унести в аптеку.

Оказывается, Чехов придавал большое значение своей врачебной деятельности. В письме к М. Е. Чехову в 1886 году он писал: «Медицина моя двигается помаленьку... Писанье мое, это побочное занятие, подвигается своим порядком».

В письме к Григоровичу, написанном в том же 1886 году, читаем: «Я врач и по уши втянулся в свою медицину...»

Большой друг Чехова Вл. И. Немирович-Данченко вспоминал о нем: «У Антона Павловича не было постоянного писательского дела, он не принадлежал ни к одной редакции, ни к театру. Он был врач и дорожил этим. Решительно не могу вспомнить, сколько времени и внимания он отдавал своей врачебной профессии в Москве, но помню, как это обстояло в имении Мелихово... он очень охотно лечил там крестьян».

Оказывается, Чехов очень увлекался научными исследованиями. Так, в 1884 и 1885 годах Антон Павлович занимался вопросом, который сам озаглавил «Врачебное дело в России». Рукопись эта (46 листов) обнаружена Н. Ф. Бельчиковым в Центральном архиве. Работая над ней, Чехов использовал различные произведения, в том числе и «Историю государства Российского» Карамзина, выдержки из псковской, софийской, тронцкой, лаврентьевской и других летописей, записал много «заговоров», широко использовал фольклор. Но самое большое доказательство его научной деятельности — книга «Сахалин». Не случайно, когда стал вопрос о преподавательской деятельности Антона Павловича в университете, «Сахалин» фигурировал как работа, которая может служить диссертацией.

Оказывается, что, когда началась борьба с холерной эпидемией в Московской губернии, Чехов одним из первых включился в нее. Он взял на себя все обязанности: стал членом уездного санитарного совета, членом всех комиссий по вопросам фабричной и школьной санитарии, вел

прием больных. В 1892 году он писал А. С. Суворину: «Способ лечения холеры требует от врача прежде всего медлительности, то есть каждому нужно отдавать 5—10 часов, а то и больше. Положение мое глупее дурацкого. Пока я буду возиться с одним больным, успеют заболеть и умереть десять. Ведь на 25 деревень только я один, если не считать фельдшера, который называет меня вашим высокоблагородием, стесняется курить в моем присутствии и не может сделать без меня ни единого шага».

Оказывается, Чехов был врачом, хорошо знакомым не только с частными вопросами медицины, но и с основными направлениями научной биологии и врачебного дела. Большое значение он придавал книге, считал, что нужно постоянно пополнять свои знания. Еще студентом четвертого курса Антон Павлович писал: «Не тот доктор, кто все рецепты наизусть знает, а тот доктор, кто вовремя умеет в книжку заглянуть». «Читаю Дарвина. Какая роскошь! Я его ужасно люблю!» (Письмо к Билибину, 1889 год). А Суворину в 1888 году Чехов писал: «Кто не умеет мыслить по-медицински, а судит по частностям, тот отрицает медицину, Боткин же, Захарьин, Вирхов, Пирогов, несомненно, умные и даровитые люди, веруют в медицину, как в бога, потому что выросли до понятия «медицина».

Оказывается, что о своем отношении к науке, имеющей огромное значение для подлинного литературного творчества, Чехов писал в автобиографии: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность, они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как писателя, может понять только тот, кто сам врач... Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно — предпочитал вовсе не писать. Замечу кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, то есть нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем. К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу; и к тем, которые доходят до всего своим умом, не хотел бы принадлежать».

Мнезвезда

Приключенческая повесть

Печатаем четвертую часть коллективной повести свердловских литераторов. Автор ее — молодой журналист Феликс Овчаренко.

В 1956 году он закончил Уральский государственный университет имени А. М. Горького.

На страницах газет «Советская Мордовия», «Молодой ленинец», «Вечерний Свердловск» и «Уральский рабочий» публиковались его рассказы, очерки, фельетоны и рецензии.

Сейчас Феликс Овчаренко — сотрудник газеты «Уральский рабочий».

Странный гость

о всех сторон к Павлу подступали грубо струганные деревянные стены. Он напряженно всматривался в плотную, давящую темноту, но даже малейшего намека на дверь или окно нигде не было видно.

Что случилось с ним?

Как он попал в эту мрачную ловушку? И отчего стены так раскачиваются, будто кто-то невидимый и огромный то и дело наваливается на них своим плечом.

От тяжелого предчувствия гулко забилось сердце. Павел хотел вскочить на ноги, но тонкие просмоленные веревки врезались в тело. «Связан!» Мысли, одна тревожнее другой, пронеслись в голозе.

Неожиданно над самой его головой с грохотом распахнулся люк, и вниз грузно спрыгнул одетый в черное человек. Судя по всему, это был старый морской волк. Бронзовое лицо, густая рыжая шевелюра, могучие плечи, истертая кожаная куртка... Его костюм дополнял широкий пояс с блестящей медной пряжкой, из-за которого торчала рукоятка длинноствольного пистолета...

— Послушай, упрямец, — хрипло пробасил он. — Джентльмены удачи предлагают тебе вступить в наше братство...

— Развяжите меня! — перебил его Павел, поняв вдруг весь ужас своего положения: он — пленник пиратов...

— Не торопись! У тебя будет много приключений и сундучок золота на черный день... — Пират вытащил пузатый

Ветер

нескольких авторов

кошелек, туго набитый монетами.— Здесь целое состояние. Скажи «да» — и оно твое.

— Соглашайся, глупый...— услышал Павел чей-то очень знакомый шепот. Он повернул голову и увидел... мать. Она снова заговорила срывающимся голосом:— Золото мы обменяем... Есть у меня знакомые... Все устроят...

— Знаю я твоих знакомых! Жадюги, спекулянты несчастные!— задышавшись от гнева, выкрикнул Павел.— Вам бы только деньги грести... Все вы здесь заодно...

Пират с перекосившимся от злости лицом выхватил пистолет. Грянул выстрел, и Павел почувствовал, как хлынувшая кровь заливает ему лицо. Собрав остатки сил, он рванулся и тут же застонал. Жгучая, раздирающая боль пронзила тело. Дышать стало нечем. Перед глазами поплыли синие и оранжевые круги... Неожиданно совсем рядом раздался сиплый голос:

— Ну что, полегчало?..

Тотчас же туман рассеялся, и Павел увидел, что над ним склонился бородатый человек в шапке-ушанке, низко, по самые брови, надвинутой на лоб. Внутри все горело, першило в горле. Павел поморщился. Бородач усмехнулся:

— Что, брат, печет? Это с непривычки. Я тебя спиртом малость напоил...— Он почему-то подмигнул, высоко под-

прыгнула рассеченная коротким шрамом правая бровь.— Ну и брыкался ты. Суший дьявол. Слова разные кричал... Про золотишко кой-чего брякал...

— Мерещилось тут мне всякое,— слабо отозвался Павел, обводя взглядом избу.

Только сейчас он почувствовал, что весь охвачен жаром. В груди при каждом вздохе что-то хрипело.

Снова со всех сторон надвинулся тяжелый, мгlistый туман. Но, прежде чем

погрузиться в забытье, Павел успел улышаться торопливые слова:

— Погоди, не спи, кой-чего спросить надо...

Но о чем хотел спросить его бородатый человек, он уже не разобрал.

Когда Павел снова открыл глаза, был день. Два перекошенных солнечных квадрата лежали на полу. За столом, не снимая шапки, слегка сутулясь, сидел незнакомец. На лавке — рюкзак Павла, почти наполовину пустой. Часть его содержимого была вывалена на пол. Бородач держал в руке кристалл хрустала, найденный Павлом на месте обвала, и вприщур рассматривал его на свет. При этом он

загадочно улыбался и беззвучно шевелил губами.

Что делать? На всякий случай Павел притворился спящим. Не очень-то ему понравился человек, который так запросто копается в чужих вещах.

Только он прикрыл глаза, как бородатый круто обернулся и внимательно посмотрел в его сторону. Павел не шелохнулся. Когда он снова решился взглянуть на незнакомца, тот уже торопливо заталкивал вещи и камни назад, в рюкзак. Если бы Павел разомкнул веки секундой раньше, он заметил бы, что осколок хрустала бородач спрятал в кожаный кисет, который тут же сунул за пазуху.

Если ты следопыт...

рудно все-таки быть следопытом. Раньше Павел считал, что главное — это крепкие, налитые мускулами руки и ноги, железная закалка и умение с одной спички разжечь костер из сырых веток. Но теперь он понял и другое: назвался следопы-

том — учись разбираться в людях.

Вот уже битых два часа он распивает чай с незнакомцем, назвавшимся Степаном Тимофеевичем, а все еще никак не может уяснить, что же из себя представляет его собеседник, хотя тот не молчит, а как будто даже с видимой охотой поддерживает непринужденный разговор. Никакие ухищрения не помогают.

— Вы, выходит, здешний? — простовато улыбается Павел и прихлебывает из кружки кипятка.

— Почему знаешь?

— Гляжу: вы налегке. Без ружья даже, значит, дорога у вас была недолгая.

— Верно подметил. Берлога у меня тут поблизости.

— И здесь же работаете?

— Да уж в город не езжу. Тайга, она кого хошь прокормит...

— А... вы, наверно, лесник?

— В самую точку угадал, — ухмыляется Степан Тимофеевич и, сняв с печки котелок, продолжает: — Ты вот мне анкету

устроил, а сам представиться позабыл. Не знаю даже, кого двое суток от хвори выхаживал...

— Павлом меня зовут. Можно Пашкой...

— Это-то я, брат, знаю, — улыбнулся лесник. — Ты пока тут бредил, я в твой мешок заглянул, думал, у тебя там лекарство какое есть, так изнутри увидел написано «Павел Ливанов».

Павел облегченно вздохнул: так вот зачем он рылся в рюкзаке! И тоже улыбнулся. Хорошо, когда рассеиваются самые мрачные твои предположения. Трудно, очень трудно таиться от человека в то время, когда тебе позарез нужен добрый совет, когда просто необходимо поделиться своими думами.

— Ты вот мне скажи, куда собрался, откуда путь держишь?

— Дядя у меня геолог... — сбивчиво

начал Павел. — К нему добираться... Вместе хотели податься к Тельпос-Изу. Гнездо ветров, слышали? Да тут как раз командировали его в ваши места. Платину будто бы нашли...

— Платину? — переспросил Степан Тимофеевич.

— Ну да... — Павел встретился взглядом с добрыми, внимательными глазами собеседника и уже без колебания выложил самое главное: — Беда какая-то с ним приключилась. Потому я так и спешил. Один ведь он, даже без проводника...

С этими словами Павел, порывшись в нагрудном кармане, достал загадочную записку, которую принес ему Тор. Рядом положил вторую, оставленную дядей Василием в избе.

Степан Тимофеевич, прочитав их, нахмурился. Захватил в кулак жесткую бороду, некоторое время молчал. Даже трубка погасла. Потом решительно тряхнул головой и сказал:

— Похоже, что надо выручать. — Сощурил глаза, глянул из-под бровей на схему, висевшую на стене. — Дорогу найдем.

— Я знал, что вы такой! — Павел окончательно забыл о всех своих подзрениях. Он был готов идти сейчас же! Степан Тимофеевич охладил его порыв:

— погоди, не торопись. Больно слаб еще. Пока отдохни, а утром аккурат двинемся.

— Время дорого, понимаете!

— Все понимаю. А только так, — он сдвинул брови, — дело не пойдет. Нужно подготовиться. Не в кино собрались. Слушай старшего. В тайге это, брат, закон. Оставайся здесь, а я схожу до тайника. Там у меня ружье и кой-чего пожевать найдется: припас. К утру ворочусь. Не боишься? Один-то?

Павлу ничего не оставалось делать, как ждать лесника. Когда тот ушел, Павел проверил ружье, затем вынул блокнот и, немного поразмыслив, написал на чистой странице:

«Шура, здравствуй!

Не знаю, дойдет ли до тебя мое письмо. Но все равно решил написать.

Сейчас отправляюсь разыскивать дядю Василия. Он в беде. Когда увидимся, расскажу все. За меня не волнуйся. Иду не один. Со мной Степан Тимофеевич, местный лесник, очень надежный человек...»

Карандаш плохо слушался Павла.

Сказалась сильная слабость от еще не прошедшей болезни. Мучительно хотелось спать. Прислонившись к стене, он закрыл глаза и через несколько минут уже спал, изредка вздрагивая и натягивая на плечи сползавший ватник.

Леденящий холод разбудил его. Тянуло от двери. Она была распахнута настежь, и хмурая таежная ночь заглядывала в избушку. Ружья на месте не оказалось. Наткнувшись на кусок тяжелой породы, схватил его и бесшумно подошел к двери. Прислушался. Никаких посторонних звуков. Только протяжно вздыхают высокие сосны, да о чем-то шумят на ветру могучие кедры. Павлу стало не по себе. Рывком он захлопнул дверь и одним ударом закрыл ее на замок. Держась стены, подошел к окну. Ему показалось, что в темноте мелькнула человеческая фигура и тут же растаяла. Приглядевшись, понял, что принял за человека качающийся от ветра рябиновый куст.

Павел был готов ко всему. Если бы кто-нибудь сейчас внезапно бросился на него, он сумел бы за себя постоять. Зря, что ли, четыре года растягивал эспандер и все лето не расставался с гантелями! Но никто на него не напал. Все было спокойно. Ни выстрелов, ни рычания зверя за окном. Только шумит бескрайняя, как море, тайга...

Выждав полчаса, Павел разыскал спички и зажег одну из них. Внимательно осмотрел каждый предмет, осветил углы и медленно опустился на скамейку, сдавив ладонями виски. Ружье и рюкзак исчезли...

До самого утра Павел не мог уснуть. Зябко поеживаясь, ходил по избе, в раз-

думье тер подбородок и морщил лоб. А твердого ответа на вопросы, которые загадала ему эта тревожная ночь, он так и не нашел.

Кто побывал ночью в избе? Как мог он так крепко заснуть? Кому, наконец, понадобился его тяжелый рюкзак с камнями?

Ю Т Ш

а окном светало. Низко стелившийся меж деревьев туман обещал ясный день, солнечную погоду. Но Павла это не радовало. Как продолжать путь без самого необходимого? Что делать в таежных чащах без ружья? Тем более, после этого

ночного происшествия. И кто его знает, с кем еще доведется встретиться в пути. Тяжелые думы ни на миг не оставляли Павла.

Внезапно под окном раздались нетопливые, осторожные шаги. Весь внутренне подобрившись, Павел отпрянул от окна в затемненный угол. Он видел, как к стеклу прильнул какой-то скуластый крепыш, за его плечом угадывалась двустволка. «Моя «ижевка!» — узнал Павел.

Бесшумно отодвинул засов и, слившись со стеной, застыл у двери. Теперь главное — внезапность. Если незваный гость решится войти — сразу же сбить его с ног и завладеть ружьем.

Скрипнула дверь. Коренастый парень в военной пилотке неуверенно шагнул через порог. Р-раз! Удар, подножка — и ружье снова в руках у Павла. Не дав вошедшему опомниться, он бросился к нему, намереваясь угостить еще разок. Но не тут-то было. Повергнутый и не издавший даже возгласа противник неожиданно резко вскочил на ноги и ловко ударил Павла в грудь головой. Да так, что тот пушинкой отлетел к нарам, едва не выпустив из рук ружье. Вслед за внезапной контратакой раздался крик:

— На подмогу! Сюда!!

Павел направил ружье на дверь.

— Не шевелись! — крикнул он парню

в пилотке и властной командой остановил на пороге второго — округлого, в матросском бушлате, спешившего на зов:

— Еще шаг — стреляю!

На какую-то секунду все, не смея шелохнуться и только учащенно дыша, застыли на своих местах. Павел явно растерялся. Один — против двоих. Если ринуться на него, надо стрелять. Иначе сомнут. Но ведь перед ним живые люди, его одноклассики... И лица будто бы не злые. Но все же он снова грозно предупредил:

— Только двиньтесь — перестреляю...

— Не бойся, Чижик, — улыбнулся вдруг парень в пилотке, — патронов я ему не дам. — И с довольным видом он похлопал себя по животу, туго перетянутому патронташем.

— А на кой мне твои патроны? — с недоумением спросил Павел. — Моя «ижевка» заряжена.

— С каких это пор она твоей стала? — негодуя отозвался обладатель патронташа.

— Не горячись, Сережка, — поспешил успокоить его приятель. — Сейчас мы во всем разберемся.

— Нечего мне с вами разбираться, — сухо отрезал Павел. — Верните рюкзак и можете улепетывать на все четыре стороны. В другом бы месте я с вами не так поговорил!

Его слова произвели на обоих парней совершенно неожиданное впечатление. На их лицах отобразилось такое чистосердечное изумление, что Павел окончательно разозлился: до чего же все-таки некоторые умеют прикидываться ягнятами. Особенно этот вот, в пилотке. Ишь, какие сделал глаза. Словно и не держал в руках чужого ружья. А Чижик-то совсем перестарался. Даже сел на скамейку, будто что от волнения. Артисты!..

— Что молчите! — вконец разозлился Павел. — Отдавайте, говорю, рюкзак. Учтите, — Павел пошел на хитрость. — С минуты на минуту должны нагрязнать мои друзья-геологи. Они вам такой балет устроят! Особенно главный, Соколов. Он сюда на вертолете прилетел.

Парни переглянулись. От Павла это не ускользнуло.

— Вы о нем что-то знаете? — торопливо спросил он, забыв сразу о взятом вначале прокурорском тоне и о предъявленном обвинении.

— А ты сперва возьми свои слова обратно, — с обидой заявил Чижик. — За кого принял...

Павлу было неловко. К тому же, глянув на ружье, он окончательно убедился, что ошибся. Его «ижевка», он помнил это хорошо, была лет на двадцать «моложе» той, которую он держал сейчас в руках.

— Ну, вот что, ребята... — Павел окончательно смутился. — История тут приключилась со мной, — и коротко поведал ребятам о своих приключениях. — А теперь говорите, что про Соколова знаете. Это мой родственник. Дядя. Я ведь к нему шел.

Сергей кивнул Чижик, и тот с таким видом, будто ему поручили выступить в зале заседаний Академии наук, сообщил:

— Однажды над нашим поселком в сторону Ключевского рудника пролетел вертолет. А на другой день нам сказали, что это, очевидно, экспедиция, которая будет искать платину. О ней уже давно шел разговор... А вчера утром тот же самый вертолет снова пронесся над поселком. Только летел он как-то странно. Мы взобрались на пихту и видели, что порывом ветра его бросило в сторону, а потом он резко пошел на снижение. Когда стали об этом говорить, никто нам не позвонил...

— Это потому, что мы уже два раза

выдумывали «ЧП», — чистосердечно признался Сергей.

— Вот мы и решили отправиться на розыски вертолета. А вдруг у него вынужденная посадка! Ну, а потом на тебя натолкнулись, — закончил рассказ Чижик.

Ребята помолчали, обдумывая положение. Наконец Сергей решительно заявил:

— Мы тебе поможем. Не беспокойся. Мы ведь «ЮТШ».

— Кто, кто? — удивленно переспросил Павел.

— ЮТШ — юнги таежных широт. Это вот он придумал, — Сергей положил руку на плечо Чижик. — У нас в поселке уже целый отряд. Летом ходили в поход по местам партизанских боев. В гражданскую войну здесь, будь здоров, что было! Сейчас книгу пишем о знатных земляках, изучаем морское и охотничье ремесло...

— А я следопыт. Значит, будем друзьями.

Сергей и Чижик крепко трянули Павлу руку. Тут же оба выразили готовность «действовать в нужном направлении».

— Направление у нас одно — на Журавлик. — Павел накиннул ватник. — Продукты есть?

— Полный ранец, — ответил Чижик.

— А вас с милицией разыскивать не будут?

— Лишнее говоришь, — нахмурился Сергей. — И не такие рейды совершали. — Тогда в путь!

Ребята вышли из избушки. Павел первым начал спускаться по склону к реке.

— А ведь здесь уже кто-то прошел, — остановился вдруг немного отставший Сергей и присел на корточки. — Глядите...

На сырой, еще не подсохшей с ночи земле четко отпечатались следы, оставленные крупными, на толстой подошве, ботинками. Они тоже вели к реке.

— Это он! — вырвалось у Павла. — Степан Тимофеевич! Ну, бородач тот, про которого я вам говорил. На нем были такие ботинки...

— А еще что запомнил? — выпрямился Сергей.

— Рыжая борода... Ушанка с'накомником... Плотный такой...

— Какие-нибудь особые приметы... —

начал было Чижик, но Павел не дал ему договорить.

— Стоп! — Он хлопнул себя по колену. — Шрам у него есть! На правой брови.

— Да это же лесник... — отчего-то шепотом протянул Сергей.

— Что лесником он работает, я и без вас догадался.

— Ничего-то ты не понял, — досадливо поморщился Сергей. — Лесник — это только прозвище у него. Степан Тимофеевич он такой же, как я — Чарли Чаплин! Охотником-промысловиком считается. Да что-то не очень он пушиной

интересуется. Его больше золото беспокоит. За ним-то он, видно, и охотится.

— Да, худо о нем говорят, — поддержал Чижик. — Что-то у него лет десять назад из-за какой-то там заявки приключилось. Где-то пропал. А недавно снова объявился. И опять по тайге бродит, все чего-то выискивает... Постой, постой! А ты ему лишнего ничего не сболтнул?

— Вроде бы нет... Разве вот только в бреду про золото какое-то вспомнил — сон мне такой приснился, да еще о хрустале он расспрашивал. Ну, я ему и рассказал, что еду другу нашел на берегу Серебрянки...

— Эх, ты! — совсем расстроился Чижик. — Разве можно так с первым встречным откровенничать?

Павел тяжело вздохнул. Помрачнев, раздумчиво проговорил:

— Хуже всего, если он идет по тому же маршруту, что и мы... Ночь у него в запасе... Надо догонять! Полный вперед!

Маленький отряд снова двинулся в путь. Шли теперь молча, ускоренным шагом, внимательно изучая каждый кустик, каждый метр земли. Дважды ребята наткнулись на едва приметные следы «лесника». Сомнений быть не могло: бородач тоже спешил к Журавлику...

Только к полудню в небольшой лощине, у стуженого ручья, вытекавшего из прозрачно-ледяного родника, решили сделать короткий привал. Сергей развел костер. Павел занялся банкой консервов. А дотошный Чижик, несмотря на усталость, надумал зачем-то исследовать молодой ельник, зеленевший метрах в тридцати от ручья.

Проводив его ироническим взглядом, Сергей повернулся к Павлу:

— А здорово ты меня давеча двинул.

— Да что там, — немного все-таки польщенный, отмахнулся Павел. — Это я после болезни. А был бы здоровый, знаешь, как бы поддал...

— Представляю, — уже без прежнего энтузиазма согласился Сергей.

Неожиданно из ельника пулей вылетел взлохмаченный Чижик и отчаянно замахал руками. Слов у него не было. Он страшно запыхался от бега. Но его энергичные жесты на языке всех следопытов и юнг таежных широт могли означать только одно:

— Все сюда! Здесь такое, что вы сейчас ахнете...

Продолжение следует.

СЕРАЯ ВОРОНА

До чего же противная птица серая ворона! И голос у нее отвратительный.

Но однажды мне воронье карканье показалось приятней соловьиного пения. А было так. Шесть дней подряд мела пурга. Жгучий ветер срывал с горы Чистоп снег и нес его в долину Лозьвы. В маленькой, по самую раму заваленной снегом охотничьей избушке нас было четверо: трое биологов и проводник-манси.

В первый день мы были даже рады пурге. Хотелось полежать и отдохнуть от бесконечных лыжных маршрутов по глубокому снегу. Но на следующий и на третий день лежать стало невыносимо. Каждый придумал для себя дело: кто чинил износившуюся обувь, кто приводил в порядок дневниковые записи, а только проводник-манси продолжал ругать погоду, беспрестанно

подливая в кружку крепкий до черноты чай. Чай он пил без сахара. Сахар кончился еще на прошлой неделе. Действительно, погода нас подвела. Апрель обманул.

На четвертые сутки я не выдержал и ушел в лес, но и в лесу ветер был так силен, что пришлось вернуться. Сосны гудели глухо, а обледенелые ветки берез со звоном хлестали друг друга. Шестые сутки прошли в полном молчании, даже проводник уже не ругал погоду.

На седьмые сутки проснулись от тишины. Вышли из избушки. Было еще темно. Сияли звезды. Сильно морозило. «Ну вот тебе и весна, — сказал кто-то. — Теперь морозом зимушка пугает, а потом, глядишь, к июню и потеплеет».

Но весна была уже рядом.

Пока мы завтракали, запрягали оленей и собирали рюкзаки, взошло солнце. Стало теплей. Где-то по-весеннему просвистела синица. И вдруг мы услышали карканье. Недалеко от избушки, на громадной листвянке, сидела обычная серая ворона и каркала. Но по-особенному, вздохнув, азартно, с придыханием.

— Это весна! — сказал проводник.

Он был прав. Ведь в тех местах и серая ворона — перелетная птица. Она первой прилетела в эти северные леса и первой возвестила о приходе весны.

Г. Бабаков

ПЕЛИКАНЫ НА ОЗЕРЕ ЧЕРНОМ

Озеро Черное находится на юге Тюменской области. На нем водятся пеликаны.

Еще в 1938 году в письмах охотники сообщали, что на озере Черном появились необычные птицы, по размерам крупнее лебедя. Однако эти сведения в течение 20 лет проверены не были. Только в июне 1958 года Тюменский областной краеведческий музей организовал экспедицию по сбору орнитологических коллекций на озере Черном.

Вечером 3 июня экспедиция в шесть человек, с палатками, охотничьими принадлежностями, инструментами для препарирования выехала из города Тюмени.

Вот, наконец, и озеро! Но что это? Кроме тростника, ничего не видно. А ведь известно, что озеро Черное одно из самых крупных в нашей области, протяженность его береговой линии более 100 километров и ширина доходит до 25 километров. Где же вода? Наш проводник Николай Михайлович сказал: «Вот проплывем километра два-три, а там и вода будет». Стоя на ногах в лодках, отталкиваясь шестами, мы долго плыли по мелководью сквозь двухметровый тростник. Наконец впереди показалась вода.

Искали долго, но никаких признаков пеликанов не было. Немного позднее увидели высоко в небе птиц и по огромным клювам узнали пели-

канов. Значит, все-таки колония где-то рядом. Стали искать в ближнем тростнике. Недалеко, в труднодоступном месте увидели 15 гнезд, построенных из тростника, высотой шестьдесят сантиметров. В каждом гнезде нашли одно или два яйца. Рядом лежали крупные караси (пеликаны в сутки поедают до 2—3 килограммов рыбы).

Мы составили описание колонии, потом отплыли в сторону и стали поджидать «хозяев», но пеликаны так и не спустились к гнездам.

Только утром убили одного пеликана. Он имел светло-серое оперение, огромный клюв и обширный горловой мешок. Вес этой необычной птицы, с размахом крыльев до двух метров, был девять килограммов.

Пеликан — вымирающая птица, отстрел которой разрешается только в научных целях.

Н. Мошкина

Рыбалка в центре города

Излюбленное место рыболовов Челябинска — центральная часть города, как раз напротив зданий филармонии и театра оперы и балета.

Здесь, под мостом, на льду реки Миасс, без особых хлопот можно наловить рыбы на уху или на пирог.

Рыболовов обычно всегда осаждают любопытные. Еще бы! Не часто можно увидеть такое чудо — рыбалка в городе. Раньше здесь рыба не ловилась. Но в прошлом году дно реки было углублено на 1,5—2 метра — все лето здесь работал земснаряд, и в котлован пришла рыба.

БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

...в мире производится почти 370 различных типов и видов карандашей более 70 различных цветов и 18 степеней твердости.

...есть карандаши-лилипуть

длиной в 1,25 см и гиганты высотой в 3 метра 60 см.

...обычным карандашом можно провести линию длиной почти 60 километров или написать около 50 тысяч слов.

Продолжение повести в рисунках «Зеленое железо» смотрите в следующем номере.

„ЛЕНИНИАНА“ В ФИЛАТЕЛИИ

Весь советский народ и все прогрессивное человечество отмечают девяностолетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

На третьей странице обложки нашего журнала помещены репродукции почтовых марок с изображением В. И. Ленина. Недостаток места не позволил показать всего разнообразия марок, посвященных этой теме.

За 35 лет со дня выхода первых ленинских марок только в нашей стране было выпущено около двухсот марок с изображением великого вождя. Много таких марок есть и в странах народной демократии.

При жизни Ленина работники связи хотели выпустить марки с его портретом, но Владимир Ильич решительно воспротивился этому намерению. Самыми первыми советскими почтовыми марками с портретом В. И. Ленина стали марки траурного выпуска, поступившие в обращение через несколько дней после смерти, в день похорон Владимира Ильича — 27 января 1924 года.

Множество коллекционеров-филателистов собирают марки, посвященные Ленину. Обаяние и притягательная сила ленинского образа, вечная любовь трудящихся к вождю мирового пролетариата, неиссякаемость сюжетов на выпускаемых ленинских марках делают «Лениниану» наиболее популярной темой в филателии.

Министерство связи СССР провело открытый конкурс на лучшую серию почтовых марок, посвященных 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. В скором времени филателисты смогут пополнить свои коллекции еще тремя высокохудожественными юбилейными марками с изображением Владимира Ильича Ленина.

Ю. Сакнынь

Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов.

Редколлегия: В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, К. Рождественская, Г. Томилов, В. Шустов.

Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Т. Меньщикова. Обложка художника Д. Шимилиса.

Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются.

Подписано к печати 23/III 1960 г. Бумага 84×108/16, 2,5 бум. листа, 8,2 печ. листа, 9,9 уч.-изд. листа.
Тираж 60 000 экз. Цена 3 руб. Заказ № 80.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на фабрике офсетной печати.

У
УЛ. ПРАВОГО
Д.З. НВ.70
ГОЛУБОВУ Ф.И.
9.1.12 СЛЕДОВАТ

948 ε

